

АВТОНОМНАЯ НЕКОММЕРЧЕСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ
ВЫСШЕГО И ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ПРИКАМСКИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ»

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАЛА ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Учебное пособие

Под общей редакцией
доктора исторических наук, профессора Г. Н. Чагина

Пермь
2016

УДК 94 (470.5)
ББК 63.3 (2) (235.55)
И 90

Рецензенты:

канд. ист. наук, научный сотрудник Пермского научного центра
Уральского отделения РАН А. В. Теленков;

канд. ист. наук, зав. кафедрой «Общенаучные дисциплины»
Березниковского филиала Пермского национального
исследовательского политехнического университета В. В. Шилов

История и культура Урала до конца XIX века : учеб. посо-
И 90 бие / Г. П. Головчанский, П. А. Корчагин, А. Ф. Мельничук,
В. В. Мухин, Г. Н. Плотников, Е. Н. Шестакова, А. В. Шилов,
Г. Н. Чагин ; под общ. ред. д-ра ист. наук, проф. Г. Н. Чагина ;
АНО ВПО «Прикамский социальный институт». – Пермь, 2016. –
208 с.

ISBN 978-5-91091-068-7

В учебном пособии рассматриваются основные тенденции
и особенности исторического развития Уральского региона с
древнейших времен до конца XIX в.

Учебное пособие предназначено для студентов, изучающих
дисциплину «История и культура Пермского края».

УДК 94 (470.5)
ББК 63.3 (2) (235.55)

Печатается по решению научно-методического совета
Прикамского социального института

ISBN 978-5-91091-068-7

© Коллектив авторов, 2016
© АНО ВПО «Прикамский
социальный институт», 2016

Раздел I

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ УРАЛА

§ 1. Ранняя история Урала (эпоха первобытности – XV век)

Каменный век на Урале

Заселение Урала происходило в течение длительного времени и с различных территорий. Древнейшие памятники на Урале относятся к эпохе палеолита и встречаются от Южного до Приполярного Урала. Выделяются два пути проникновения человека на Урал в эпоху мустье (средний палеолит от 200 до 40–35 тыс. до н. э.): из Средней Азии вдоль восточного побережья Каспийского моря, далее по р. Урал на Южный Урал, затем вдоль западного склона Уральских гор в Верхнее Прикамье; второй путь – с Кавказа и Европы вдоль Волги в районы Среднего и Верхнего Прикамья. По мере отступления ледника люди стали проникать в северные районы Урала.

Вопрос о том, протекал ли на Урале процесс антропогенеза, до сих пор остается открытым, хотя большинство исследователей не относят Урал к числу зон, где он шел. Памятники эпохи мустье единичны, но это в большей мере иллюстрирует современную стадию развития археологических исследований на Урале, нежели определяет степень заселенности региона в раннекаменном веке.

Среди памятников эпохи мустье можно назвать стоянку Мысовую в 40 км от Магнитогорска, Конец Гор в низовьях р. Чусовой, Сосновку III на Средней Каме, Ганичата I и II в районе Камского водохранилища, палеолитическую стоянку в урочище Пещерный Лог, Ельники II, верхний слой грота Большой Глухой на р. Чусовой, нижний слой Гарчи I.

Для реконструкции хозяйства и быта неандертальцев, населявших Урал в эпоху мустье, используются материальные источники, полученные в ходе археологических раскопок. В это

время люди изготавливали грубые орудия из камня, умели искусственно добывать огонь, охотиться на крупных и стадных животных – мамонтов, шерстистых носорогов, оленей. Можно предположить, что пищевой рацион неандертальцев дополнялся дикорастущими растениями.

В качестве материала для изготовления орудий труда чаще всего использовались кварцит и темный кремнистый сланец. Несмотря на оставшуюся еще примитивной технику изготовления каменных орудий, они уже были достаточно разнообразны: применялись скобели, отбойники, остря, отщепы с краевой ретушью, но основными видами орудий были остроконечники, скребла, чопперы и чоппинги.

Предполагается, что у неандертальцев существовала примитивная общественная организация, называемая первобытным стадом. Изучение орудий труда и способов охоты древнего человека наталкивает на мысль о существовании коллективных форм труда (прежде всего охоты) и защиты от негативных факторов окружающей природы (суровый климат, хищники).

Памятники позднего палеолита (40–10 тыс. до н. э.) на Урале более многочисленны и лучше изучены. Они известны в низовьях рек Чусовой и Сылвы, на Каме и Чаньве, Усьве и Сосьве, в бассейне р. Белой, на Южном Урале. На Среднем Урале верхнепалеолитические памятники известны по обоим склонам Уральских гор. Стоянка эпохи позднего палеолита (15 тыс. до н. э.) изучена в центре г. Перми в районе Разгуляя.

На эпоху позднего палеолита приходится заключительная фаза вюрмского (валдайского) оледенения. Границы ледяного щита проходили по среднему течению Северной Двины и Печоры. Климат был достаточно суров: среднеиюльские температуры не превышали 6–8 °С. Животный мир по-прежнему был представлен мамонтами, шерстистыми носорогами, северными оленями, пещерными медведями.

Исследователи разделяют верхнепалеолитические памятники Среднего Урала на две культурные группы. Первая группа памятников характеризует так называемый среднеуральский вариант верхнего палеолита, вторая связана с памятниками кос-

тенковско-стрелецкой культуры, распространенной в центральной части Русской равнины.

Одна из первых верхнепалеолитических стоянок, изученных на Урале и относящихся к первой группе, – стоянка имени Талицкого на р. Чусовой севернее Перми, стоянка датируется 18 тыс. до н. э. Здесь найдены кремневые скребки, проколки, ножи, костяная основа для вкладышевого наконечника, сверла. В качестве материала для изготовления орудий использовался галечный материал. Достаточно часто встречаются изделия из кости: бусы, иголки, ложила. Крупные скребловидные орудия, найденные на стоянке, указывают на связь с Сибирскими верхнепалеолитическими памятниками, другие орудия указывают на связь с верхнепалеолитическими памятниками Восточной Европы. На стоянке обнаружены остатки нескольких жилищ, а также обломок ребра мамонта, покрытый несложным резным узором; последняя находка свидетельствует о развитии духовной сферы человека эпохи верхнего палеолита.

К первой группе относятся также такие верхнепалеолитические памятники, как Широфаново, Ганичата, Грот Столбовой, Драчево и др. Ко второй группе памятников – Бызовая, Заозерье, Гарчи I.

В качестве материала для изготовления орудий во второй группе памятников чаще всего использовались кремнистый сланец и серый конкреционный кремль. Одной из ярких особенностей материальной культуры этой группы памятников являются бифасы листовидной и треугольной формы, в том числе типичные костенковско-стрелецкие наконечники. Костяные изделия не встречаются, хотя условия залегания вещей допускают сохранение кости: на стоянке Заозерье встречены сохранившиеся кости мелких животных.

Эталонным для этой группы памятников является верхний слой стоянки Гарчи I, расположенной у пос. Усть-Пожва на правом берегу Камского водохранилища на высоком (до 22 м) мысу. Здесь были вскрыты остатки наземных сооружений, выявлены очаги или кострища.

В эпоху верхнего палеолита человек проник уже достаточно далеко на север. Из самых северных стоянок этого време-

ни можно назвать Медвежью пещеру, находящуюся выше 62° с. ш., и стоянку Бызовую на берегу р. Печоры, находящуюся выше 65° с. ш.

В эпоху верхнего палеолита продолжал господствовать присваивающий тип хозяйства в форме охоты на крупных и стадных животных. Предполагается, что с появлением *homo sapiens* усложняется социальная организация: усиливается хозяйственное единство, ограничиваются брачные отношения, происходит становление родового строя.

В эпоху верхнего палеолита усложняется сфера духовной жизни первобытных людей. Известен ряд памятников этого времени, свидетельствующих о развитии первобытного искусства.

Прежде всего стоит назвать изученную О. Н. Бадером Капову пещеру (Шульганташ), расположенную в Южном Урале на р. Белой. В верхнем этаже пещеры открыты две группы изображений – рисунки мамонтов, носорогов, лошадей, выполненные красной охрой. Рисунки выполнены в виде контуров или силуэтов. В нижнем этаже встречены изображения лошади, соседствующие с изображениями геометрических фигур. Группы рисунков открыты также в Игнатьевской пещере (Ямазыташ) на берегу р. Сим. На Восточном склоне Уральских гор в гроте Безымянном обнаружено изображение хищного животного, выполненное в стиле плоской скульптуры из бивня мамонта.

В настоящее время ведутся споры о причислении к произведениям первобытного искусства ряда каменных орудий эпохи верхнего палеолита, по формам отдаленно напоминающих различных животных. Часть исследователей считает, что соответствующие формы орудиям были приданы специально, из эстетических либо религиозных соображений, другая часть предполагает, что указанное сходство – лишь свидетельство о степени развитости фантазии ученых первой группы.

Эпоха мезолита (среднекаменный век, XVIII–VI тыс. до н. э.) приходится на этап глобального потепления климата и отступления ледника. Климатические изменения привели к широкому распространению смешанных лесов, вымиранию мамонтов, носорогов и других крупных животных. Животный мир и ландшафтные зоны постепенно приближаются к современным.

Исчезновение крупных животных привело к изменению форм охоты, появлению индивидуальной охоты, основанной на использовании дистанционного оружия – лука и стрел. Новые формы охоты не требовали большого коллектива. Группы людей стали меньше по численности, более мобильны. Возрастает роль рыболовства и собирательства. В мезолите повсеместно распространилась микролитическая техника обработки камня. Было выдвинуто предположение, что стимулом к переходу к более экономичной технике изготовления орудий стал сырьевой кризис, выразившийся в недостатке высококачественного кремня.

Эпоха мезолита на Урале – это время массового заселения региона. Большое количество мезолитических памятников обнаружено в бассейнах рек Камы, Вятки, Уфы и Белой, Урала, Туры и Исети. Мезолитические памятники обнаружены также в Северном Приуралье (бассейны рек Вычегды и Печоры), в Северном Зауралье.

Считается, что мезолит Урала во многом сформировался на основе местного позднего палеолита. На стоянках Ганичата, Горная Талица в Прикамье, Гаринская, Черноозерье II в Зауралье и Западной Сибири в форме орудий и составе каменного инвентаря прослежены переходные формы от палеолитической к мезолитической индустрии.

На основании анализа типологических признаков предметов материальной культуры исследователи выделяют романовско-ильмурзинскую (бассейн р. Белой), янгельскую (Южное Зауралье), камскую (бассейн р. Камы), среднезауральскую и средневычегодскую археологические культуры. Перечисленные культуры составляют камскую (камско-печорскую) культурно-историческую общность.

Большинство мезолитических памятников – небольшие стоянки, хотя и здесь есть исключения. Огурдинская мезолитическая стоянка, находящаяся в окрестностях Березников и Усоля, имеет протяженность более 2 км. Среди мезолитических памятников выделяют также кремнеобрабатывающие мастерские (Голокаменская мастерская) и святилища (Шайтанская пещера, Дыроватый камень на р. Чусовой).

Исследования торфяников позволили изучить изделия из дерева, коры, кожи, кости, относящиеся к периоду мезолита. Особенности среды торфяника консервируют вещи из материалов, которые в обычной обстановке не сохраняются долго. Богатый материал дали раскопки Кокшаровско-Юрьинской стоянки и Шигирского торфяника в горно-лесном Зауралье.

Эпоха неолита (позднекаменный век, VI–V тыс. до н.э.) в южной части Уральского региона характеризуется началом перехода от присваивающей к производящей экономике. Идет процесс одомашнивания скота: кости домашних животных – мелкого и крупного рогатого скота, лошади – найдены на Ивановской стоянке. Сохраняются и традиционные для каменного века отрасли: охота, сетевое рыболовство и собирательство. На неолитических стоянках найдены каменные мотыги и зернотерки. В эпоху неолита фиксируется появление нового вида изделий – керамической посуды, предназначенной в большей степени для хранения пищевых запасов, нежели для приготовления пищи.

В эпоху неолита получают распространения такие приемы обработки камня, как шлифование, пиление и сверление. Ассортимент сырья, из которого изготавливались каменные орудия, расширяется. Употребляются кремь, яшма, кварц, кварцит, гранит, тальк, сланец, халцедон, горный хрусталь и др.

В эпоху неолита начинают проявляться различия в развитии хозяйства разных областей Урала. Северный Урал с его климатом и животным миром диктует занятия охотой с сезонными перекочевками, на побережье Ледовитого океана в Приполярном Урале развивается охота на морского зверя. В лесном Прикамье жили оседлые охотничье-рыболовецкие племена. Здесь изучены постоянные поселения, такие как Хуторская стоянка, Чашкинское озеро VI (близ г. Березники).

Эпоха раннего металла

Эпоха раннего металла (конец I–II тыс. до н. э.) характеризуется массовым освоением металлургии бронзы, изготовлением из нее орудий труда, оружия и украшений, употреблявшихся наряду с каменными или вместо них. Существует не-

сколько периодизаций эпохи раннего металла на Урале. По периодизации Е. Н. Черных выделяются следующие этапы: первый – энеолит (IV тыс. до н. э.), второй с двумя фазами – ранней и средней бронзы (первая половина III – середина II тыс. до н. э.) и третий этап – поздний бронзовый век (середина II – начало I тыс. до н. э.).

Основные культуры эпохи раннего металла – Гаринская, Борская, Липчинская, Уртандинская, Аятская. В это время идет формирование комплексного охотничье-рыболовецкого хозяйства. Развиваются и более прогрессивные отрасли хозяйства – скотоводство и земледелие. Развитие скотоводства в южных районах привело к первому крупному общественному разделению труда – выделению пастушеских племен. В Прикамье население гаринской культуры осваивает цветную металлургию на базе местных медистых песчаников. Основные культуры эпохи бронзы таежной зоны Урала – Ерзовская и Лебяжская.

Первые бронзовые орудия попали на Урал с Северного Кавказа по Волге через южнорусские степи. В первой четверти II тыс. до н. э. в Прикамье производилась отливка изделий из привозного металла, началась выплавка металла из местных руд в Зауралье. Зауральский металл по р. Чусовой попадал на Каму и Волгу. К середине II тыс. наладилась выплавка меди из пермских медистых песчаников, и приток зауральского металла сократился.

Начиная с XVI в. до н. э. в лесной и лесостепной зонах Евразии возникает феномен распространения археологических памятников со схожими металлическими вещами. В совокупность этих памятников входят крупные и малые могильники – Турбинский могильник, Бор-Ленвинский, Заосиновский, а также предполагаемое святилище в Канинской пещере. По названию первых изученных памятников – могильникам Сейма и Турбино – этот феномен получил наименование сейминско-турбинского. Инвентарь большинства могил носит ярко выраженный воинский характер: оружие, пластинчатые доспехи и т. д. Памятники сейминско-турбинского феномена распространены на огромных пространствах в окружении множества культур. Подвижность и динамичность сейминско-турбинского транс-

культурного феномена очевидна: в XVII в. до н. э. он сформировался на основе племен металлургов и коневодов Алтая, племен охотников и рыболовов, населявших пространство от Енисея до Байкала, затем шло стремительное продвижение на запад и северо-запад, вплоть до исчезновения, связанного с человеческими потерями в ходе тяжелых тысячекилометровых походов и вливанием в местные этносы.

В начале II тыс. до н. э. из Среднего Поволжья на Каму вплоть до Сарпула проникают скотоводческие племена балановской культуры, имевшие развитую металлургию, знавшие помимо скотоводства также и земледелие. На Южном Урале, смешавшись с местными племенами, они образуют так называемую Абашевскую археологическую культуру. В степи и лесостепи Южного Урала от р. Белой до г. Кургана обитали племена андроновской историко-культурной общности. Могильник Синташта (недалеко от Челябинска) является одним из памятников, характеризующих андроновское население. В погребениях могильника заметно уже имущественное неравенство. Встречаются совместные захоронения мужчин и насильственно умерщвленных женщин, что может свидетельствовать о доминанте мужчин в андроновском обществе. Среди прочих вещей, характеризующих скотоводов и земледельцев, в могильнике были найдены предметы вооружения, в том числе боевая колесница.

Рассматривая эпоху бронзы Урала, можно уже с большей определенностью говорить об протекавших этнических процессах. В лесной части Урала шло формирование финно-угорских племен, срубная и андроновская культуры принадлежат к ираноязычным племенам.

В VIII–VII вв. до н. э. в приуральских степях у кочевых племен савроматской культуры появляются первые изделия, изготовленные из железа. У охотников, рыболовов и скотоводов лесостепной и южнотаежной зон собственное производство железа зарождается не ранее V–IV вв. до н. э., и связано это с развитием двух очагов металлургии – иткульского в Зауралье и ананьинского в Волго-Камье.

Железный век на Урале

Железный век Урала делится на две стадии – ранний и поздний. Переход от одной стадии к другой (IV в. н. э.) определяется появлением большого числа изделий из железа и началом такого процесса, как Великое переселение народов.

На стадии раннего железного века (VII в. до н. э. – III в. н. э.) на Урале обитают различные по уровню развития, антропологической и языковой принадлежности племена, впервые освоившие металлургию железа и стоящие на грани перехода к началу разложения родовой общины. В степной зоне это европеоидное население, принадлежавшее к североиранской ветви индоевропейского языка, в лесостепи, тайге и тундре – финно-пермское (Приуралье), угорское и угро-самодийское (Зауралье, Западная Сибирь).

В VII–IV вв. до н. э. на Южном Урале завершается процесс образования савроматского населения; Южный Урал стал составной частью большой скифо-сарматской историко-культурной зоны. Основное значение в культуре сарматов имели овцеводство и коневодство. Отмечаются признаки, указывающие на пережитки матриархата в родовом строе сарматов: в части курганных погребений женское захоронение обычно является центральным, встречаются также погребения женщин-стрелков из лука, женщин-жриц. Отмечаются имущественное разложение и социальная дифференциация: в местности Пятимары в Оренбургской области обнаружены курганы сарматской знати – вождей и дружинников.

Лесостепные территории юга Западного Урала в I тыс. до н. э. заняты племенами кара-абызовской культуры (по городищу Кара-абыз у г. Уфы). Жители этих племен занимались главным образом скотоводством и охотой. Их культура развивалась под сильным влиянием сарматских племен.

В лесном Прикамье в VIII–III вв. до н. э. обитали племена ананьинской культурной общности (по могильнику у д. Ананьино близ Елабуги). Ананьинцы являлись далекими предками пермских народов (коми, удмуртов) и говорили на различных диалектах общепермского языка-основы. Основные памятники

ананьинской культуры на территории Прикамья – Першинский, Ананьинский, Оханский, Скородумский могильники, Гремячinskое поселение-святилище. Хозяйство ананьинских племен было комплексным при ведущей роли мотыжного земледелия и домашнего скотоводства. Ананьинские могильники показывают резкую дифференциацию внутри ананьинского общества: встречаются богатые погребения вождей, воинов и бедные безынвентарные погребения, иногда трактуемые как погребения патриархальных рабов.

К III в. до н. э. на основе ананьинского круга памятников складываются две культурно-исторические общности: гляденовская (на севере) и пьяноборская (на юге). В это время формируется пушной торговый путь, связывающий цивилизации юга, скифо-сарматский мир и таежные общества Урало-Сибирского региона. С этого времени пушная торговля становится главным фактором имущественной и социальной дифференциации лесных сообществ.

В религиозно-мифологических представлениях местных племен происходят изменения, выразившиеся в формировании пермского звериного стиля в металлической пластике. В Среднем и Северном Прикамье появляются большие и малые культовые центры – так называемые костыща: Гляденовское, Юго-Камское, Гаревское.

На стадии позднего железа в регионе завершается разложение первобытного строя. Этому способствовали массовое освоение производства железа, переход к пашенному земледелию в Приуралье и многоотраслевому хозяйству в Зауралье, интенсивное развитие торговых связей. Развитие новых форм хозяйства привело к распаду рода как единого хозяйственного коллектива. Основной экономической единицей становится патриархальная семья. Процессы осложнились политическими событиями на Юге Урала, в частности, Великим переселением народов. Кочевники Центральной Монголии в IV–V вв. прошли по уральским степям в Причерноморье и далее на юг Европы. Степи Урала послужили своеобразным коридором, по которому вслед за гуннами проследовали авары, сарагулы, савыры, печенеги, огузы, кипчаки. Шло становление новых этнических обра-

зований. По этническому составу мигрирующие группы были разными: угры, венгры, тюрки, самодийцы, палеоазиаты.

Близкие по хозяйству и этнической составляющей ломоватовская и неволинская археологические культуры (V–IX вв. н. э.) сформировались на территории Верхнего Прикамья на основе мигрировавшего из Среднего Прикамья финно-пермского населения гляденовской археологической культуры и (по разным данным) либо пришедшего из лесостепной зоны Западной Сибири угорского населения, либо сарматского населения. Территория распространения ломоватовской культуры – от широты Перми и устья р. Чусовой до истоков р. Камы и ее притоков, неволинской – Западное Приуралье (Сыдвенско-Иренское поречье). Хозяйство ломоватовской и неволинской археологических культур имеет комплексный характер: подсечное земледелие, пастушеское скотоводство, охота, собирательство, рыболовство, бортничество. Наблюдается резкий подъем ремесел, в том числе металлургического производства. Дальнейшее развитие получают гончарство, костерезные промыслы, ткачество, прядение.

Известно более 200 памятников ломоватовской археологической культуры, среди которых выделяются Кудымкарское, Лаврятское и Назаровское городища, Зародятское, Коновалытское и Патраковское селища, Деменковский, Каневский и Митинский могильники. Крупнейшие памятники неволинской археологической культуры – Верх-Саинское, Ермаково, Кунгурское городища, Бартымские селища, Бродовский, Верх-Саинский, Неволинский могильники.

Находки в памятниках этих культур представлены: украшениями, в том числе металлическими височными, шумящими и нешумящими подвесками, браслетами, пряжками, накладками, пронизками, гривнами, ожерельями и т. д., бусами различной формы и из различных материалов; оружием, в том числе железными и костяными наконечниками стрел, железными наконечниками копий универсальными и боевыми железными топорами, однолезвийными или двулезвийными мечами; элементами конской сбруи – стремянами, удилами, железными пряжками; предметами быта и орудиями – костяными гребнями и иглами, глиняными пряслицами, железными кресалами, мотыжками,

сланцевыми точилами, скобелями и т. д. Массовой находкой на городищах и поселениях ломоватовской и неволинской археологических культур является глиняная посуда. Преобладают приземистые круглобокие профилированные чаши, встречаются также миски и сковороды. Орнаментация посуды представлена оттисками шнура и гребенчатого штампа. Керамика неволинской археологической культуры отличается резным орнаментом. К ломоватовской и неволинской археологическим культурам принадлежит большое число кладов, содержащих металлическую посуду и монеты иранского, византийского и среднеазиатского происхождения, что свидетельствует об оживленных связях с отдаленными территориями. Уровень духовной культуры древних жителей Приуралья иллюстрирует расцвет бронзовой металлической пластики (пермский звериный стиль).

Религиозно-мифологические представления реконструируются на основании анализа погребальной традиции. Погребальные памятники этой культуры делятся на курганные и бескурганные могильники. Для могильников характерно трупоположение, трупосожжение в ямах и на древней поверхности. При раскопках могильников фиксируются признаки сложных обрядовых погребальных традиций, в том числе ритуальной трапезы, поминальных костров и т. д.

На основе ломоватовской археологической культуры складывается родановская археологическая культура – непосредственно предшествующая культуре коми-пермяцкого народа. В X в. неволинская культура исчезает, вероятно, в результате появления кочевников-протобашкир. Возможно, часть неволинцев мигрировала в Верхнее Прикамье и слилась с родственными племенами ломоватовцев, часть переселилась в Нижнее Прикамье и вошла в состав Волжской Булгарии.

Эпоха раннего Средневековья на Урале

В IX–XV вв. дифференциация экономического и социального развития народов Урала становится особенно очевидной.

Древним коми-пермякам принадлежат археологические памятники родановской археологической культуры (IX–XV вв. н. э.).

Они занимают верхнее течение р. Камы с притоками – от Чусовского озера на севере до р. Чусовой на юге. Территориально граница археологической культуры совпадает с границами Перми Великой XIV в. (по «Житию Стефана Пермского»). Названа культура по Роданову городищу на правом берегу Камы, в Юсьвинском районе Пермского края. Была выделена М. В. Талицким как культура предков коми-пермяков. В дальнейшем была исследована В. А. Обориным, Р. Д. Голдиной, А. М. Белавиным, А. Ф. Мельничуком, Г. П. Головчанским и др. Культура представлена более чем 400 памятниками и является одной из наиболее изученных археологических культур Прикамья. В ее пределах выделяются восемь групп памятников – племенных вариантов (зюздинская, гайнская, косинская, верхнекамская, чердынско-язвинская, иньвенская, обвинская, чусовская). Внутри этих вариантов выявлены небольшие компактные группы, вероятно, территории соседских общин.

В родановской культуре выделены два этапа развития: лаврятский (середина IX – начало XII в.) и рождественский (середина XII – XV в.). Наиболее изученными являются Анюшкар (р. Иньва), Городищенское (р. Усолка), Пыскорское (р. Кама), Рождественское (р. Обва), Искорское (р. Колва) городища, Агафоновский, Аверинский, Огурдинский могильники (р. Кама), Редикорский могильник (р. Колва), Рождественский могильник (р. Обва). На Искорском городище исследовано святилище в виде круглой глинобитной площадки со столбовой постройкой в центре, остатки костров и костей животных, принесенных в жертву. На Пыскорском городище выделено скопление жертвенных ям, содержащих ритуально испорченные металлические вещи.

Хозяйство родановской культуры – комплексное с ведущей ролью пашенного земледелия. В северных районах преобладало подсечное земледелие. Отмечены следы зарождения паровой системы. Нахождение в сфере интересов Волжской Булгарии и Русских земель стимулировало развитие пушной охоты. Возросла роль сетевого рыболовства. Metallургия, металлообработка и ювелирное дело превращаются в ремесло. С XI в. на р. Боровой зарождается солеварение. Обработка дерева, кости, кожи, гончарство остаются на уровне домашнего производ-

ства. Этническими признаками родановской археологической культуры являются глиняная посуда (круглодонная с примесью раковины, с гребенчато-шнуровым орнаментом на лаврятском этапе и с уплощенным дном и гребенчато-кружковым орнаментом на рождественском этапе), типы жилищ, типы украшений женского костюма (коньковые, биякорьковые, коробчатые шумящие подвески и подвески с изображением головы медведя), культовые предметы (зооморфная и антропоморфная металлическая пластика). Племена родановцев вели обмен с предками коми-зырян (Вымская археологическая культура), удмуртов (Чепецкая археологическая культура), уграми (население лесного Зауралья), предками башкир. С XI в. появляются торговые фактории волжских булгар. С XI–XIII вв. с севера начинает проникать славянское население. Булгарское (в большей степени) и славянское влияние фиксируется в динамике проникновения и распространения булгарских и славянских вещей (керамическая посуда, украшения, предметы христианского культа и др.).

Следы имущественного неравенства прослеживаются в погребениях X–XV вв. (Огурдинский, Рождественский, Гуринский и другие могильники). Появляется небольшое число богатых погребений, в которых обнаруживаются предметы роскоши и привозное оружие. Об имущественной дифференциации свидетельствуют также клады вещей и частые находки замков на родановских памятниках.

В XIV–XV вв. на основе союза родановских племен, связанных общностью экономики, языка и культуры, начала складываться коми-пермяцкая народность. Это длительный процесс, и он завершился уже в рамках Русского многонационального государства.

В области религиозных верований предков коми-пермяков в этот период происходит процесс смены местных культов общинами. Главным богом пантеона языческих богов до принятия христианства становится Ен – бог огня. В XIII–XV вв. начинается постепенное проникновение на Урал русской языческой традиции. Взаимодействие и синтез разноэтнических религиозных систем привели к тому, что в настоящее время довольно сложно реконструировать собственно коми-пермяцкие языческие пред-

ставления. Давно известно, что славянский Перун занимает особое место в коми-пермяцкой мифологии и религиозной практике. В этнографических наблюдениях отмечаются случаи поклонения Перуну или рудименты былого поклонения (в том числе в районе с. Пянтег, где была обнаружена его медная фигурка), археологические находки молота и булавы (с. Пянтег, урочище Модгорт на р. Лупье) интерпретируются как предметы культа Перуна, привнесенные на Урал. Культурный герой Перя-богатырь выступает как борец против христианства под именами Перын, Пераон и даже Перун. По мнению Л. С. Грибовой, и одно из немногих известных нам коми-пермяцких божеств – Войпель – на самом деле носит имя Войпер, что переводится как Северный Пер[ун].

Этой трактовке противоречат изображения Войпеля как четырехликой женщины. Однако это изображение противоречит и трактовке Войпеля как «Северного Уха» и как «Покровителя Севера». К сожалению, пласты древней культуры предков коми, к которым восходит четырехликая женщина, вероятно, навсегда утеряны для исследователей. Параллели с более древним культовым литьем, в котором встречается изображение многоликой богини, указывают на возможность реального существования такого образа, но не дают основания связывать его с Войпелем. Ни в коем разе не связывая образ Войпеля и Перуна напрямую (для этого, на наш взгляд, недостаточно оснований), не можем не подчеркнуть наличие некоторых общих черт в обрядовой составляющей их культов. Это и поклонение священному дереву (березе или ели – дуб не растет на Урале), и знаменитые быкобои, и ритуальная стрельба охотников в священное дерево (стрела – символ Перуна, в то же время явный фаллический символ; ритуальные стрельбы можно объяснить магией плодородия). Способность Войпеля ограждать от нападения врагов можно интерпретировать как менее агрессивное проявление функции военного покровителя.

Перун вписывается в ритуально-религиозную картину мира предков коми-пермяков, он близок и узнаваем. Религиозная толерантность, свойственная язычеству, позволяет безболезненно перенять бога сильного народа (каковым, несомненно,

в представлении предков коми-пермяков выступали славяне) и включить его в собственную религиозно-мифологическую картину – в образе бога или в образе культурного героя.

В северной и северо-восточной части Урала проживали племена угорского происхождения, фигурирующие в русских источниках под этнонимом «югра». С XIV в. из общей массы угорских племен источники выделяют племена остяков и вогулов.

Манси (вогулы или вогуличи) обитали на западном склоне Уральских гор по среднему течению рек Вишеры, Яйвы и Косьвы, в бассейне Чусовой и на восточном склоне по рекам Ляле, Сосьве, Лозьве, Пельму, Тагилу, Нейве и до р. Пышмы на юге. К приходу русских у манси преобладало охотничье-рыболовческое хозяйство, они занимались также оленеводством. В качестве ездового животного использовалась собака. Южные манси были знакомы с земледелием. Metallургия еще не развилась в ремесло. К приходу русских манси сохраняли племенное деление, племена делились на роды, во главе племен стояли вожди, которые в источниках часто называются князьями. Религиозная культура манси пока исследована слабо. Возможно, она находилась на этапе формирования политеистической языческой системы с доминантой анимизма и тотемизма.

Ханты (остяки) жили на восточном Урале по рекам Сосьве, Ляпину, около Аятского озера, по Оби, Конде, Пельму, Нейве. Хозяйство их было построено на охоте, скотоводстве и рыболовстве. Было известно хантам и мотыжное земледелие, не получившее, однако, сильного распространения. Так же как и манси, они жили родовым строем, часть хантов входила в состав западноуральского суперсоюза племен, возглавлявшимся «большим князем Югорским».

При определении границ обитания хантов возникает объективная трудность, связанная с двояким использованием в русских письменных источниках термина «остяк». В поздней письменной традиции он теряет этническую привязку и используется для обозначения любых нехристианских языческих народов. Отсюда частые ошибки, приводящие, например, к тому, что территория современного города Перми рассматривается как место обитания угорских хантов.

Древним удмуртам принадлежат археологические памятники чепецкой культуры (по р. Чепце). В хозяйстве удмуртов несколько раньше, чем у коми-пермяков, ведущую роль заняло земледелие пашенного типа. Кроме земледелия развивались скотоводство, охота и рыбная ловля. Выделяется ремесло. Развивалась металлургия.

Ядром объединительного процесса удмуртских племен стал бассейн р. Чепцы. Образование удмуртской народности закончилось уже в рамках Российского государства, однако этот процесс начался задолго до включения территорий удмуртских племен в его состав.

Южная часть удмуртских земель попала под влияние Булгарского государства и была обложена данью. Удмуртское население расселялось на восток и на юг, к Каме. Заселяя новые территории, оно ассимилировало часть булгар, что сказалось на своеобразии культуры южных удмуртов.

До прихода русских башкиры жили на западном склоне Южного Урала по рекам Белой и Уфе, Ику, Деме, Мензеле; в горной части Урала и в степи – по рекам Уралу, Таналыку, Кызилу; на севере – по рекам Пиреве, Бую, Бири; на восточном склоне – по рекам Исети и Синаре.

В X–XII вв. башкиры сохраняли племенное деление. Сохранялась также племенная и родовая собственность на землю. Возникло и развивалось патриархальное рабство, ему на смену приходило рабство классическое. По письменным источникам прослеживается торговля рабами с Булгарией и городами Средней Азии. Основными занятиями башкирских племен были кочевое скотоводство, охота, бортничество и рыболовство. В X–XIII вв. часть башкирских племен была подчинена Волжской Булгарии, следствием чего стало распространение ислама среди башкир. Башкиры складывались из разноэтнических групп, но к X в. были в основном ассимилированы пришедшим из степей Приаралья тюркоязычным населением. К 1236 г., после разгрома Булгарии, татаро-монголы захватили Башкирию и включили ее в состав Золотой Орды. Башкиры были обложены ясаком, который должны были платить мехами и данью в виде десятой части стад. В XIII–XV вв. у башкир начала развиваться

собственность на кочевья. Появилась кочевая община, образованная выходцами из разных родов. Начинает складываться аристократическая иерархия.

В XV в. после распада Золотой Орды значительная часть Башкирии вошла в состав Ногайской Орды и Сибирского ханства. Западные башкиры признали свою зависимость от Казанского ханства.

§ 2. Начало русской колонизации Урала

Начало проникновения русских на Урал

Процесс колонизации Урала условно можно разделить на три этапа. Первый этап охватывает рамки с конца XI по середину XVI в. и характеризуется началом эпизодического проникновения древнерусского населения на Урал и стихийной крестьянской колонизацией, а заканчивается вхождением народов Западного Урала (коми-пермяков и большинства удмуртов) в состав Московского централизованного государства.

Второй этап датируется второй половиной XVI в. и начинается освоением земель Верхнего Прикамья (административно-хозяйственная политика центра, деятельность Строгановых), падением Казанского ханства и заканчивается разгромом Сибирского ханства, в результате чего происходит колонизация обширных территорий на восточном склоне Урала.

Третий этап (вторая половина XVI в. – XVIII в.) характеризуется интенсивным заселением земель Среднего и Южного Урала.

Ранний этап русской колонизации Верхнего Прикамья, к сожалению, недостаточно хорошо представлен в письменных источниках, несмотря на то что уже с конца X в. в русских летописях появляются фрагментарные сведения об уральских землях. В недатированной части «Повести временных лет» среди данников Руси упоминаются Пермь и Печора. Вероятно, под названием «Пермь» были известны земли коми-зырян – Пермь Вычегодская.

В XI в. появляются сообщения о походах новгородцев на восток для сбора дани и установления торговых связей. В 1092 г. новгородец Гюрята Рогович «послах отрок свой в Печору, люде же суть дань дающее Новгороду... а оттуда иде в Югру».

Выявление географии бытования русских вещей XI–XV вв. на территории Верхнего Прикамья позволяет определить пути и способ проникновения этих вещей: прямым (непосредственно от славянского населения) или опосредованным (через соседние родственные племена, уже вошедшие в контакт с русскими; через Волжскую Булгарию и т. д.). Большинство предметов русского (славянского) происхождения зафиксировано в Гайнском и Чердынском районах Пермского края. При этом отмечается их концентрация по берегам Камы и ее крупных притоков – Вишеры и Колвы. По мере приближения к территориям Иньвенско-Обвинского поречья число русских находок уменьшается.

На территории Верхнего Прикамья к настоящему времени известно 37 местонахождений древнерусских вещей и керамики, а также 41 пункт, в которых встречаются находки поволжско-финских и прибалтийско-финских предметов, ареал распространения которых во многом совпадает с ареалом распространения древнерусских вещей. Наиболее ранние русские вещи датируются концом XI – началом XII в., часть их встречается в могильниках совместно с вещами западно-финского происхождения. Начиная с XII в. приток русских вещей в Прикамье усиливается, что можно связать с началом русской колонизации Северо-Двинского бассейна.

Первыми проникли в край новгородцы. В XII в. дружины новгородских ушкуйников неоднократно предпринимали походы на Югру. Известны походы 1114, 1187, 1193 гг. В результате этих походов северные уральские земли попали в данническую зависимость от Новгорода и стали называться его волостями. Во второй половине XII в. в Нижнее Прикамье почти одновременно проникли новгородские ушкуйники (1157 г.) и дружины владими́ро-суздальских князей (1177 г.). В XII в. русские оседают на Вятке – там возникают русские городки Орлов, Никульчин, Хлынов (позднее – г. Вятка). После паде-

ния государства Волжская Булгария в 1236 г. в ходе нашествия татаро-монгол болгарские князья стали вассалами ханов Золотой Орды. Известно несколько восстаний против татаро-монгол, в которых принимали участие удмурты и проживающие на р. Вятке русские. Одно из самых крупных восстаний – восстание 1240–1241 гг.

В XIII–XIV вв. разворачивается борьба Владимиро-Суздальского, а затем укрепляющегося Московского княжества за северо-восточные земли. В начале XIII в. в бассейне Северной Двины возникает г. Устюг, ставший опорным пунктом для продвижения русских в Приуралье. Первый поход ростово-суздальских князей в верховья р. Камы датируется 1220 г.

До 1471 г. земли Перми Великой юридически находились в сфере интересов Великого Новгорода. Лишь после поражения от москвичей Великий Новгород подписал «отказную грамоту», по которой лишился восточных волостей, в том числе Перми Великой. Однако фактически Новгород уже к первой половине – середине XV в. перестал быть определяющим в русско-коми-пермяцких связях.

Пермь Великая не была интегрирована в территории новгородских земель: новгородцы не привнесли на прикамские земли какие-либо институты, позволяющие говорить об этом. Взаимоотношения Перми Великой и Новгорода были данническими (причем дань взималась эпизодически) и опирались на военное насилие.

Вхождение Прикамья в состав Русского государства

Постепенно Москва все активнее начинает разворачиваться на уральских землях. Между 1398 и 1409 г. в Верховьях Камы был основан первый русский городок – так называемый Анфаловский, по имени Новгородского двинского воеводы (перешедшего на московскую службу) Анфала Никитина, его основавшего. В начале XV в. посадские люди Калиниковы, вероятно, выходцы из Вологды, основали первые солеварни на р. Боровой, а в 1430 г. перенесли свои промыслы на р. Усолку, где и возникло Усолье Камское. С 1449 г. по московско-литовскому догово-

ру Новгород находился под патронатом Москвы. В 1451 г. великий князь Московский Василий II назначает своим наместником в Пермь Великую князя Михаила Ермолаевича.

В Вычегодско-Вымской летописи об этом событии оставлено следующее свидетельство: «1451 г. Лета 6959 прислал князь великий Василий Васильевич на Пермскую землю наместника от роду верейских князей Ермолая да за ним Ермолаем да за сыном ево Василием правити пермской землей Вычегодскою, а старшева сына тово Ермолая, Михаила Ермолича, отпустил на Великая Пермь на Чердыню. А ведати им волости вычегодские по грамоте наказной по уставной».

Однако происхождение и статус «верейского» князя Михаила Ермолича вызывают сомнения. Скорее всего, строчку «верейских князей» можно трактовать как описку составителя Вычегодско-Вымской летописи: с большой долей вероятности в первоисточнике Вычегодско-Вымской летописи значилось «пермских» или «черемских».

В условиях незавершившейся феодальной войны Дмитрий Шемяка пытался заручиться поддержкой вятчан, новгородцев, и, как следует из летописи, вогуличей. Такая ситуация могла повлиять на баланс сил в Прикамье. Походы вогул против Перми Великой (в том числе поход Асыки 1455 г.) свидетельствуют о вражде пермяков и вогул. Можно допустить, что обращение Ермолая, Василия и Михаила за помощью к Василию II должно было уравновесить баланс: вогулам, естественным противникам коми-пермяков, с которыми искал союза Шемяка, противостоял ищущий союза с Василием II род пермских князей.

Отсутствие со стороны московских князей в 50-х гг. XIV в. военной инициативы по закреплению территорий Перми Великой в составе Московского государства объясняется просто: в стране не закончилась династическая война, реальная опасность татарских походов сохранялась (известен набег на Москву 1451 г. царевича Мазовши), и в этой обстановке Василий II не мог позволить себе расплывать силы на укрепление позиций в отдаленных территориях. В то же время логика событий требовала прежде начала колонизационной экспансии выяснить окончательно отношения с Новгородом и закрепить его полити-

чески за Москвой. Для успешной колонизации Великопермских территорий необходимо было создать сеть опорных населенных пунктов: Анфалова городка и Соли Камской для этого, возможно, было недостаточно. Подчинение Перми Великой несло явные экономические выгоды, но ресурсов внутри Московского государства для этого подчинения к середине XV в. не было.

Таким образом, в патронате Москвы над Пермью Великой были заинтересованы пермские князья (тем самым в какой-то мере защищающиеся от вогульской угрозы), и их «инициатива с мест» не могла не быть поддержана. Не предприняв особых усилий, московский князь получал выставляемые по требованию пермские вооруженные отряды и дань, сбор которой перекладывался на плечи местной аристократии.

Однако следует учитывать также незавершенность государствообразующих процессов в Перми Великой к середине XV в. Власть пермского князя могла быть узка: об этом могут свидетельствовать события 1472 г. – а именно поход Федора Пестрого на Пермь Великую.

Официальное летописание определяет причину похода Федора Пестрого так: Иван III послал «на Великую Пермь князя Федора Пестрого воевати их за их неисправление». Вычегодско-Вымская летопись поясняет: «князь великий Иван повеле воеводе устюжскому Федору Пестрому с устюжаны, белозерцы, вологжаны, вычегжаны воевати Пермь Великие по тому пермеке за казанцев норовили, гостем казанским почести воздавали, людем торговым князя Великова грубили». В. А. Оборин считает, что причиной похода была создававшаяся угроза «отпадения» Перми Великой, проявившаяся в отказе пермяков участвовать в походе против Казани в 1471 г. Причина похода русских является в любом случае обоснованной: это неспособность пермского князя контролировать всю территорию Перми Великой.

В летописном повествовании в качестве причин похода не называется вина Михаила: говорится о «неисправлении» всех пермяков. Как хорошо известно, рать Федора Пестрого, дойдя до р. Колвы, разделилась: сам Федор Пестрый пошел вверх по реке к Искору, Гаврила Нелидов отправился к Чердыни и Покче против князя Михаила. Е. В. Вершинин подмечает:

«создается впечатление, что основные силы “пермичей”, против которых воевал сам Ф. Д. Пестрый, действовали независимо от Михаила». И если Федор Пестрый участвовал в столкновении с войском Качи, Бурмота и Мачкина, то Михаил Гавриле Нелидову никакого сопротивления не оказал. Михаил был отправлен в Москву, а через некоторое время отпущен обратно в Пермь Великую. Весь этот эпизод в большей мере напоминает действия по ликвидации сепаратизма местных племенных старейшин или князьков (каковыми, скорее всего, являлись Коча, Бурмот, Мачкин, Исур и Зырян), нежели поход для установления почтительного отношения князя Михаила к интересам Московской Руси.

В таком случае действительной датой официального вхождения Перми Великой в состав Русского государства стоит считать 1451 г. Несмотря на то, что положение и полномочия Михаила в Великопермских землях не регламентировались какими-либо особыми документами (как регламентировались положение и полномочия Ермолая и Василия в землях Перми Вычегодской – «по грамоте наказной уставной»), Пермь Великая существовала под контролем Москвы, и внутрисепаратистские тенденции в ней (характерные для периода становления военной демократии) быстро подавлялись. Статус же Михаила в период 1451–1472 гг., скорее всего, следует определить как близкий статусу удельного князя.

Следует учитывать также окончательное подчинение Новгорода Москве в 1471 г. В этой плоскости поход Федора Пестрого можно расценивать как демонстрацию необходимости и способности Москвы «навести порядок» в землях, которые ранее входили в формальную сферу интересов покоренного Новгорода.

Формирование же иной, централизованной системы управления стало возможным только после 1497 г. – после того, как принципы этой системы были сформулированы в Судебнике Ивана III.

Необходимо различать политический момент вхождения территорий в состав централизующегося государства и длительный социально-экономический и культурный процесс интегра-

ции. 1451 г. является знаковой датой, определившей дальнейшие интегративные взаимоотношения Московской Руси и Великой Перми, но сам процесс вхождения пермских земель занимает не одно десятилетие.

Начало христианизации Урала и христианизация Перми Великой

Миссионерская деятельность Стефана Пермского подробно изложена в его «Житии», написанном Епифанием Премудрым в конце XIV в. Деятельность Стефана началась на Нижней Вычегде, затем он переместился в Усть-Вымь, где в дальнейшем была расположена резиденция пермских иерархов. В Усть-Выме начинается церковное строительство, Стефан, для того чтобы обеспечить местным жителям доступность православного учения, переводит церковные книги на коми-язык, используя составленную им же азбуку, готовит кадры местного духовенства. В «Житии» отмечена духовная борьба с коми-языческой традицией и ее носителями (одним из центральных эпизодов повествования является противостояние Стефана и Пама-сотника), отмечаются и случаи вооруженной конфронтации (нападение язычников на «владычный город Усть-Вымь»). С 1383 г. Стефан возглавлял созданную Пермскую епархию. Этот момент обычно считают временем закрепления земель Перми Вычегодской в составе Московского государства.

В эпоху удельной раздробленности Устюг Великий являлся своеобразным опорным пунктом, из которого шел процесс колонизации окраинных территорий. В 1364 г. «князь великий Дмитрий Иванович взверже гнев на князе на ростовского Костентина и взял от тово Ростов и Устюг и пермские места устюгские». Вероятно, деятельность созданной устюгской наместнической администрации распространялась и на вычегодские земли: в «Житии Стефана Пермского» есть прямое указание на «дани тяжкие и насильства, и тивуни, и доводщицы, и приставници», распространяемые русскими на зырянские земли. Антагонист Стефана Пам имеет приставку «сотник», что косвенным образом может свидетельствовать о его месте не только в сис-

теме местной родовой знати, но и в системе привнесенных административных отношений. Естественно, за небольшое количество лет, прошедших с момента попадания Вычегодских земель в систему Московского государства до начала миссионерской деятельности Стефана, выстроить стройную систему административных отношений и вписать колонизируемые земли в систему социально-экономическую, характерную для Московской Руси, было невозможно. Территориальные земляческие объединения коми-зырян, существовавшие до середины XV в., перед Москвой представляли выходцы из местной родовой аристократии, получившие статус «сотников». И только в условиях династической войны перед Василием II возникла необходимость централизовать систему управления Перми Вычегодской, что и привело к постановлению на Пермь Вычегодскую в качестве московского наместника Ермолая с сыном Василием.

Обретя во второй половине XIV в. статус полусветской – полудуховной пограничной марки, Пермская епархия создала условия для вовлечения местного населения в экономические, социальные и религиозные отношения, характерные для Московского государства; важным моментом в этот период было привлечение на Вычегодские земли русских поселенцев: в XIV–XV вв. на Вычегодских землях появляются русские и смешанные коми-русские поселения. Начинается процесс активного переноса не только религиозной, но и хозяйственно-бытовой культуры русских: археологические данные фиксируют на вычегодских памятниках жилые и хозяйственные постройки древнерусского типа, русскую гончарную посуду, железные серпы, косы-горбуши, русские украшения и нательные крестики.

Создание Пермской епархии в Перми Вычегодской стало одной из предпосылок дальнейшего распространения христианства на земле Перми Великой. Был наработан опыт миссионерской деятельности в среде населения коми, была создана церковная инфраструктура, обладающая достаточным экономическим и политическим потенциалом для поддержания процесса собственного роста и расширения.

Это в дальнейшем найдет отражение на уровне народного сознания: в фольклорной традиции Стефан Пермский станет крестителем не только Перми Вычегодской, но и Перми Великой.

Первый официальный этап христианизации Перми Великой связан с деятельностью духовных наследников Стефана Пермского – Питирима и Ионы.

Ермолай, назначенный наместником в Пермь Вычегодскую с сыном Василием, и «отпущенный» в Пермь Великую Михаил Ермолич имеют православные имена. Если принять за основу тезис об их пермском происхождении, встает вопрос о времени и обстоятельствах их крещения.

Существующие источники позволяют представить две версии этого крещения. Первая предполагает, что они приняли христианство по уже установленной традиции в землях Перми Вычегодской; вторая предполагает их крещение епископом Питиримом в середине – второй половине 40-х гг. XV в. После рукоположения Ионы в митрополиты Киевские и всея Руси в 1448 г. Питирим «поставлен бысть епископом Велицей Перми». До этого, с 1444 г. Питирим имел титул епископа Пермского: «лета 6952 поставлен бысть в епискупы Пермские епархия архимандрит Питирим Чудова монастыря. Владыко Питерим привел к святой вере пермяков удоренов на Вашке реке, игуменов и попов им дал, святей храмы тамо создвиг».

За годы епископства Питирим не проводил акта крещения коми-пермяков, кроме поездки 1455 г., которая завершилась гибелью святителя; однако он назван епископом Перми Великой. Вероятно, этот титул он мог получить только в одном случае – крестив князя Великопермских пермяков. Крещение семьи пермских князей прошло накануне назначения Ермолая и Василия наместниками и «отпускания» Михаила в Пермь. Крещение могло выступать знаком преданности пермских князей московскому князю Василию. Быть может, с актом крещения пермских князей связана и поездка Питирима в Москву в 1452 г.: крещение открывало перспективы дальнейшего христианского освоения Перми Великой, что требовало решений на уровне митрополита.

Есть соблазн объяснить титул «епископ Велицей Перми» существованием в границах Перми Великой к концу 1440-х гг. русских поселений: Анфалова городка (возникшего между 1401 и 1409 гг.) и Соликамска (возникшего, по свидетельству В. Берха, в 1430 г.). Однако, во-первых, отсутствуют какие-либо сведения о существовании в этих населенных пунктах церковей (между тем религиозные нужды здесь как-то справлялись; уже в состав отряда новгородской дружины во время похода на Югру 1193 г. входил священник; но вероятнее предположить существование в этих населенных пунктах часовен и отсутствие регулярных церковных служб), во-вторых, основанием возведения Питирима в сан епископа Перми Великой была его миссионерская деятельность: «обрати на веру».

Письменные известия о событиях 1450-х – 1460-х гг. в Перми Великой скудны. Вычегодско-Вымская летопись сообщает, что «лета 6963 (1455 г.) приездил владыко Питерим в Великую Пермь на Чердыню крестити к святой вере чердынцов. Того лета шли на Пермь безвернии вогулечи, Великую Пермь воевали, Питерима идущее с Перми поимали и убили в месте зовемый Кафедраил на реке на Помосе». В исторической науке закрепилось мнение, что поход Асыки 1455 г. был реакцией пельымских князей на мирное присоединение Перми Великой к Русскому государству; в церковной историографии тот же поход показан реакцией на христианизацию края. Как бы то ни было, начиная с этого момента северо-восточная окраина Русского государства подвергается регулярным набегам вогул.

В 1462 г. «поставлен бысть в епискупы Пермские земли владыко Иона. Того же лета владыко Иона добавне крести Великую Пермь, постави им церкви и попы и княжат Михайловых крести». Здесь впервые упоминается о начале церковного строительства в Перми Великой. В это время строятся церкви в Чердыни и возводится Богословский монастырь.

После официального принятия крещения Пермью Великой начинается второй этап христианизации коми-населения, характеризующийся становлением православного культа, борьбой с языческими верованиями коми-пермяков и расширением цер-

ковного строительства. Верхняя хронологическая граница этого периода определяется концом XVI в.

Ярчайшим документом, характеризующим этот период, является послание митрополита Симона духовенству, мирянам, князю Матвею Михайловичу «да и всем пермичем». Послание содержит наставления, направленные на искоренение языческих пережитков в обрядовой и бытовой сторонах жизни населения Перми Великой, и является очередным посланием такого рода в ряду аналогичных посланий епископа Филофея, управлявшего Пермской епархией в 1471–1501 гг. (о них говорится в самом послании Симона: «Да и прежде деи сего Пермьский епископ Филофей неединова посылал к вам свои грамоты о том же»).

В Послании отмечается справление в Перми Великой прежних языческих култов и вплетение в быт и ритуал языческих обрядов. Языческим остается брак, не соблюдаются посты и церковный ритуал. В Послании отмечено, что и священнослужители не придерживаются православного обычая.

Завершение второго этапа иллюстрируется миссионерской деятельностью Трифона Вятского в землях Перми Великой. Его деятельность известна достаточно подробно благодаря «Житию и жительству и отчасти чудесам Преподобного и Богоносного отца нашего Трифона, просиявшего в постных подвизех в странах Вятских во обители Успения Пресвятая Богородицы во граде Хлынове», написанному в период между 1690 и 1764 гг.

Трифон Вятский (до пострижения – Трофим Дмитриевич; ок. 1540, с. Малая Немнюжка Пинежского уезда – 08.10.1612, Успенский монастырь близ г. Хлынова) – преподобный, месточтимый святой Русской православной церкви. Его родители – отец Дмитрий и мать Пелагея – были крестьянами. По достижении совершеннолетия он отправился в странствия, в Устюге встретился с иереем церкви Святого Афанасия Иоанном, ставшим Трифону духовным наставником. Далее отправился на Урал, в земли Строгановых, в Орел-городок. В течение года он вел здесь жизнь юродивого, ходил в рубище, ночевал на церковной паперти, проявил дар исцеления.

В возрасте 22 лет в Пыскорском Преображенском монастыре он принял постриг и имя Трифона. Занимался миссионер-

ской деятельностью среди языческого населения Прикамья. В устье р. Мулянки срубил остяцкое идоложертвенное дерево, росшее на языческом капище, чем по официальной церковной версии способствовал обращению язычников-остяков в православие. После этого Трифон вернулся в Пыскорский монастырь, где молитвами восстанавливал иссякшие соляные ручьи, занимался исцелением больных. Позже Трифон отправился на р. Чусовую, основал близ Нижних Чусовских городков Успенский монастырь. В процессе своей деятельности Трифон случайно поджег дрова, заготовленные для строгановских солеварен. По преданию, после этого случая Трифон был пойман людьми Григория Строганова и закован в цепи. Однако сам Григорий впал в царскую немилость, и только молитва Трифона утихомирила царский гнев. Вероятно, в «Житии» нашли отражение события, связанные с опалой Семена Аникиевича Строганова. После описанных событий Трифон отправился на Вятку, где основал Успенский монастырь (1580 г.). Там был пострижен в монахи Григорий Отрепьев. В результате интриг Трифон был вынужден бежать из монастыря (1600 г.) и позже основал в г. Слободске Богоявленский монастырь. В Хлыновский Успенский монастырь Трифон вернулся в незадолго до смерти – в 1612 г. В 1684 г. состоялось обретение мощей преподобного.

Из «Жития» преподобного Трифона явствует, что православная церковь начинает вести миссионерскую работу среди иного этнического населения Перми Великой – остяков (хантов).

В ходе третьего этапа христианизации (рамки которого мы определяем концом XVI в. – первой четвертью XVIII в.) происходит отказ от политики целенаправленного искоренения языческих рудиментов в верованиях официально христианизированного населения коми. Христианизация этого этноса идет по пути замещения культур, происходящего вследствие процесса ассимиляции коми-пермяков русскими; в то же время активно продолжается христианизация территорий как сопутствующий элемент их колонизации в виде расширения и разветвления церковной инфраструктуры, церковного и монастырского строительства, реализации прежде всего экономических интересов церкви во вновь осваиваемых территориях.

Этапы и состав христианизации Перми Великой напрямую связаны с характером колонизационных процессов и общей политической ситуации в стране. В период, когда основным населением края оставалось коренное коми-пермяцкое, процессу христианизации уделялось особое внимание, о котором свидетельствует не только сам ход ранней христианизации и участие в нем епархиальных епископов, но и явный контроль со стороны митрополита (послания Симона). Переход колонизационной инициативы в руки Строгановых, приведший к массовым миграциям русского (христианского) населения в Пермь Великую, вкупе с потерей религиозной инициативы со стороны епархии привел к прекращению целенаправленной христианизации коми-пермяцкого населения, что создало основу для существования и развития коми-пермяцкого двоеверия.

Унификация системы управления

События 1505 г. – «сведение» с Великой Перми Иваном III «вотчича своего князя Матвея» с родней и братьями и установка наместником В. О. Ковра – могут трактоваться как приведение системы управления окраинными территориями к общим принципам, изложенным в Судебнике 1497 г. До конца XVI в., то есть до учреждения воеводства в Чердыни, управление в Перми Великой осуществлялось наместником на основе уставной грамоты, выданной В. О. Ковру в 1505 г. Хотя уставная грамота выдавалась жителям двух городов – Чердыни и Соликамска, ее юридическая сила распространялась на все земли Перми Великой (за исключением земель, полученных Строгановыми в 1558 г.). Разделение «чердынцы» и «усольцы», скорее, указывает не на городскую, а на этническую принадлежность населения Перми Великой, это заметил в свое время еще А. Дмитриев. Важным обстоятельством является то, что и те, и другие обладают равными юридическими правами. Уравнивание прав русского и местного населения, на наш взгляд, является своеобразным индикатором степени интегрированности Перми Великой в состав Московского государства.

Уставная грамота определяет состав и функции наместнической администрации. Кроме наместника в состав администрации входят тиуны и доводчики. Они исполняют административные, судебные, экономическо-фискальные функции. Для ведения судопроизводства привлекаются выборные целовальники и староста из числа «пермяков» (то есть как коренных, так и русских жителей). Финансовое обеспечение административного аппарата возлагается на местных жителей; состав «корма» и время его сбора четко регламентируется. Определяется состав и величина пошлин, взимаемых с местного населения, а также судебная вира.

Уставной грамотой регламентируется торговля, при этом исключительным правом пользовались устюжане, вычегжане и вятчане, а торговля с вогулами имела ограничения.

В уставной грамоте прослеживаются следы миграционной политики: «А кто дочь даст за муж на Вологду, и на Устюг, и на Вятку, и наместнику за выводную куницу шесть белок; а в одной волости кто дочь даст за муж, и наместнику за убрус три белки, а не любя белка, ино за белку две деньги».

В целом уставная грамота соответствует уровню российского законодательства, представленному в Судебнике Ивана III. Местные особенности ее проявляются прежде всего в сфере торговых отношений с сопредельными территориями и определяются общей политической картиной. Уставная грамота призвана развивать связи с русскими землями, связи с еще не колонизированными территориями подлежат особому контролю со стороны местной администрации. Отток населения (женского, репродуктивного) в другие области России целенаправленно усложнен повышенной пошлиной. Декларированное уставной грамотой юридическое равенство представителей различных этносов способствует этнической консолидации и ассимиляционным процессам.

В XVI в. в землях Перми Великой выделяются три уезда – Чердынский, Соликамский и Кайгородский. К концу XVI в. выделяется также новый уезд, который впоследствии назван Осинским и подчинялся приказу Казанского дворца. Уезды делились на станы, станы, в свою очередь, на погосты. С конца XVI в. на смену наместникам приходят воеводы.

§ 3. Строгановы на Урале

Начало строгановского землевладения на Урале

Историческая традиция, заведенная, быть может, самими Строгановыми, относит начало их фамилии к концу XIV в. или еще ранее. В конце XVII в. сформировалась легенда о происхождении Строгановых от татарского мурзы Золотой Орды и об их близком родстве с московскими князьями.

Известный российский историк С. М. Соловьев считал Строгановых выходцами из Московской или Ростовской земли. Один из первых исследователей истории рода Строгановых Н. Устрялов считал их выходцами «из дома Добрыниных от стародавней фамилии новгородской». В качестве доказательства он приводил упоминание об этом роде в сборнике Кирилло-Белозерского монастыря, а также тот факт, что Строгановы издревле владели обширными поместьями в Устюжском и Сольвычегодском уездах – «старинных областях новгородских». Еще один строгановский летописец Ф. А. Волегов не сомневался в том, что род Строгановых выходит из новгородской земли, но, по его мнению, этот род не имеет никакого отношения к фамилии Добрыниных. Строгановы, по мнению Ф. А. Волегова, происходят из богатых горожан Великого Новгорода.

Пермская ветвь Строгановых ведет свое начало от Аники Федоровича. Еще будучи семнадцатилетним юношей, в 1515 г. Аника в Соли Вычегодской по собственной инициативе заводит солеваренный промысел. Через два года, в 1517 г. его братья получают царскую грамоту на Соль Качаловскую да «лес дикий».

Аника Строганов разворачивает бурную деятельность. В 1526 г. он скупает варницы в Сольвычегодске. Правительство было заинтересовано в развитии солеваренного производства, и 24 октября 1545 г. на посад Соли Вычегодской посылается специальная поощрительная царская грамота. В 1550 г. Аника Строганов получает уже личную грамоту, по которой ему дается земля близ Сольвычегодска, а также освобождение от пошлин на шесть лет.

Но не только соль интересует Анику. Он организует скупку и добычу пушнины, железодутное и кузнечное производство. 12 апреля 1556 г. Аника получает от Ивана Васильевича Грозного разрешение «искать медные и железные руды на Устюге, в Перми и других местах». Аника организует поставки хлеба в Астрахань. К 1577 г. Анике с сыновьями принадлежат десять соляных варниц близ Вычегодска, склады и дворы в Москве, Коломне, Калуге, Рязани, Переславле-Залесском, Коле, Великом Устюге. Строгановы торгуют не только внутри государства, но и поддерживают связи с Литвой.

Самыми древними центрами солеварения на Руси были Старая Руса, Соль Галицкая, Тотьма. Но наиболее качественная соль, без горьких примесей, находилась на Урале.

Первая царская жалованная грамота на уральские земли была получена Строгановыми 4 апреля 1558 г. Незадолго до составления грамоты, как гласит источник, Григорий Аникиевич Строганов «бил челом» Ивану Васильевичу. Он сообщил, что ниже Чердыни («Великие Пермь») по реке Каме – от устья речки Лысьвы и от «Пызновской курьи» (устья речки Пыскорки) – и до реки Чусовой на 146 верст распространяются «места пустые, леса черные, речки и озера дикие, острова и наводки пустые», никому не принадлежащие, без поселений и пашен. Григорий Аникиевич просил дать разрешение «на том месте городок поставити, и на городе пушки и пищали учинити, и пушкарей и пищальников и воротников устроить для береженья от ногайских людей... и около того места лес по речкам и до вершин и по озерам сечи, и пашню... пахати, и дворы ставити», а также искать рассол, а если таковой окажется, приступить к варке соли. Григорий Аникиевич просил разрешить ему также призывать на эти места свободных – «неписьменных и нетяглых» – людей.

Грамота 1558 г. удовлетворяет прошение Григория Строганова. Иван Васильевич велит ему «на том пустом месте ниже Великие Пермь за 80-т за 8 верст по Каме реке, по правую сторону Камы реки, с усть Лысьвы речки, а по левую сторону Камы реки против Пызновские курьи, вниз по обе стороны по Каме до Чусовые реки, на горных лесех городок поставити, где бы

место было крепко и усторожливо, и на городе пушки и пищали учинити... и около того городка ему по речкам и по озерам и до вершин лес сечи, и пашни около того городка распахивати, и дворы ставити, и людей ему в тот городок неписьменных и нетяглых называти... А где в том месте росол найдут, и ему тут варницы ставити и расол варити. И по рекам и по озерам в тех местех рыба ловити безобратно».

Вторая жалованная грамота была дана Якову Аникиевичу Строганову 25 марта 1568 г. – через десять лет после первой, полученной его братом. Иван Васильевич дает льготы на десять лет на новые места: «Коли он [Яков Строганов – *авт.*], или его люди или его слободы крестьяне поедут от Вычегодские соли мимо Пермь на Каму в слободу или слободы к Вычегоцкие соли, и наши Пермские наместники, и их тиуны, и доводчики и все приказные люди в Перми Якова и его людей и его слободы крестьян на поруки их не дают и не судят их ни в каких делах». Строгановы, таким образом, получают феодальный иммунитет – право неподсудности и право самим вести судебные дела в своих вотчинах.

Строгановы не только освобождались на десять лет от выплаты прямых налогов, но и могли не оказывать помощи «государевым людям», проезжавшим через их вотчину. «Пермичи», по жалованной грамоте, не могли оспорить владение вновь полученными Строгановыми землями.

Первые царские грамоты заложили основу для существования уникального образования в составе Московского государства – Уральской вотчины Строгановых, своеобразного «государства в государстве», неподсудного, управляемого собственным судом, имеющим свои вооруженные силы «для сохранения от набегов». Полученные от государства финансовые льготы позволили в кратчайшие сроки преумножить экономическое могущество рода Строгановых. Границы испрашиваемых и жалующих земель обозначены в грамотах довольно неясно; этим неоднократно воспользуются вотчинники, оспаривая право собственности на соседние земли у других владельцев – посадских людей Соликамска и уездных крестьян.

Строгановские поселения

В 1558 г. возник первый городок Строгановых на Урале – Пыскор. Первоначально городок получил название Канкор, Камкор или Камгорт по имени древнего городища, которое существовало на этом месте. Однако очень скоро выяснилось, что место, выбранное для первого городка, не столь удобно, как казалось. Соляные выходы находились ниже по течению Камы, и Пыскор не мог их защитить. Строгановы начинают строить новый городок – Орел или Кергедан, а Пыскор передают церкви.

Есть известия, что еще до того, как были пожалованы Строгановым их Уральские вотчины, то есть до 1558 г., в районе Пыскора существовала иноческая обитель. Монахи не имели ни храма, ни земли и жили, скорее всего, подаянием.

Аникий Строганов решил основать на месте первого городка настоящий монастырь. С этой целью он пожаловал новой обители близлежащие к Пыскору земли. Перед смертью он сам постригся в монахи и некоторое время жил в Пыскорском монастыре под именем Иоасаф, но вскоре отбыл в Сольвычегодск, завещав своим сыновьям поддерживать новую обитель. Впрочем, так как земли монастыря входили в число царского пожалования Строгановым, согласно жалованной грамоте они были обязаны защищать эти места от возможных набегов.

Первоначально, когда у Строгановых был только один городок, монастырь существовал под горой, в районе устья р. Нижней Пыскорки. В 1570 г., уже прочно обосновавшись в Орле-городке, Строгановы передали монастырю Пыскорский городок целиком, закрепив пожертвование «поступным письмом».

Монастырь был ставропригильным, то есть зависел непосредственно от московских митрополитов, а с 1589 г., когда было введено патриаршество в Московском государстве, – от патриархов. Этот статус сохранялся до 1658 г., в этом году Великопермская епархия была подчинена вятским архиереям.

Через шесть лет после получения Строгановыми знаменитой жалованной грамоты и строительства первого городка – Канкора-Пыскора – на берегу Камы, «против устья реки Яйвы»

возникает «городок Орлов». В 1570 г. гарнизон и жители Канкора переводятся в Орел-городок. Начинается история Орла-городка – нового центра Уральской вотчины Строгановых.

Датой основания Нижнего Чусовского городка считается 1568 г. Именно в этом году Строгановы получили новые владения по реке Чусовой. Нижний Чусовской городок, так же как и Орел-городок, был поставлен у выхода соляных растворов, и с той же целью – оберегать места промыслов от возможных набегов. Так же как в Пыскоре и Орле-городке здесь строятся деревянные укрепления. Во второй половине XVI в. вплоть до похода Ермака Чусовской городок был самым восточным пунктом русской колонизации на Урале.

Строгановские владения на Урале разрастались быстро, и кроме Пыскора, Орла-городка и Чусовского городка на стратегически выгодных местах появлялись другие, меньшие по размерам и численности населения защищенные поселения – острожки.

Очевидно, в скором времени после строительства Орла-городка на речке Усолке недалеко от р. Яйвы строится Яйвенский острожек. Сылвенский острожек, построенный, вероятно, почти одновременно с Яйвенским, находился в том месте на р. Сылве «в 20 верстах от ея устья», где сейчас находится с. Троицкое. Этот острожек был очень похож на Яйвенский с той разницей, что часть острожной стены вместо частокола состояла из поставленных в ряд изб и амбаров, а башен у этой крепости не было вообще.

Очерский острожек возник в 1597 г. на берегу р. Очер. В отличие от Яйвенского и Сылвенского острожков, Очерский острожек возводили как особый административный центр, управляющий Очерским округом, который находился в общем владении всех Строгановых. Это была пограничная крепость на рубеже строгановских имений.

Точных сведений о том, когда возник Верхний Чусовской городок, к сожалению, нет. В исторической литературе фигурируют три даты: 1568, 1610 и 1616 гг.

Строгановские вотчины в XVI веке

Аника Федорович Строганов умер 2 сентября 1570 г. После него остались обширные владения – Сольвычегодские и Пермские, которые было необходимо разделить между сыновьями – Яковом, Григорием и Семеном.

Судя по всему, один из сыновей, Семен Аникиевич, попытался присвоить себе часть владений или имущества, обойдя братьев. Яков и Григорий обвинили его в «воровстве» и «били челом» государю. В результате семейный раздел был произведен по распоряжению государя (была прислана царская грамота) сольвычегодскими посадскими людьми – Леонтием Пырским и Семеном Клисовым сыном Просужевым.

Леонтию Пырскому 27 июня 1573 г. было дано еще одно распоряжение: «выдать им [Якову и Григорию Строгановым – *авт.*] брата Семена головою со все его животом и с его людьми и деловые за их руками велел есмь им отдать, что они с Семеном делились». О выполнении этого Леонтий Пырский должен был немедленно донести в Москву.

Семейный конфликт мог привести к тому, что ослабла бы охрана восточных рубежей государства, на которых находились вотчины Строгановых. Вопрос о том, кто из братьев будет владеть какой частью Аникиевского наследства, был не только семейным, но и государственным.

Семен Аникиевич Строганов на некоторое время был отстранен от управления вотчинами. Но уже в грамоте от 29 сентября 1577 г. его имя вновь встречается в «деловой записи» «О полюбовном разделе дворов и деревень Сольвычегодской вотчины».

Из той же «деловой записи» становится ясно, как Строгановы пополняли свои владения людьми: «А которые люди русаки по крепостей и полонские люди немцы и литвяки по купчим на кого иманы и куплены, тому теми людьми и владети. А вогуличи и остяки и татаров, которые в Перми в Государственном жалованье по сей день куплены и те люди все Никите».

Московское государство в это время ведет Ливонскую войну. В ходе боев накапливаются пленные, и этих пленных –

«полонских людей» – государство продает частным владельцам. Одними из покупателей и были Строгановы.

В 1574 г. Григорий и Яков Строгановы получают грамоту, которая послужит одним из оснований снаряжения экспедиции Ермака в Сибирь: «Его Царское Величество, государь царь и великий князь Иван Васильевич, пожаловал их, Строгановых, все те места за Югорским Камнем, в сибирской украине, между Сибири, Начат и Тахчей и Тобол реку с речками и озерами, с устья и до вершины, где собираются ратные люди сибирского салтана, на тех землях позволено им принимать всяких чиновных людей, города и крепости строить, и на оных держать пушки, и пушкаррей и пищальников, а ясашных вогуличей от нападков и разъездов татарских защищать; да и в самом царстве сибирском покорение оного под Российскую державу иметь старание, тако-ж по реке Иртышу и по Оби Великой, по обе стороны тех рек, людей населять и пашни пахать и угодыями владеть».

Впрочем, в середине 70-х гг. у Строгановых еще нет той военной силы, которая могла бы превратить царское пожалование в реальные земельные владения.

Яков и Григорий Строгановы поселились в Пермских вотчинах, в отстроенных Орле-городке и Нижне-Чусовском городке, Семен же после опалы жил в Сольвычегодске. Но близились новые переделы вотчины.

Яков и Григорий Аникиевичи умирают один за другим в 1577 и 1578 гг. У Якова Аникиевича было два сына – Максим Яковлевич и Григорий Яковлевич; но Григорий Яковлевич был убит еще в 1575 г. «разбойниками» во время деловой поездки вместе со своими «дворовыми людьми» – приказчиками Ананьей и Якимом, которые сопровождали своего хозяина. Таким образом, у Строгановских вотчин остается три управителя: Семен Аникиевич, Максим Яковлевич и Никита Григорьевич. Максиму Яковлевичу в ту пору шел 22 год, а Никите Григорьевичу исполнилось 16 лет.

Дела, связанные с разделом вотчин, велись бурно. В январе 1578 г., после смерти Григория Аникиевича, было написано шесть «деловых записей». По этим записям можно судить, каким богатством (кроме земель и солеваренного промысла) вла-

дели Строгановы. По первой «деловой записи» они разделили московские богатства: «яхонту и жемчугу, и перстней золотых, и алмазов, и серег всяких, и ланы золотые, и что привез с собой Семен скорлату, и соболей, и алтабасу, и часы песочные немецкие, и бархат четверчатый немецкой». Затем Строгановы делили «ковши серебряные», гардероб мужского платья и рогатый скот. По записи от 5 января 1578 г. была поделена «рухлядь всякая»¹ и соль, бывшие в Коломне и Переяславле. 7 января делили людей, находившихся в Москве и принадлежавших Строгановым, – так называемые «кабалы». Семену и Максиму Строгановым кабал досталось на общую сумму в 365 руб., а Никите – на 180 руб. 22 алтына и полторы деньги. В январе 1578 г. были разделены также дворы и варницы на «Коле на Муромском», в Вологде, люди и «всякий товар в Москве и Калуге, привезенный с немецкого торгу на Коле».

В 1579 г. Семен Аникиевич, Никита Григорьевич и Максим Яковлевич наконец пришли к согласию по поводу вотчинного землевладения. Они решили, что все имущество необходимо «уверстать», а потом жить и править в своей части, не посягая на владения родственников. Никите Григорьевичу достался Орел-городок и деревни вокруг него, Семену Аникиевичу и Максиму Яковлевичу в совместное имение ушел Нижний Чусовской городок с ближайшей округой.

Для того чтобы предотвратить ссоры, племянники и дядя вновь обращаются к верховной власти – в Москву. Они просят прислать писца, который составил бы точные описания владений «по полюбовному их, Строгановых, между собой разделу». Просьба удовлетворена, и из Москвы прибывает «сотый писец» Иван Яхонтов.

К сожалению, опись владений Строгановых, составленная им, в целом виде до нашего времени не дошла. Подлинные писцовые книги Яхонтова сгорели в московском пожаре 1626 г. Однако один из списков, составленный на основе писцовой книги, попал, по-видимому, в руки одного из первых исследователей истории Строгановых – историка Ф. А. Волегова. Список

¹ Под «рухлядью» обычно подразумевались меха пушных зверей.

этот также был неполным (об этом пишет сам Ф. А. Волегов), но он позволил ученому составить статистические таблицы, описывающие владения Строгановых на 1579 г.

Итак, на Урале Строгановы имели: Орел-городок, Нижний Чусовской городок, слободы Сылва и Яйва, в которых было размещено административное управление вотчинами; 11 деревень, 28 починков, 352 двора, 406 человек мужского пола (женщины и дети в то время не учитывались). Владения были разделены на четыре округа: Орловский, Чусовской, Сылвенский и Яйвенский.

Спустя пять лет, 22 сентября 1584 г. между владельцами обширного Чусовского округа Семеном Аникиевичем и Максимом Яковлевичем происходит новый раздел, заодно уточняются права и других вотчинников. Семен Аникиевич получал в единоличное владение левый берег р. Чусовой с Нижним Чусовским городком, солеварнями и всеми поселениями на этом берегу, а также Сылвенский округ и левый берег р. Камы от устья Чусовой до Ласвенского бора – со всеми притоками, впадающими в Чусовую, Каму и Сылву. Максим Яковлевич отныне владел правым берегом р. Чусовой («Колошной стороной» – так он назывался) и вверх от устья Чусовой обоими берегами Камы до о. Карышева, где проходила южная граница вотчины Никиты Григорьевича. Максиму Яковлевичу принадлежали реки Обва, Иньва и Косьва с их притоками, весь Яйвенский округ и правый берег Камы от устья Чусовой до Ласвинского бора. Никита Григорьевич остался владельцем Орловского округа на Каме.

В 1588 г. при царе Федоре Ивановиче и, быть может, не без участия Бориса Годунова, была предпринята попытка сократить в пользу государства Уральские вотчины Строгановых. Орловская вотчина Никиты Григорьевича была отписана в казну. Мы не знаем обстоятельств и причин конфискации: грамота, по которой она производилась, была то ли утеряна, то ли нарочно уничтожена впоследствии Строгановыми. В «Хронологическом реестре разных документов и случаев, относящихся до истории о Строгановых» Ф. А. Волегова мы находим упоминание о грамоте того же Федора Ивановича «о пожаловании его вотчиною Орлом городком с варницами и с правом не судить его

и людей его» за 1591 г. Текст этой грамоты имеется в книге Н. Г. Устрялова «Имениты люди Строгановы», изданной в Санкт-Петербурге в 1842 г.: «Пожаловал он, великий государь... велел ему вотчиною его, городком Орлом, слободою на варищами и с деревнями и со всеми к ним угодьи владеть по-прежнему... и посадских людей и крестьян во всяких меж или делах судить ему Никите или кому он прикажет, а Пермским наместникам и воеводам и приказным людям его Никиту и людей его и Орловских посадских людей и Орловского уезду крестьян судити и к нему в вотчину выезжать и посылать (опричь разбою и татбы с поличным) ни почто не велено».

Отношение царя и правительства к Никите Строганову коренным образом изменилось. 7 апреля 1597 г. Никита Григорьевич получает новые земли – от прежней межи по Каме, которая была установлена еще грамотами Ивана Васильевича, вниз по реке на 55 верст, со всеми впадающими в Каму реками: Сюзьвою, Нытвой, Югом, Очером и Ошапом. Ф. А. Волегов рассчитал, что землевладение Никиты Строганова увеличилось после этого пожалования на 586 382 десятины 634 сажени.

Развитие ремесла в вотчинах Строгановых

Основу экономического могущества Строгановых дала соль. Вообще русская соль долгое время считалась некачественной: ее добывали из морской и озерной воды, в которой было много примесей, и она горчила на вкус. Соль, добываемая из рассолов на Урале, была без примесей, ее стали высоко ценить, и она использовалась не только для удовлетворения собственных нужд, соль стали вывозить за границу. В 1579 г. только в Орле-городке «у острога» у Строгановых было 13 варниц. В начале XVII в. налоги с соляных промыслов Орла-городка, которые платили Строгановы в казну, составляли почти две трети всех казенных платежей.

Добывали соль следующим образом. В пробуренную скважину, достигающую соленосных пластов, ставили деревянную трубу, по которой тек рассол – водный раствор поваренной соли. Далее рассол попадал в соляной ларь, где раствор отстаи-

вался, грязь и мусор опускались на дно, а раствор далее подавался в солеварню, где и выпаривался на огне. Из перенасыщенного раствора выпадала соль, ее выгребали и бросали на деревянные настилы – «полати» – для просушки. Готовую соль отправляли в соляные амбары, а оттуда на лодках, ладьях, стругах, насадах и дощаниках развозили по назначению.

Не так давно археологи нашли Яйвенский острожек – одну из крепостей Строгановых, расположенных около р. Яйвы. Из деревянных труб до сих пор бьют насыщенные солью ручьи. А рассолоподъемные трубы Орла-городка еще были видны в воде Камы в середине XX в.

Развивались и другие виды ремесел. По писцовым книгам 1579 г. в Орле-городке насчитывалось 29 ремесленников разных профессий (не считая солеваров): три кузнеца, один удник, три плотника, один лучник, один лодейщик, сапожник, кожевник, овчинник, хомутник, портной, три рыболова-рыбника, четыре мясника, один хлебник, пять калачников, один гусельник да один зелейник. Для сравнения: в Соликамске того же времени их было только 17. Масштабные археологические исследования, проведенные профессором В. А. Обориным на месте Орла-городка в середине XX в., еще до его затопления водами Камского водохранилища, дали многочисленные и разнообразные материалы, ярко характеризующие культуру и быт населения Орла-городка.

В состав обитателей Орла-городка входили и представители коми-пермяцкого населения. На территории слободы были обнаружены остатки усадьбы ремесленника – коми-пермяка. В состав усадьбы входила бревенчатая изба с двухскатной крышей, покрытой, как и на жилищах родановской культуры древних коми, берестой, маленькая баня, сарай и хлев. На полу избы археологами было найдено скопление синего и белого стеклянного бисера, точно такого, каким коми-пермяки еще в XIX в. украшали шамшуру – женский головной убор. Усадьба принадлежала мастеру – резчику по кости, о чем свидетельствуют железный резец, костяные и роговые заготовки, несколько костяных изделий, в том числе ложка, на навершии украшенная изображением головы птицы. Такие изображения встречались при

раскопках поселений средневекового аборигенного населения Западного Урала – предков современных коми-пермяков.

Кроме резчиков по кости в Орле-городке жили коми-пермяцкие гончары. Посуду они делали на гончарном круге, освоив русскую гончарную технику. На днищах сосудов гончары ставили свое клеймо в виде птичьей лапы, напоминающее тамги¹ родановской культуры древних коми-пермяков.

Конечно же, в Орле-городке работали и русские гончары, которые изготавливали традиционную столовую посуду (горшки, кувшины, сковородки, миски, тарелки), предметы туалета (рукомойники-водолеи), глиняные игрушки.

Впервые на Урале благодаря Строгановым во второй половине XVI в. начинает развиваться производство декоративной керамики – изразцов, которые служили для облицовки печей, церквей и жилых зданий. По мнению О. Н. Бадера и В. А. Оборина, Строгановыми в Прикамье были специально приглашены московские мастера для обустройства резиденции Строгановых в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке. Именно здесь на сегодняшний день археологами обнаружены самые ранние изразцы на Урале.

Ранние красноглиняные терракотовые изразцы украшались рельефными сюжетными композициями в виде военных сцен из жизни Александра Македонского (в XVI–XVII вв. на Руси был популярен роман «Александрия», приписываемый Каллисфену и описывающий поход Александра Македонского в Египет; вероятно, именно этот роман мог послужить основой ряда сюжетов русских печных изразцов), птиц, клюющих виноград, коней, барса под пальмой и т. д. Большое количество изразцов Орла-городка украшено изображением орлов с хищно раскрытыми клювами – тут, по всей видимости, есть связь с названием поселения.

Сюжеты строгановских изразцов близки к московским. Мастера, занимавшиеся их изготовлением, выписанные Строгановыми из центра России, принесли с собой не только приемы и способы изготовления изразцовой продукции, но и основные

¹ Тамга – знак собственности.

популярные в то время сюжеты. Но очень скоро в Орле-городке и Чусовском городке появились собственные школы изготовления изразцов. Орлинские и Чусовские изразцы отличаются друг от друга. Чусовские изразцы более тонки и миниатюрны, чем орлинские. Среди чусовских изразцов преобладает печной обжиг, орлинские изразцы обжигались в гончарном горне. Орлинские изразцы по сюжетам и технике рисунка наиболее близки к московским XVI в., чусовские – к московским изразцам XVII в. Это может свидетельствовать о том, что в Орле-городке изразцовое производство появилось раньше, чем в Чусовских городках.

Позднее, во второй половине XVII в., в Орле-городке и Нижнем Чусовском городке начинает развиваться производство поливных (покрытых специальной краской – поливой) многоцветных рельефных изразцов, которые украшались изображениями птиц и цветов. Такие изразцы были более опрятны и эстетически привлекательны, нежели красноглиняные. Их было легче содержать в чистоте: печная сажа не въедалась в поры глины, ее можно было легко стереть с глазури.

Изразцами облицовывались печи в хоромах Строгановых, в домах строгановских приказчиков и зажиточных ремесленников. Шли изразцы и на облицовку каменных церквей. Крыши своих домов богатые люди покрывали черепицей, чаще всего покрытой зеленой поливой. Наличие значительного числа изразцовых печей в Орле-городке, Нижнем Чусовском городке и Усолье говорит о зажиточности привилегированного населения, так как в XVII в. за один изразец платили столько же, сколько за полпуда соли. Стоимость десяти изразцов равнялась стоимости пуда масла, а в денежном выражении этот эквивалент достигал 1 руб. – очень большой по тем временам суммы.

Сейчас ясно, что именно изразечное производство Орле-городка заложило основу для его развития в других городах Западного Урала. В середине XVII в. часть мастеров – «изразечников» переселяется в Соликамск. Появляется изразечное производство в Кунгуре.

В Орле-городке и Нижнем Чусовском городке, а также Пыскоре была обнаружена редкая для Урала московская чернолощеная посуда конца XVI – XVII в.

Археологами в остатках богатых домов строгановских городков найдено много пластин слюды, вставлявшихся в железные оконные переплеты. Окна в домах бедного населения, очевидно, затягивались бычьим пузырем и закрывались ставнями. На территории богатых усадеб обнаружены медные светильники, а в бедных распространялись обычно железные светцы для укрепления чаще всего одной лучины. Найдено много мелких украшений: бронзовые бляшки, медные и серебряные перстни, бусы и сережки из стекла или полудрагоценных камней. Часто на строгановских городках археологи находят изделия, выполненные в технике соль-вычегодской (ее еще называют строгановской) перегородчатой эмали.

Население, помимо промышленной добычи соли, занималось и сельским хозяйством. Об этом говорят найденные археологами железные оковки деревянных лопат, мотыги, серпы, косы-горбуши, сечки для рубки капусты. Большое значение в хозяйстве жителей имело разведение домашнего скота, находящегося на стойловом содержании. Во время раскопок археологи находят много костей домашних животных и птиц. Найдены также остатки хлебов.

Дополнительным промыслом для жителей являлись охота и рыболовство. Рыбу ловили главным образом сетями с глиняными грузилами. В культурном слое Орла-городка и Пыскора обнаружены кости стерляди, леща, язя, плотвы, сома и особенно часто щуки.

Остатки кузниц, судя по современным данным, располагаются за пределами посада, то есть «для бережения от огня». Кузницы обслуживали нужды как вотчинного хозяйства Строгановых, так и местного населения. Ковались ножи, косы и серпы, делались гвозди, подковывались на кузнях лошади. Кузни были практически во всех крупных населенных пунктах Строгановых.

Ремесло строгановских мастеров достигло высочайшего уровня и зачастую достигало уровня искусства. Полученные

навыки передавались ученикам, ремесленными приемами делились с соседями – всё это способствовало расцвету не только Уральской вотчины Строгановых, но и других русских уральских городов.

§ 4. Духовная культура вотчин Строгановых

Владельцы вотчин на протяжении нескольких веков собирали различные исторические раритеты: иконы, книги, предметы прикладного искусства. И сегодня нас поражают коллекции строгановской иконописи и «строгановское золотое шитье».

Фактически сразу же после образования первых городков в уральских вотчинах Строгановых возникает своя иконописная школа. Это понятно: на обширных территориях Урала продолжается процесс христианизации, стоятся новые церкви, их необходимо обустраивать, икона входит в церковный быт местного и пришлого населения. Иконы пишутся в Пыскоре, Орлегородке, в Чусовских городках, но центром строгановской иконописи в это время был Сольвычегодск, затем – Москва. После присоединения Обвы к строгановским владениям своя иконописная школа возникает в Ильинском. Изначально мастера иконного письма, вывезенные в Сольвычегодск из Новгорода, берут за образец Новгородскую школу иконописи. На иконе начала XVII в. мастера Семена Хромого есть надпись: «Си образ писан слово в слово с Чюдотворного образа Знамени Пречистой Богородицы Новгородской. Поставление Никиты Григорьевича Строганова». Затем в качестве примера используются уютюжские иконы.

Первые иконы были большого размера, изображаемые на них лики имели удлиненную пропорцию фигур; исследователи отмечают особую, «несколько преувеличенную грацию поз и поворотов», использование при письме ярких красок. По краскам иконы строгановской школы отличаются от московских: в них нет тусклых оттенков, коричневого цвета, используются зеленая, розовая, алая краски.

Чуть позднее, в начале XVII в., появляются иконы небольшого размера. Такие иконы были удобны в использовании в маленьких отдаленных церквях и часовнях, в частных домах. Искусствовед М. В. Алпатов в своей «Всеобщей истории искусств» так объясняет изменения, произошедшие в XVII в. с иконами: «Иконопись теряла свой первоначальный смысл. Прежде иконы служили для украшения стен или иконостаса, теперь они были рассчитаны на то, чтобы держать их в руках или рассматривать лежащими на аналое. В прошлом даже самая искусная икона прежде всего имела значение предмета поклонения. Теперь на первый план выступила возможность любоваться тем, как хитро придуман сюжет, как затейливо выписаны подробности, сколько сноровки в передаче деталей проявил тот или иной мастер».

Строгановские иконы XVII в. выполнены «мелочным» письмом, они напоминают миниатюру. Иконы украшаются золотом и серебром, драгоценными камнями, закрываются металлическими окладами.

Изображение божества и святых на иконах – прежде всего изображение некоего идеала, свойственного той или иной эпохе.

Основная часть икон пишется в Сольвычегодске, после смерти Максима Яковлевича и Никиты Григорьевича Строгановы заказывают иконы в Москве, их пишут в Оружейной палате «государевы иконописцы». В первой половине XVII в. иконы строгановской школы пользуются большой популярностью не только в вотчинах Строгановых, их заказывают представители аристократических родов, проживающие в Москве и других русских городах.

Строгановская иконописная школа оказала влияние на развитие иконописания других школ: Московской, Ярославской, Сибирской. С красивейшими образцами строгановской иконописной школы можно познакомиться в залах Пермской художественной галереи. Образцы иконописных шедевров находятся сегодня в Третьяковской галерее, Государственном Русском музее. Собранные экспонаты привезены из Орла-городка, Чусовских городков, Соликамска. Историк А. А. Введенский описывает иконный фонд Строгановых XVI–XVII вв. в 500 единиц.

Стоит сказать о роли Строгановых в распространении грамотности на Урале. В клане Строгановых все мужчины были грамотны. Доподлинно известно, что, по крайней мере, была грамотна Татьяна Никитична, дочь Никиты Григорьевича Строганова: в 1604 г. она поднесла церкви Похвалы Богородице Евангелие, подписанное собственноручно. В XVI–XVII вв. Строгановы обладали для того времени крупными частными библиотеками. Аника Федорович Строганов, судя по описи 1578 г., имел 214 книг (при 85 названиях). У внука Аники – Максима Яковлевича – в первой четверти XVII в. было более 300 книг, а в собрании другого внука – Никиты Григорьевича – по описи 1620 г. насчитывалось 357 книг. По данным екатеринбургского историка-архивиста Н. А. Мудровой, если учитывать все те книги, которые передавались Н. Г. Строгановым в церкви и монастыри, то число книг в его библиотеке возросло до 500 экземпляров.

Сегодня часть раритетов из этого великолепного книжного собрания хранится в Государственном историческом музее (Москва), Российской национальной библиотеке (Санкт-Петербург), Российской государственной библиотеке (Москва). В Березниковском историко-художественном музее имени И. Ф. Коновалова хранится старопечатная книга «Иоанн Златоуст. Беседы на 14 посланий апостола Павла», которая издана в Киевской типографии Киево-Печерской лавры 2 апреля 1623 г., и в которой скорописью, характерной для XVII в., записано о «вкладе» этой книги именитым человеком Григорием Дмитриевичем Строгановым (1656–1715) «в вотчину свою на Орел-городок к церкви владичицы наша Богородицы и присно девы Марии». В этом же музее хранится и другая редкая книга – «Симеон Полоцкий. Обед душевный», которая издана в Московской типографии 10 января 1681 г., и на которой также скорописью XVII в. записано, что она была пожертвована в церковь Похвалы Богородицы Орла Г. Д. Строгановым.

Были в библиотеке Строгановых и совершенно уникальные книги, такие как знаменитая «Азбука первопечатника Ивана Федорова», изданная во Львове в 1574 г. и находящаяся сейчас в библиотеке Гарвардского университета.

В пределах Орла-городка, судя по письменным источникам, находились «церковь строения деревянного соборнея во имя Похвалы Пресвятой Богородицы с приделами, церковь Воздвижения Святого Животворящего Креста Господня, церковь Успения Пресвятой Богородицы». В каменной соборной церкви Похвалы Богородице современного поселка Орел, выстроенной в 30-х гг. XVIII в., имеется уникальный резной деревянный золоченый иконостас конца XVIII в., который по преданию был перенесен из старого деревянного собора Орла-городка. Этот иконостас выполнен в традициях парадных иконостасов Оружейной палаты Московского кремля, подтверждением чего могут служить иконы царского изографа И. Максимова.

Со строгановскими вотчинами, а точнее, с Орлом-городком связана первая русская попытка написания светского романа – «Повесть о Савве Грудцыне». Роман датируется литературоведами 1666–1668 гг. Большая часть действия происходит в Орле-городке: герой романа Савва Грудцын, отправленный отцом по купеческой надобности в Соликамск, остановился в Орле-городке, где с ним приключается несчастная любовь к замужней женщине. Есть в романе и страшная месть, и колдовские силы, и приворотное зелье, и даже сделка с дьяволом, царство которого находилось неподалеку. И хотя, по мнению историка Е. Н. Шумилова, автор романа никогда не был в Орле-городке, сам факт выбора места действия романа весьма примечателен.

Являясь центром духовной культуры Прикамья в XVII в., Орел-городок стал родиной редкого и уникального сборника поучений – «Статир», который является ярким памятником ораторского искусства XVII в. Этот сборник сохранился до наших дней в единственном списке и хранится в Российской государственной библиотеке. По мнению екатеринбургского историка Н. А. Мудровой, «рукопись по праву можно отнести к “золотому фонду” древнерусской письменности». Сборник был составлен Потапом Прокофьевым – священником соборной церкви Похвалы Богородицы Орла-городка.

Потап Прокофьев был необыкновенно начитанным, эрудированным для того времени человеком. Он использовал для создания своего труда произведения византийских, русских, бе-

лорусских и украинских писателей, а также материалы астрологического, естественно-исторического характера, а также сведения, заимствованные из греческой мифологии. В целом же «Статир» представляет собой исключительно объемный труд, насчитывающий 1 624 страницы. Столь глубокие знания провинциальный автор мог почерпнуть лишь из библиотеки Строгановых, находившейся в то время в Орле-городке.

В первой половине XVII в. составляется так называемая «Строгановская Сибирская летопись» с полным названием «О взятии сибирской земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова Бог Сибирское государство обладати ему государю и победити Муртазелиева сына Кучума салтана сибирского и сына его царевича Маметкула взяти жива, и како просвети Бог ту сибирскую землю Святым крещением и Святыми Божиими церквами и утверди в ней святительский престо архиепископию». Отдельные главы летописи, большей частью посвященной походу Ермака, описывают историю строгановских поселений на Урале.

Привносимые на Урал Строгановыми образцы русской духовной культуры быстро укоренялись и распространялись не только в границах строгановской вотчины, но и за ее пределами. Историки неоднократно отмечали, что многие культурные новшества, пришедшие на Урал, имели центром своего распространения Строгановские городки. Так было вплоть до начала XIX в. Перенос новшеств был стремителен: едва только в Санкт-Петербурге и Москве появилась новая мода на псевдоантичные вещи, они тут же появлялись во владениях Строгановых. В слоях начала XIX в. строгановских поселений археологи обнаружили новомодные и пока редкие даже в столицах псевдоантики – геммы и медные украшения каминов.

§ 5. Продолжение колонизационных процессов в XVI веке

В 1555–1557 гг. происходит добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. В 1558 г. к России добровольно присоединяются удмурты. Появляются новые города:

Уфа (1574 г.), Сарапул (1596 г.) и др. Колонизационный процесс выходит из границ Урала и развивается в зауральских землях. Начало этого процесса связывается с именем Ермака.

Ермак (Ермолай?) Тимофеевич (Аленин Василий Тимофеевич?) (? – 6.08.1584 или 1585) – казачий атаман, предводитель военного похода, в результате которого распалось Сибирское ханство Кучума, отпала опасность набегов сибирцев на русские поселения в Верхнем Прикамье, и было положено начало присоединения Сибири к Русскому государству. По разным источникам Ермак происходит из донских, волжских казаков, Сольвычегодской или Чусовской вотчины Строгановых, Тотемского уезда Вологодской губернии.

Письменные источники по-разному трактуют причины похода Ермака: исполнение воли верховной власти; христианское просвещение язычников; инициатива Строгановых; собственная инициатива. Начальной датой похода называется 1 сентября 1579, 1580, 1581, 1582 гг. Дата 1 сентября 1582 г. в настоящее время считается наиболее достоверной, обоснована историком Р. Г. Скрынниковым. Он указывает на документы, свидетельствующие, что в 1581 г. – начале 1582 г. Ермак воевал в составе армии Д. И. Хворостинина под Смоленском. Местом начала военной экспедиции Ермака полагают Орел-городок (р. Кама) или Нижний Чусовской городок (р. Чусовая). Отряд Ермака продвигался по рекам Чусовой, Серебрянке, Сылвице (устье которой находится в верховьях Чусовой близ устья р. Серебрянки. Сылвицу ошибочно отождествляют с р. Сылвой, отсюда фольклорная традиция, указывающая на пребывание Ермака в окрестностях современного. Кунгура), Баранче, Тагилу, Туре, Тоболу. 26 октября 1582 г. после сражения под Чувашским мысом казаки овладели столицей Сибирского ханства Кашлыком (Искером, Сибирью). Во время зимовки Ермак принимал представителей местной аристократии (остяцких, вогульских и татарских князьков и мурз), прибывших к нему с целью демонстрации лояльности и покорности России. 5 декабря 1582 г. у оз. Абалак отряд Ермака разгромил отряд племянника Кучума Маметкула. Летом 1584 г. (1585?) Ермак с отрядом дви-

нулся вверх по Иртышу. В ночь с 5 на 6 августа на р. Вагае на отряд Ермака было совершено нападение, в бою Ермак погиб.

Гибель Ермака не повлияла на дальнейший ход русской колонизации Зауралья. Сибирское ханство было разгромлено, отпала военная опасность для уже колонизованных Уральских земель, были созданы предпосылки для колонизации Зауралья и Западной Сибири. Начинают возникать первые русские городки в Зауралье: Лозьвинский (1589 г.), Пелым (1593 г.).

В конце 90-х гг. XVI в. крестьянин (впоследствии соликамский посадский человек) Артемий Бабинов разведал новую дорогу в Сибирь. В 1597 г. дорога, названная Бабиновской, была проложена. В 1598 г. в верховьях р. Туры, на новой официальной дороге строится г. Верхотурье, ставший центром Верхотурского уезда. Начинается массовая колонизация зауральских земель.

Раздел II

УРАЛ В XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII – первой половине XIX века

Урал, как база развития крупной промышленности, имел ряд преимуществ по сравнению с Подмосковными и Олонецким районами. Уральские руды отличались высоким качеством, и металл, выплавленный из них, легко поддавался обработке. Руды лежали неглубоко и местами выходили на поверхность земли, что облегчало их разработку. В начале XVIII в. из руды Олонецкого края выплавлялось 20 % чугуна, из уральских – 25–30 %, даже до 50 %.

На Урале имелись нетронутые лесные массивы, а лес являлся в то время единственным источником топлива для промышленности. На Урале была разветвленная сеть рек, они служили источниками гидроэнергии для промышленных предприятий и удобными путями для транспортировки промышленной продукции.

Благоприятствовало развитию промышленности сельское хозяйство, достигшее в Среднем Приуралье и Зауралье значительного по тому времени уровня. Цены на хлеб держались здесь намного ниже, чем в других районах страны. В 1720 г. в Олонецком крае пуд ржи стоил 23 коп., а на Урале в то же время пуд ржаной муки стоил 7 коп. В связи с этим рабочая сила ценилась здесь дешевле, чем в Олонецком крае. Все эти условия благоприятствовали строительству на Урале больших заводов с применением новейшей к тому времени техники.

Начало создания крупной промышленности на Урале связано с деятельностью начальника Сибирского приказа одного из образованных людей своего времени А. А. Винуса, организовавшего здесь поиски руд. 7 мая 1697 г. он доносил Петру I, находившемуся тогда за границей: «Я сыскал зело добрую руду из магнита, железную какой лучше быть невоз-

можно, и во всей вселенной не бывало, чтоб из магнита железо плавить, при том же богатая и так мягка, что можно пушки и т. д. плавить».

После открытия железяка в районе современного Нижнего Тагила было дано два указа верхотурукокому воеводе – царский и Сибирского приказа о постройке завода. В указе от 10 июня 1697 г. предлагалось в местах, где найдены железные руды, «завести большой железный завод», который должен лить пушки, гранаты и иное оружие «для обороны Сибирского царства от всяких иноземцев и для привозу того оружия к Москве и в иные Понизовые и Верховые города».

Строительство заводов в первые десятилетия XVIII в. велось главным образом в районе Среднего Урала и осуществлялось быстрыми темпами. Одновременно строились два завода – Каменский и Невьянский. Домну Каменского завода задули 15 октября 1701 г. Ровно через два месяца (15 декабря 1701 г.) вступил в строй Невьянский завод. Строительством Невьянского завода руководил сначала верхотурский сын боярский Михаил Бабиков, а затем «москвитянин» Семен Вакулин, а в качестве рабочей силы были привлечены крестьяне слобод: Тагильской, Невьянской, Ирбитской и др. Строительством Каменского завода руководили тобольский сын боярский Иван Астраханцев и плотинный мастер Ермолай Неклюдов; здесь использовался труд крестьян Катайского острога, Каменской, Багаряцкой и других слобод.

В 1703–1704 гг. (были построены еще два казенных завода – Уктусский и Алапаевский). Из этих четырех наиболее крупным являлся Невьянский. Он принадлежал казне лишь два с половиной месяца, после чего перешел в частное владение: 4 марта 1702 г. его передали промышленнику Никите Демидову. Эта передача была продиктована стремлением привлечь к заводскому делу на Урале частных предпринимателей. К началу XVIII в. Демидов уже был известен как владелец завода под Тулой и специалист рудного и металлургического дела.

Демидов по грамоте о передаче ему Невьянского завода обязывался сумму, потраченную казной на постройку завода, и стоимость полученных им материалов возместить железом,

поставляя в течение пяти лет ежегодно 14 400 пудов металла. Он легко справился со своими обязательствами. Вскоре Демидов стал владельцем многочисленных заводов. Он пользовался щедрым покровительством со стороны правительства. По указу 9 января 1703 г. к Невьянскому заводу Демидова были приписаны Аятская и Краснопольская слободы и село Покровское, в которых жило 564 души мужского пола. С июня 1703 г. приписные крестьяне этих слобод работали на заводе. Приписка крестьян к заводу давала Демидову большую привилегию в обеспечении предприятия рабочей силой.

Заводы Урала с самого начала своего существования выполняли задачи общегосударственного значения. Каменский завод уже в 1702 г. отлил 182 пушки, а в 1703 г. уральские заводы дали стране большое количество пушек, снарядов и железа. Уральские домны с первых лет давали выплавку, превышающую продукцию домен центральных районов страны.

Первенцы уральской металлургии полностью оправдали себя, показав тем самым большие возможности Урала как промышленного района. Они дали толчок дальнейшему развитию промышленности края.

В первую треть XVIII в. на Урале было построено 33 предприятия. Территориально они распределялись следующим образом: 16 заводов были расположены на реках Исети, Тагиле, Нейве; 11 заводов – на реках Каме и Сылве; пять заводов – на р. Чусовой и ее притоках; один завод – в бассейне р. Ляли. В Прикамье вначале строились преимущественно медеплавильные заводы, работавшие на медистых песчаниках. Первым медеплавильным заводом был Егошихинский, построенный казной в 1723 г. и положивший начало г. Перми. Заводы края принадлежали и казне, и частным лицам. Из 33 заводов 13-ю владела казна, 12 заводов принадлежали потомкам Никиты Демидова, два завода – Строгановым, шесть заводов – другим частным владельцам.

В формировании нового промышленного района большую роль сыграло основание в 1723 г. Екатеринбурга – будущего центра уральской промышленности. Екатеринбургский завод, построенный по последнему слову тогдашней техники, служил своеобразной школой для заводов Урала.

Интенсивно строились заводы на Южном Урале, где образовался новый большой промышленный район. Из заводов, возникших во второй четверти XVIII в., необходимо отметить два Сергинских, построенных в 40-х гг. на р. Серге, притоке Уфы, Воскресенский, построенный в 1745 г. на р. Торе, притоке Белой, и Нязе-Петровский завод, построенный в 1747 г. на р. Нязе, притоке Уфы. Среди владельцев южноуральских заводов видное место занимали купцы.

Грандиозное по тем временам промышленное строительство на огромных пространствах Урала создало здесь производственный комплекс мирового значения. К середине XVIII в. уральская промышленность достигла своего расцвета, она давала металла в несколько раз больше, чем все заводы европейской России.

Большинство заводов, построенных на Урале в первой половине XVIII в., были одновременно доменными и молотовыми, то есть выплавляли чугун и перерабатывали его в железо. Как правило, казенные заводы были крупнее частновладельческих, но заводы Демидовых по размерам не уступали казенным.

Заводы Урала были вододействующими. Центральным техническим сооружением являлась плотина. По соседству с ней располагались домы, горны и молоты, затем – «производственные избы» (кузнечная, токарная, сверлильная, сушильная и др.). Заводы состояли из цехов, или – по тогдашней терминологии – «фабрик», работавших обычно как единый производственный организм. На них осуществлялась специализация, далеко продвинулось разделение труда.

В техническом отношении заводы Урала стояли значительно выше тульско-каширских. Русские техники того времени создали оригинальные заводские плотины и сложные системы водяных колес. Домны уральских заводов были крупнее и производительнее, чем домны тульско-каширских заводов. Это превосходство сохранялось на протяжении всего XVIII в. Мануфактура Урала (а все уральские горные заводы этой поры были мануфактурами) по своей технической структуре была централизованной, о чем свидетельствует широкое разделение труда внутри предприятий и оснащенность их разнообразными инструментами и орудиями производства.

В первые десятилетия XVIII в. рабочая сила на заводах Урала состояла из следующих категорий людей: государственных крестьян, приписанных к заводам и отработывавших здесь подушную подать; крепостных крестьян, купленных для работы на заводах или принадлежавших лично заводчикам-дворянам; беглых, отдававшихся специальными указами правительства в число крепостных заводских людей. Заводчики охотно принимали к себе бежавших на Урал помещичьих крестьян и затем закрепощали их. Из них складывались кадры заводских людей, постоянно занятых на производстве и выполнявших более квалифицированную работу (подмастерья, кузнецы, плотники и др.). Но среди лиц, выполнявших квалифицированную работу, были и люди, которые поступали работать по найму, и чье положение отличалось от положения крепостных.

Наиболее многочисленной категорией работавших на заводах были приписные и крепостные. Большая часть их выполняла подсобные работы по заготовке дров и угля, добыче руды, перевозкам. Рабочие подвергались жестокой эксплуатации. Широко применялись телесные наказания, а также заключение «провинившихся» или ссылка их на каторгу. Рабочий к концу первой четверти XVIII в. в среднем получал 7–8 коп. в день.

Темпы заводского строительства на Урале на протяжении всей первой половины XVIII в. нарастали. В 1701–1704 гг. было построено восемь металлургических заводов: четыре доменных, один молотовый, один медеплавильный, два сыродутных (не имевших доменных печей). После строительного затишья 1705–1710 гг. в 1711–1718 гг. основано шесть заводов: один доменный, два молотовых и три медеплавильных. Затем наступает мощный подъем промышленного строительства. С 1719 по 1725 г. было воздвигнуто 13 заводов: четыре железоделательных и девять медеплавильных. Из них семь заводов принадлежали казне, а шесть – частным лицам. С 1726 по 1737 г. основано 29 заводов: семь доменных, девять молотовых, двенадцать медеплавильных и один сыродутный. Особенностью заводского строительства во второй четверти XVIII в. является преобладание частных заводов над казенными: частных заводов в этот период возникло в три раза больше, чем казенных. Всего на Урале

в первой половине XVIII в. было выстроено 63 металлургических завода.

Таким образом, был создан новый металлургический район, занявший ведущее положение в горной промышленности России. В 1750 г. Урал дал 1 млн 424 тыс. пудов чугуна. В середине века Урал поставлял две трети общего количества производимого в стране черного металла. Медеплавильные заводы Урала давали ежегодно 50 тыс. пудов металла – 90 % общего производства в стране.

Продукция уральских металлургических заводов шла на внутренний рынок: она продавалась в Москве, Твери, Ярославле, Алексине, на Макарьевской ярмарке, в Чебоксарах, Нижнем Новгороде, Соликамске, Тобольске, Тюмени и в других городах страны.

По производству металла Россия вышла на второе место в мире, уступая только Швеции. Россия из страны, импортировавшей металл, превратилась в XVIII в. в страну, вывозящую его. В 1751 г. Россия экспортировала 685 тыс. пудов железа. По тому времени эта цифра очень внушительна. Одним из главных покупателей уральского железа стала Англия. Экспорт составлял треть годового производства железа. Две трети продукции шло на внутренний рынок для удовлетворения государственных нужд и частного спроса.

Во второй половине XVIII в. в развитии уральской металлургии отчетливо прослеживаются два периода: первый из них охватывает 50–60-е гг. и характеризуется бурным ее развитием; ко второму периоду относятся последующие три десятилетия, в течение которых темпы строительства новых предприятий значительно снизились. За два десятилетия (1751–1770 гг.) на Урале было введено в строй 67 новых заводов по производству чугуна, железа и меди, а в последующие 30 лет – только 33 предприятия, то есть в два раза меньше.

Увеличение числа заводов во второй период происходило за счет постройки доменных и передельных предприятий. Что касается медеплавильных заводов, то их число к концу столетия не увеличилось, а уменьшилось. Так, в 1780 г. числилось 43 ме-

деплавильных завода, а к 1800 г. остался 41. В результате к концу XVIII в. выплавка меди на Урале несколько снизилась.

Во второй половине XVIII в., в отличие от предшествующего периода, уральская металлургия развивалась за счет частного капитала. В это время удельный вес казенного заводоуправления на Урале был очень велик, правительство вплоть до конца 30-х гг. интенсивно строило новые предприятия. Во второй половине XVIII в. казна почти прекратила сооружение новых заводов. В 1750 г. казне принадлежало 42 % всех доменных печей на Урале, а в 1800 г. – только 12 %.

Список уральских заводоуправленцев пополнился новыми фамилиями. К их числу относятся симбирские купцы И. Б. Твердышев и И. С. Мясников, владевшие на Южном Урале 11 заводами. Основатель компании и главное действующее лицо в ней – И. Б. Твердышев – занимался селитроварением, винокурением и подрядами. Накопленные капиталы были вложены им в 1744 г. в металлургию. Хозяйство симбирских купцов развивалось чрезвычайно быстро. Богатые руды, на базе которых было построено шесть медеплавильных и пять доменных и передельных предприятий, позволили заводам И. Б. Твердышева и И. С. Мясникова в 50–60-х гг. занять первое место в России по выплавке меди.

Несколько позже, в конце 50-х гг., в уральскую металлургию пришел верхотурский купец М. М. Походяшин, накопивший капиталы на винокурении, винных подрядах и откупах. Его промышленное хозяйство состояло лишь из трех заводов, но по выплавке меди оно быстро выдвинулось на первое место. Жадный стяжатель, державший в кабале тысячи крестьян из близлежащих деревень, на протяжении своей жизни превратился из неизвестного купца в миллионера: его наследники в 1791 г. продали заводы в казну за 2,5 млн руб.

Но самым крупным воротилой на Урале был Савва Яковлев, совмещавший занятие винными откупами с международной торговлей. Колоссальные барыши, извлекаемые из откупов, С. Яковлев тратил на приобретение готовых заводов с приписными и посессионными крестьянами, рудниками, землей и лесами. В течение 13 лет С. Яковлев израсходовал на покупку за-

водов (у П. А. Демидова, Р. И. Воронцова и др.) 1 390 тыс. руб. К 16 купленным предприятиям он построил еще шесть и стал крупнейшим в стране заводовладельцем.

По сравнению с первой половиной столетия изменился социальный состав уральских заводовладельцев. Так, в этот период получает некоторое развитие дворянское предпринимательство. Дворяне перестают довольствоваться традиционными источниками доходов и прибегают к занятиям торговлей и промышленностью.

В связи с развитием промышленности изменилась и география размещения заводов. Во второй половине столетия границы горнорудного Урала раздвинулись за счет промышленного освоения новых районов: началось строительство предприятий в «пустых и диких местах» Башкирии, на территории почти безлюдного Севера Урала, а также в Вятской провинции, на территории которой было создано десять новых заводов.

Однако, несмотря на расширение территории горнорудного района и увеличение числа предпринимателей, вкладывавших капиталы в металлургию, темпы развития последней к концу XVIII в. значительно снизились. Этому было несколько причин.

Известное влияние на промышленность края оказала Крестьянская война 1773–1775 гг., во время которой был разрушен ряд предприятий. Но это влияние было кратковременным. понадобилось два-три года, чтобы полностью или частично разрушенные предприятия (а таких на Урале насчитывалось 25) были совершенно восстановлены.

Всё более негативно на состоянии металлургии сказывалось влияние крепостнических отношений, которые снижали заинтересованность рабочих в результатах своего труда, приводили к нерациональным расходам, становились препятствием на пути совершенствования производства.

Не следует игнорировать и влияние географической среды. Мануфактурному периоду промышленности соответствовали определенный уровень техники, приемы использования энергетических и сырьевых ресурсов и т. д. Истощение вблизи ряда заводов лесных и рудных ресурсов, естественно, сказывалось на их производительности.

Имело значение и изменение рыночной конъюнктуры, оказавшей неблагоприятное воздействие на развитие русской металлургии в целом. Основным потребителем русского железа была Англия. Рано использовав свои ограниченные лесные богатства, английская металлургия вынуждена была сократить выплавку чугуна, а также производство железа и довольствоваться привозным металлом для широкой сети металлообрабатывающих предприятий. В конце XVIII в., когда англичане научились пользоваться в металлургическом производстве каменным углем, потребность Англии в привозном металле начала из года в год сокращаться. В итоге внешний рынок стал в меньшей, нежели раньше, мере стимулировать развитие русской, в том числе и уральской, металлургии.

Тормозящее влияние на развитие Урала оказала промышленная политика правительства. Если в первой половине столетия эта политика проводилась преимущественно в интересах купечества, то теперь преобладающие выгоды от нее получало дворянство. Абсолютизм ставил дворянское предпринимательство в привилегированное положение и создавал ему благоприятные условия для конкуренции с купеческими предприятиями.

Одним из наиболее важных проявлений нового курса правительства относительно купеческого предпринимательства был указ 1762 г. о запрещении покупать крестьян к заводам, который восстановил монопольное право дворян эксплуатировать труд крепостных крестьян, нарушенное в 1721 г., когда купцам было разрешено покупать крестьян к мануфактурам. Осуществление указа 1762 г. ставило промышленников из дворян и купцов в неравные условия. Первые имели возможность пользоваться крепостным трудом, а вторые были лишены его. Несмотря на настойчивые домогательства промышленников, правительство оставалось глухим к их просьбам и отменило указ 1762 г. только в 1798 г., когда крепостной труд потерял прежнюю привлекательность и почти все промышленники утратили стремление обзаводиться крепостными. Проявлением дворянского характера промышленной политики правительства была отмена в 1782 г. горной свободы, объявленной ранее рядом указов с целью привлечения частных капиталов в промышленность. Прин-

цип горной свободы с наибольшей полнотой был определен берг-регламентом 1739 г., который отделил право владения поверхностью земли от права владения ее недрами. Манифест 1782 г. положил конец горной свободе. В интересах дворянства недра были объявлены собственностью владельца земли, и без разрешения последнего никто не имел права пользоваться ими. Отмена горной свободы усложнила доступ к поиску и разработке полезных ископаемых купцам, посадским и крестьянам.

Еще одним показателем дворянского характера промышленной политики правительства следует признать раздачу казенных заводов дворянам и оказание им финансовой помощи при строительстве предприятий. В первой половине столетия правительство в развитии промышленности на Урале ориентировалось на недворянские элементы, которым оказывало соответствующую помощь. Во второй половине XVIII в. объектом аналогичных забот правительства становится дворянство. Представители последнего получают ссуды на сооружение заводов. Главное поощрение дворянского предпринимательства состояло, однако, не в выдаче ссуд (таких случаев было не очень много), а в льготной продаже дворянам казенных заводов.

Передача казенных заводов частным лицам явилась одним из элементов экономической политики правительства в тот период, когда промышленность делала свои первые шаги. Этой мерой правительство Петра I намеревалось увеличить приток частных капиталов в металлургию. Но практика уже первой раздачи казенных заводов, осуществленной в 1739 г., оказалась далека от этих целей. Лучшие на Урале Гороблагодатские заводы получил проходимец Шемберг, разоривший их своим хозяйничаньем.

В 50-х гг. правительство вновь осуществило раздачу казенных заводов, причем оно и на этот раз руководствовалось отнюдь не интересами развития промышленности, а интересами вельмож, пытавшихся поправить свои дела предпринимательством. Граф П. И. Шувалов, граф Г. З. Чернышев, братья Воронцовы и другие дворяне на льготных условиях получили от казны 18 уральских заводов. Новые владельцы предприятий в погоне за высокими барышами организовали хищническую эксплуата-

цию сырья и рабочей силы. В результате в приписных деревнях Урала в конце 50-х и начале 60-х гг. вспыхнули крупные крестьянские волнения.

Предпринимательство дворян окончилось крахом. Казенные заводы не спасли их от разорения. Спустя 10–20 лет они либо вернули заводы казне за цену в два-три раза выше той, которую должны были уплатить сами, либо продали их ловкому дельцу Савве Яковлеву.

Столь же неудачно закончилось предпринимательство дворян, построивших заводы на собственные деньги. Лишь дворяне, располагавшие в своих владениях резервами крепостного труда в сочетании с высококачественными рудами, сумели сохранить за собою заводы до конца XVIII в. К ним относятся Строгановы, а также владельцы отпочковавшихся от их вотчин хозяйств: князя Голицыны, Шаховские и Всеволожские.

Объявленный указом 1762 г. запрет покупать крестьян к купеческим мануфактурам не оказал сколько-нибудь существенного влияния на состав рабочей силы уральских заводов. Число работных и мастеровых людей из крепостных и отданных по указам, занятых непосредственно на мануфактурах, из десятилетия в десятилетие увеличивалось. Их численность росла, во-первых, за счет естественного прироста населения, во-вторых, за счет роста количества посессионных крестьян, занятых в принудительном порядке на заводских работах. Далеко не всех крестьян, купленных до запретительного указа 1762 г., промышленник использовал на заводских работах. Часть из них не была даже переселена из районов Европейской России на Урал. Другую часть купленных крестьян промышленник хотя и переселил на завод, но первоначально использовал на сельскохозяйственных работах. Во второй половине столетия все эти крестьяне были превращены в работных и мастеровых людей.

Третьим источником роста числа принудительных рабочих на заводах было перераспределение наличных ресурсов рабочей силы между промышленными хозяйствами, а также внутри них. Л. И. Лугинин, например, начал вкладывать капиталы в металлургию с 1769 г., то есть после запретительного указа, тем не менее все его пять заводов были обеспечены необходи-

мыми кадрами из числа посессионных крестьян за счет покупки заводов, имевших таких крестьян, и перевоза людей на старые заводы. Таким же способом комплектовали заводские кадры Савва Яковлев, Демидов и другие промышленники.

В отличие от заводских работ, на которых удельный вес принудительного труда повышался, во внезаводском производстве, то есть на заготовке и перевозке руды и угля, из десятилетия в десятилетие росло число наемных людей. Отчасти это происходило вследствие того, что промышленник стремился обучить наиболее сложным производственным навыкам собственных крепостных, чтобы избавить свое предприятие от влияния узкого и неустойчивого рынка рабочей силы. В этом случае промышленник переводил своих крепостных и отданных по указам людей из вспомогательных работников в основные, то есть непосредственно на мануфактуру.

Для роста использования наемных людей на вспомогательных работах имел также значение указ 1779 г., регламентировавший использование труда приписных крестьян. В 1750–1760-х гг. применение труда приписных крестьян на внезаводских работах было фактически неограниченным, ибо промышленнику предоставлялось право привлекать их к заготовке сырья сверх суммы подушного оклада. Указ 1779 г., изданный правительством под впечатлением от активного участия приписных деревень в Крестьянской войне 1773–1775 гг., ограничил отработку суммой подушного оклада и определил перечень работ, на которые разрешалось привлекать приписных крестьян: рубка куренных дров, разломка угольных куч, перевозка угля и руды, а также ремонт плотин «в том единственном случае, когда те плотины от наводнения или пожара повреждены будут». Насильственное использование приписных крестьян на работах, не предусмотренных указом, каралось штрафом.

В этих условиях промышленники все больше привлекали на внезаводские работы наемных людей либо сдавали заготовку сырья в подряд. В большинстве случаев такими наемными работниками и подрядчиками становились жители окрестных деревень, то есть люди, которые оставались крестьянами и зани-

мались рудокопным промыслом и углежжением в свободное от сельскохозяйственных работ время.

Таким образом, на уральских мануфактурах в конце XVIII в. преобладал принудительный труд, а труд наемных людей широко использовался лишь на внезаводских работах. Такое применение наемного труда не дает основания рассматривать уральские мануфактуры (во всяком случае, подавляющее большинство их) в качестве капиталистических предприятий. Правильнее считать их переходным типом мануфактур, в котором сочетались капиталистические и крепостнические элементы, но с преобладающим влиянием последних.

Посмотрим теперь, как развивалась горнозаводская промышленность уральского региона в предреформенное десятилетие, какие изменения и процессы наблюдались в этой важной отрасли народного хозяйства страны.

К началу XIX в. Россия по производству черных металлов стояла на первом месте в мире, а Урал давал четыре пятых русского чугуна и железа. Но в следующие десятилетия рост металлургии Урала резко замедлился. Если в начале века Англия, передовая капиталистическая страна Европы, выплавляла чугуна столько же, сколько и Россия, – 10 млн пудов в год, то к 1859 г. она увеличила выплавку до 243 млн пудов, а Россия (без Польши и Финляндии) выплавляла лишь до 18 млн пудов. Обгоняют Россию и другие страны, в 1860 г. она занимает по производству чугуна лишь восьмое место в мире.

Правда, производительность горных заводов Урала продолжала расти и в этот период, но очень медленно. За 60 лет производство металла на Урале увеличилось менее чем вдвое. Было бы неверно представлять динамику металлургического производства за этот период в виде равномерного медленного роста. После нескольких спадов и подъемов производство в начале 30-х гг. на немного превосходило цифры 1800 г. (7 974 тыс. пудов чугуна в 1800 г. и 8 386 тыс. в 1832 г.). Производство чугуна начинает увеличиваться в 30–40-е гг. (10 500 тыс. пудов в 1846 г.) и, наконец, резко ускоряется в 50-е гг. (10 874 тыс. пудов в 1851 г. и 14 513 тыс. в 1860 г.). Аналогичные изменения происходили и в производстве железа.

Резко сократилось строительство новых заводов. Если с 1801 по 1820 г. на Урале было открыто 24 чугуноплавильных и железоделательных завода, то в 1821–1853 гг. только шесть, причем за это же время пять заводов прекратили свою работу.

Уральские горные заводы по своей принадлежности и юридическому положению делились по-прежнему на три категории: казенные, посессионные и вотчинные. По сравнению с концом XVIII в. соотношение между этими группами оставалось в основном неизменным. Перед отменой крепостного права в крае было 154 чугуноплавильных, железоделательных и медеплавильных завода и золотых промысла. Из них казенных – 24, посессионных – 78, вотчинных – 52. В Пермской губернии было расположено 115 из этих предприятий, в Оренбургской – 26, в Вятской – остальные 13.

И в это время основную долю горнозаводской продукции давали частные предприятия, которые, как и в конце XVIII в., принадлежали главным образом дворянам и одворянившейся буржуазии.

В отличие от XVIII в. в уральской горнозаводской промышленности в первой половине XIX в. наблюдались застойные явления. На этом этапе еще в большей мере, чем раньше сказывались отрицательные последствия крепостного права, растущая невыгодность крепостного труда. Слабое развитие производства вело к тому, что естественный прирост горнозаводского населения уже не поглощался заводами. На предприятиях появились лишние люди, администрация именовала их «пустыми хлебоедами» и искала способы избавиться от них. Например, управление Чермозского завода в 1830–1840-х гг. пыталось своих лишних мастеровых «посадить на землю» – превратить в крестьян, но эти попытки вызвали столь сильное сопротивление крепостных рабочих, что от подобных мер пришлось отказаться.

Тормозило развитие уральской горнозаводской промышленности и ее монопольное положение, которое было также следствием крепостнического строя. Исключительно важная для обороны государства отрасль промышленности – металлургия – пользовалась особым покровительством государства. Оно вы-

ражалось в постоянных субсидиях, выгодных правительственных заказах, покровительственных пошлинах.

На Урале сложилась система громадных горнозаводских округов – латифундий. Она обеспечивала владельцам заводов монополию на рабочую силу, руду, топливо и приводила к хозяйственной беспечности заводчиков.

Уральская металлургия в этих условиях все острее испытывала последствия узости рынка и конкуренцию со стороны металлургии других государств, где промышленный переворот уже завершился.

Отсталость металлургии отражалась и на финансах государства, и на его обороноспособности. Уже во время Отечественной войны 1812 г. не все уральские заводы смогли дать нужное количество орудий и боеприпасов высокого качества. Еще сильнее проявилась техническая отсталость уральских заводов во время Крымской войны.

Технические нововведения, которые делались на рубеже XVIII и XIX вв., не привели к техническому переоснащению уральских заводов. Промышленный переворот здесь сильно затянулся. Но это не означает отсутствия какого-либо технического прогресса в горнозаводской промышленности.

Средняя производительность доменной печи поднялась за первую половину века с 90 до 137 тыс. пудов в год, то есть на 52 %. Такой рост был достигнут благодаря увеличению высоты доменных печей, внедрению цилиндрических мехов и другим нововведениям.

Новое появилось и в выделке железа. На Урале начали вводить контаузский способ в кричном производстве, а затем и пудлингование. Первые опыты пудлингования в промышленном масштабе были проведены в 1837 г. на Камско-Воткинском заводе, а к концу крепостного периода оно существовало уже на 58 заводах. В 1860 г. на Урале около половины всего железа было приготовлено пудлинговым способом. Иначе говоря, переход к этому новому способу выделки железа наполовину совершился еще до падения крепостного права.

В 1855 г. Генри Бессемер получил патент на свое изобретение, через два года оно было уже применено на Всеволодо-

Вильвенском заводе. Но еще раньше, до Г. Бессемера, опытами по приготовлению литого железа занимался управитель одного из заводов Нижне-Тагильского округа И. Ф. Макаров.

Металлург П. П. Аносов в Златоусте создал новые способы получения высококачественных литых сталей.

Крупный вклад в металлургию сделал В. С. Пятов, работавший на Холуницких заводах. Он изобрел способ прокатки броневых плит.

Уже в начале XIX в. на Урале были созданы и применялись паровые машины, но они не получили широкого распространения и не вытеснили водяных колес. В 1861 г. лишь 17 % общей мощности двигателей уральской металлургии составляла мощность паровых машин. В первой половине XIX в. на уральских заводах появились гидравлические турбины, но их удельный вес в энергетике уральской промышленности был также незначителен.

Появились зачатки машиностроения в виде так называемых механических фабрик при ряде заводов. Широкой известностью пользовались механическая фабрика Ложевского завода, мастерские в Нижнем Тагиле. В 1838 г. была основана механическая фабрика в Екатеринбурге, она изготовляла оборудование для казенных и частных заводов. Развивалось механическое производство и на казенном Воткинском заводе.

Однако несмотря на все новшества, уральская металлургия продолжала отставать в техническом отношении. Ни по производительности труда, ни по себестоимости продукции она не выдерживала сравнения с коксовой металлургией Англии и других стран.

По мере развертывания начавшегося в 1840–1850-х гг. промышленного переворота крепостной труд на заводах Урала все в больших размерах начинает заменяться вольнонаемным. К моменту ликвидации крепостного права доля вольнонаемного труда на горных заводах, по данным разных исследователей, составляла 20–40 % общего количества рабочих. Эти цифры являются приблизительными, потому что особенности вольнонаемного труда на заводах Урала и разнообразие форм его применения не позволяют точно фиксировать количество вольнонаемных рабочих.

Больше всего в это время наемный труд использовался на рубке дров, выжиге угля, добыче руды, всякого рода перевозках, сплаве караванов с заводской продукцией, а также на золотых промыслах. Наемные рабочие выходили из среды государственных, удельных и владельческих крестьян, отпущенных на оброк. Иногда эти наемные крестьяне прибывали издалека, за ними отправлялись специальные вербовщики. Так, в 20-х гг. на Миасские золотые прииски ежегодно вербовались в Вятской губернии от 300 до 800 крестьян для работы в весенние и летние месяцы. В Пермской губернии отход государственных крестьян с 1801 по 1844 г. вырос в 3,5 раза.

Вторая форма вольнонаемного труда – работа самих мастеровых «по вольной плате». Начальник штаба корпуса горных инженеров Чевкин в 1836 г. рекомендовал казенным заводам практиковать «допущение самих мастеровых к вольной поставке руд с платою им с пуда оной – соразмерно содержанию и с отменою затем всякого казенного довольствия».

Зажиточные мастеровые часто сами нанимали других исполнять вместо себя работу за деньги. На Нижне-Тагильском заводе в 50-х гг., по заявлению администрации, под название оброка, взимаемого заводоуправлением с некоторых рабочих, принимался «взнос последними денег в отправление за себя посредством найма работ... так как некоторые из них, занимаясь торговлею и промышленностью, затрудняются сами лично отправлять работу без расстройства своих дел».

К середине XIX в. невыгодность крепостного труда становится настолько очевидной, что некоторые заводы переводят значительную часть своих крепостных на оброк, заменяя их труд работой по вольному найму. Так, в 1859 г. 13 тыс. крепостных крестьян Бутеро-Родали, отбывавших натуральные повинности на горных заводах и соляных промыслах, были полностью «уволены» на денежный оброк с тем, чтобы деньги для его уплаты зарабатывать на прежних работах.

Однако, несмотря на увеличение доли вольнонаемного труда, в 1800–1860 гг. уральская горнозаводская промышленность продолжала базироваться в основном на принудительном труде крепостных мастеровых и крестьян.

Для того чтобы увеличить рентабельность заводов, заводоуправления старались изменить формы эксплуатации принудительного труда, стимулировать труд крепостных рабочих экономической заинтересованностью. С начала XIX в. задельная (сдельная) плата почти полностью вытесняет поденную или окладную. Штаты 1827–1828 гг., установленные для казенных заводов, вводят сдельную плату на всех работах, где это возможно. А на частных заводах Урала в то время практиковалась не только сдельная, но и сдельно-прогрессивная оплата труда.

Затруднения со сбытом толкали администрацию уральских заводов на поиски новых рынков. Еще в конце XVIII в. горные заводы работали не только на казну и на внешний рынок, значительное количество их продукции шло на внутренний рынок. В XIX в. иностранное железо в связи с промышленной революцией в Англии вытесняет русское из Европы. Если в начале столетия Россия экспортировала около одной трети всего производимого черного металла, то в середине 30-х гг. экспорт поглощал лишь одну пятую, а в конце 50-х гг. – лишь до 7 % всего производимого металла.

Стараясь компенсировать утрату европейских рынков, уральские заводчики находят путь на Восток. В 30-х гг. увеличивается вывоз железа в Иран и Турцию. Но и здесь русский металл сталкивается с конкуренцией европейского.

И горнозаводские деятели начинают уделять больше внимания внутреннему рынку. На заводах производится всё больше готовых изделий массового потребления. По сведениям горного департамента за 1852 г., уральские частные заводы выпускали проволоку, замки, молоты, подковы, лопаты, топоры, скобы, гвозди, посуду и другие изделия. В 50-х гг. значительная часть продукции шла сразу на места потребления, так как заводчики имели конторы в Петербурге, Одессе, Астрахани, Ростове и других городах. Другая часть продукции продавалась на Нижегородской ярмарке. Сибирь снабжалась уральским металлом через Екатеринбург и Ирбитскую ярмарку. Но и в этих условиях уральские заводы продолжают терпеть кризис сбыта, поскольку емкость внутреннего рынка в условиях крепостничества была весьма ограниченной. «Класс земледельческий в России употребляет чрез-

вычайно мало металлических изделий, – писал чиновник горного департамента Гагемейстер. – В крестьянском хозяйстве большая часть железных вещей не покупается, а выделывается из обломков старого железа». Но все же в последние десятилетия перед реформой внутренний рынок несколько вырос.

Процессы, аналогичные протекавшим в черной металлургии Урала, происходили и в медеплавильной промышленности. Рост выплавки меди, начавшийся еще в конце XVIII в., после некоторого спада продолжался и в первой половине XIX в.: Но темпы этого роста были невелики: в 1860 г. уральские заводы выплавляли всего 284 тыс. пудов меди. Урал все же продолжал удерживать роль основного района медного производства России. В первой половине XIX в. было построено всего два или три новых медеплавильных завода. Несколько заводов в Прикамье было закрыто. Основной район медеплавильной промышленности края в это время переместился на Северный и Восточный Урал, а заводы Прикамья, бывшего некогда колыбелью медеплавильного производства, стояли уже на грани катастрофы в связи с истощением рудной базы и высокой стоимостью металла. Большинство из них было закрыто в первые десятилетия после реформы.

В первой половине XIX в. крупные шаги вперед «сделала» добыча золота на Урале. К концу XVIII в. золото было открыто на значительной территории края – на Северном, Среднем и Южном Урале, но использовалась лишь очень небольшая доля известных тогда месторождений. Фактически к началу XIX в. интенсивно эксплуатировалось лишь Березовское месторождение под Екатеринбургом, где находились крупные казенные промыслы, добывавшие только рудное золото. Сенатский указ 1812 г. «О предоставлении права всем российским подданным отыскивать и разрабатывать золотые и серебряные руды» открыл широкую дорогу в золотую промышленность частной инициативе, а работы уральского штейгера Л. И. Брусницына, доказавшего практическую возможность и рентабельность добычи россыпного золота, сделали возможным распространение золотодобывающей промышленности по всей огромной территории Урала.

Стремительно росла новая отрасль промышленности, дававшая при сравнительно небольших размерах вложенного капитала высокую прибыль, предоставлявшая возможность использовать на приисках излишек крепостной рабочей силы, который образовался к тому времени на заводах. Во многих казенных и частных заводских округах открывались золотые промыслы. К 1823 г. на Урале был уже 271 золотой рудник и прииск. С течением времени золотые прииски выходят далеко за пределы традиционной горнозаводской территории: начинается разработка золота в глухой тайге Северного Урала, а с 1842 г. – на казачьих и башкирских землях Южного Урала, где была открыта богатейшая золотonosная Кочкарская система. Золотые прииски открывают крупнейшие заводовладельцы: Демидовы, Яковлевы, Губины, Всеволожские – и более мелкие предприниматели. Добыча золота в крае быстро растет. Если в 1813–1823 гг. здесь его было добыто всего 210 пудов (173 пуда на казенных и 37 пуда на частных промыслах), то в последующее десятилетие – 2 696 пудов (соответственно, 959 и 1 737), а в 1833–1843 гг. – 3 048 пудов (1 345 и 1 703).

Благодаря уральскому и сибирскому россыпному золоту Россия к 1845 г. значительно обогнала все страны по добыче золота (ее доля в указанном году составляла 47 % мирового производства золота) и до середины века, когда началась массовая разработка калифорнийских и австралийских месторождений, оставалась основным его поставщиком. В 50-х гг. XIX в. на Урале, как и по всей стране, добыча золота несколько сократилась.

В золотодобывающей промышленности в больших масштабах применялся вольнонаемный труд. Здесь раньше, чем в металлургии, начался промышленный переворот. На уральских золотых промыслах техника была лучше, чем в Калифорнии и Австралии. Золотая промышленность, основанная в период обострения кризиса феодально-крепостнической системы, в гораздо большей степени была свободна от пут феодализма.

Разработка россыпного золота привела к открытию на Урале платины. В 1824 т. на Урале был заложен первый в России (и вообще в Старом Свете) Царево-Александровский платиновый прииск в Гороблагодатском горном округе. В 1825–1845 гг.

на Урале было добыто более 2 тыс. пудов этого ценного металла, основная часть его поступила с демидовских промыслов.

Иначе отразились рост капиталистических отношений и расширение торговых связей на старейшей отрасли горного дела Урала – солеварении. С появлением в южных губерниях новых центров солеварения спрос на уральскую соль падает. Соликамские промыслы приходят в упадок, а усольские, хотя и не сокращают резко производства, теряют свое прежнее общероссийское значение. Правда, после спада солеваренная промышленность Прикамья вновь испытывает некоторое оживление. Так, если в 1852 г. пермские частные промыслы выварили 4 300 тыс. пудов соли, то в 1858 г. они произвели уже 5 600 тыс. пудов. Сократилась также добыча илецкой каменной соли.

Не развивалась и добыча каменного угля. При хищнической разработке почти дарового леса он не мог соперничать с древесным. Каменный уголь Кизеловского бассейна, открытый уральскими рудознатцами еще в последней трети XVIII в., начали добывать в незначительных количествах в 1797 г., когда была введена в действие первая штольня – «Запрудная». Темпы угледобычи несколько повысились только в 50-х гг. Так, с 1853 по 1857 г. на землях Всеволожского было получено до 500 тыс. пудов каменного угля. Он употреблялся в пудлинговом производстве и шел на другие заводские нужды. Неоднократные попытки наладить вывоз кизеловского угля для других заводов, парового флота и т. д., предпринимавшиеся в 50-х гг. XIX в., не имели успеха из-за высокой стоимости перевозки. В мизерных количествах добывался каменный уголь и в даче Каменского завода.

Таким образом, с развитием в России капиталистических отношений в горнозаводской промышленности Урала начинается промышленный переворот, всё в больших масштабах применяется вольнонаемный труд. В первой половине XIX в. в уральской горнозаводской промышленности начинается мучительный процесс перехода от феодализма к капитализму.

Начавшийся с 1857 г. в Европе и Америке экономический спад и обострение конкуренции с зарубежной металлургией не только на внешнем, но и на внутреннем рынке (из-за отмены

в 1857 г. покровительственного таможенного тарифа на металлы) тяжело отразились на уральской горнозаводской промышленности: начиная с 1861 г. значительно снизилось производство металла.

§ 2. Сельское хозяйство Урала в XVIII веке

Наряду с крупной горнозаводской промышленностью, большое значение имело на Урале и сельское хозяйство, которое оставалось основным занятием подавляющего большинства населения края. Оно развивалось преимущественно за счет расширения посевных площадей. Из зерновых культур преобладали рожь, ячмень и овес. Сельскохозяйственные орудия применяли в основном те же, что в XVII в., – сохи, серпы, косы и т. п. Система полеводства не претерпела серьезных изменений, однако можно говорить об известном росте трехполья.

Постройка в 1735 г. крепости на р. Ори (современный Орск), а в 1736 г. крепостей Чебаркульской, Еткульской, Челябинской и Миаоской открыла возможность крестьянской колонизации края.

Русские переселенцы принесли в новый район сельскохозяйственную культуру. Первоначально сеяли озимую рожь. Однако климатические условия (в частности, засушливость) препятствовали выращиванию хорошего урожая озимой ржи, это побудило крестьян высевать пшеницу и яровую рожь. В первой половине XVIII в. рожь здесь преобладала.

Как развивалось сельское хозяйство края в это время, показывает пример Кунгурского уезда – одного из наиболее значительных сельскохозяйственных уездов Урала.

В начале XVIII в. в уезде под пашню было занято 15–16 тыс. десятин. Урожай ржи был здесь от сам-4 до сам-10. В уезде было известно огородничество, из технических культур возделывались конопля и лен. Применялась паровая система полеводства, земля удобрялась, что говорит об определенной высоте сельскохозяйственной культуры. Здесь, на Среднем Урале, появилась соха-колесуха, получившая позже название сибирской.

Крестьянское население увеличивалось. Росло среди него имущественное неравенство.

В продажу в Кунгур поступали в больших по тому времени количествах рожь, ячмень, овес, пшеница. В Кунгур приезжали хлеботорговцы. Хлеб отсюда направлялся в Соликамск, Новое Усолье, Чуковские острожки, Орел-городок, Чердынь.

Города, а также некоторые другие населенные пункты, выросшие в XVI–XVII вв. на колонизационных путях (Соликамск, Верхотурье, Кунгур и др.), были центрами торговли и ремесла. Они в первую очередь играли роль центров сбыта хлеба. Как экономический центр в начале XVIII в. выдвигается Кунгур. К 20-м гг. XVIII в. он превосходит Соликамск. Один перечень городов, с которыми был связан Кунгур, свидетельствует о его значительной роли: Архангельск, Великий Устюг, Вятка, Ярославль, Москва, Макарьев, Казань, Уфа, Ирбитская слобода, Верхотурье, Тобольск, Соликамск, Чердынь.

В 30–40-х гг. XVIII в. на Южном Урале и в Приуралье воздвигается цепь укрепленных линий. В 1732 г. была сооружена Закамская линия от устья р. Большая Кинель на реки Сок, Шешму, Кичуй. В бассейнах рек Урала, Сакмары, Самары были созданы укрепленные линии – Оренбургская и Самарская. Многие из крепостей стали крупными торговыми пунктами, впоследствии преобразованными в города. В 1743 г. был построен г. Оренбург, ставший военным, административным и торговым центром юга Урала. Через него шла торговля со Средней Азией и Казахстаном. Рост горнозаводской промышленности ускорял развитие товарно-денежных отношений. Продукция заводов, работавших не только на казну, сбывалась на Макарьевской ярмарке, в других крупных рыночных центрах. С другой стороны, появились поставщики сырья и материалов для заводов.

Уральский район имел также свои особенности в распределении земельной собственности и землепользовании. Значительная земельная площадь в крае принадлежала казне. Чрезвычайно велика была и крупная частная земельная собственность. Здесь были обширные латифундии, которые накладывали отпечаток на социально-экономическое развитие Урала. Наиболее значительными из них во второй половине XVIII в. являлись

помещичье-заводские имения Строгановых, Лазаревых, Голицыных, Шаховских, Всеволожских, а также посессионные горнозаводские дачи Демидовых, Яковлевых и др.

Государственные и частновладельческие земли в большой своей части оставались под лесом, обслуживали нужды горнозаводской промышленности и мало участвовали в развитии сельского хозяйства. Подавляющую часть обрабатываемой земли, занятой посевами, составляли земли помещичьих и государственных крестьян. Следует учитывать и то, что в уральских губерниях были распространены росчисти для покосов (менее – для пашни) за счет земель, занятых лесом.

Распределение угодий и средняя душевая обеспеченность ими по губерниям Урала (применительно к материалам V ревизии о численности сельского населения) видны из следующего расчета их общего размера и удельного веса по данным топографических описаний.

Распределение угодий и средняя душевая обеспеченность ими по губерниям Урала в конце XVIII в.

Губерния	Лес		Пашня			Сенные покосы		
	тыс. десятин	процент к общей площади	тыс. десятин	процент к общей площади	на одну душу мужского пола	тыс. десятин	процент к общей площади	на одну душу мужского пола
Вятская	9 491	75	2 317	21	5,8	433	3,5	0,9
Пермская	19 927	65	2 850	8,4	4	1 863	6	4,4
Оренбургская	10 954	39	2 135	7,6	6	3 928	14	11,2

Приведенные в таблице сведения говорят о существенном различии в распределении угодий и средней душевой обеспеченности сельского населения уральских губерний. Они обуславливались особенностями губерний: высокой степенью развития промышленности и промыслов (Пермская), сравнительно быстрым ростом сельского хозяйства (Оренбургская), а также темпами заселения в XVIII в. Но в целом на Урале всё более от-

четливо выявляются черты складывающегося района сельскохозяйственного производства.

Во многих районах земледелие получило дальнейшее значительное развитие: в Вятской губернии – в южных уездах, вывозивших хлеб на юг, к Астрахани, а также на север, к Соликамску; на Восточном Урале – в Исетской провинции, выделявшейся высоким плодородием почв; на Западном Урале – в Кунгурском, частично Соликамском (Обвинское, Иньвенское и Косьвинское поречья), Осинском, Оханском и Красноуфимском уездах.

Основная продажа хлеба производилась в пределах губерний и была связана с удовлетворением потребностей местного населения, особенно с большим спросом на заводах. Но уральский хлеб наряду с другими товарами поступал также и на более отдаленные рынки (Нижнее и Среднее Поволжье), а через Ирбитскую ярмарку – и в Сибирь.

Развитие товарного земледелия, территориальное разделение труда в сельском хозяйстве определяли и внутрирайонную специализацию последнего. Это видно из намечившегося в последней четверти XVIII в. распределения сельскохозяйственных культур по губерниям. В Пермской губернии первое место среди зерновых занимала рожь (50 %), второе – овес (30–35 %), третье – ячмень (10 %), четвертое – пшеница (5 %). В Оренбургской губернии на первых местах были рожь (27 %) и овес (27–28 %), затем шли занимавшие значительные площади пшеница (18 %), ячмень (до 10 %). Остальную площадь занимали крупяные культуры: полба (8–10 % общей площади), гречиха, просо и др.

Таким образом, ведущее положение принадлежало ржаново-овсяным культурам, и рожь являлась основной продовольственной культурой. Сравнительно высоким удельным весом посева пшеницы выделялась Оренбургская губерния, где эти посевы были наиболее значительными в Исетском, Куртамышском, Оренбургском, Уфимском уездах. Природные условия, общий рост товарности хлебопашества, устойчивые связи с волжским водным путем благоприятствовали этому.

По сведениям с мест о посевах и урожаях во второй половине 90-х гг., средние урожаи по губерниям составляли: в Пермской губернии – сам-2,5, Оренбургской – сам-2,2, Вятской – сам-4,3.

Сравнение данных о валовом урожае с потребностью населения (по минимальной норме) показывает, что в это время товарные излишки зерна в размере от 500 до 600 тыс. четвертей¹ имелись в Вятской губернии. В Оренбургской губернии прежний недостаток зерна сгладился только к началу XIX в., когда здесь начали образовываться его излишки. Некоторый недостаток зерна был в Пермской губернии, в ее пределах происходило значительное перераспределение хлебных ресурсов.

В губерниях Уральского района было сравнительно развито скотоводство, наблюдалась определенная его специализация. Н. С. Попов в «Хозяйственном описании Пермской губернии» выделяет Шадринский, Камышловский и Красноуфимский уезды по количеству всех видов скота; Екатеринбургский – по разведению лошадей; Осинский и Оханский – по рогатому скоту и овцам; Соликамский и Чердынский – по рогатому скоту.

В Оренбургской губернии и в некоторых уездах Пермской губернии скотоводство носило в значительной степени товарный характер. О торгово-товарном характере скотоводства говорят и факты развития, в частности в Пермской губернии (Екатеринбург, Кунгур), салотопенной промышленности, дававшей на вывоз до 100 тыс. пудов сала. Эта отрасль хозяйства была непосредственно связана с торгом за счет привозного скота.

На всей территории Уральского района была распространена в основном трехпольная система обработки земли, характерная для феодального хозяйства. В отдельных местностях северной части Пермской и Вятской губерний наряду с ней сохранялась переложная система, частично применялась и подсека. Подсеки и новины являлись в какой-то степени дополнительным резервом к сельским крестьянским пашням. По данным ответов на анкету Вольного экономического общества (1765 г.)

¹ Четверть – мера объема, равная 210 л.

и по свидетельству П. С. Палласа, в Уфимской провинции имел место и примитивный способ посева: по стерне, прямо «под соху» или «под борону».

Преобладающим сельскохозяйственным орудием была соха во многих ее разновидностях: соха однозубая, соха с двумя сошниками, или ральниками, колесуха в Пермской и Вятской губерниях, соха-односторонка в Оренбургской губернии. К рубежу XVIII–XIX вв. старинная деревянная борона была почти повсеместно вытеснена железной.

Начинают распространяться сельскохозяйственные орудия более высокого плужного типа, что, несомненно, было известным сдвигом в направлении интенсификации сельского хозяйства.

Общее экономическое развитие страны делало необходимой перестройку сельскохозяйственного хозяйства: увеличение производительности труда, повышение товарности. Развитие товарно-денежных отношений в различных районах края протекало по-разному, неодинаковыми темпами. Но в целом наличие здесь крупных дворянских и купеческих предприятий способствовало включению уральской деревни в товарно-денежный оборот. В дополнение к земледелию крестьяне довольно широко занимались промыслами. В Пермской губернии отмечался сезонный промысловый отход крестьян не только в пределах губернии, но и в другие, часто отдаленные районы (Архангельская, Вологодская, Казанская, Оренбургская и Тобольская губернии).

Деревня являлась одним из источников рабочей силы как для заводов и соляных промыслов, так и для самого сельского хозяйства. Растущее во второй половине XVIII в. применение на заводах наряду с крепостным наемного труда государственных и вотчинных крестьян, занятых постоянно в сельском хозяйстве, использование наемного труда крестьян и в сельском хозяйстве также связаны с развитием элементов капиталистических отношений в деревне.

Возникновение и развитие товарно-денежных отношений ускорило процесс расслоения деревни. Это расслоение, несмотря на его замедленность в условиях натурального феодального хозяйства и крепостнической эксплуатации, было уже достаточно заметным в среде крепостных крестьян, занятых в сельском

хозяйстве и обслуживающих уральские заводы. Например, в 1785 г. подзаводские крестьяне Пермского имения Голицыных подразделялись: на крестьян «первого состояния», составлявших 12,5 %; «среднего состояния» – 33,9 %; «последнего состояния» – 53,6 %. В 1795 г. эти категории образовывали соответственно 15,8 %, 30,1 % и 54,1 %. Таким образом, за десятилетие выросли первая и третья группы, то есть зажиточная и бедняцкая части, произошло это за счет крестьян среднего благосостояния.

Похожая картина вырисовывается в этом имении и по данным о распределении крестьянской земли. По отказным книгам 1792 г. в Верхне- и Нижне-Мулинском, Серьгинском, Троицком приходах, в усть-чусовских, лозинских и юго-камских деревнях имения числилось 2 187 крестьянских хозяйств. Распределение земель между ними было следующим: 28,4 % крестьянских хозяйств, имевших свыше 10 десятин земли, использовали 48,8 % пашни и 43 % покосов; группа беспашенных хозяйств (1,8 %) и с пашней до 5 десятин составляла 21,3 % дворов и имела в своем распоряжении всего лишь 8,6 % пашни и 11,3 % покосов; дворы с пашней от 5 до 10 десятин (49,8 %) имели 42,4 % пашни и 45,1 % покосов.

Возрастающая эксплуатация приводила к упадку хозяйства мелких производителей. Увеличивалось количество разоряющихся крестьян, экономические и бытовые условия которых постоянно ухудшались.

Приведенные данные свидетельствуют о социальной дифференциации в среде крепостных Урала. Под воздействием новых социально-экономических отношений постепенно начинается процесс разложения крепостной системы хозяйства.

Раздел III

УРАЛ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

§ 1. Подготовка и проведение реформы 1861 года

Урал подошел к реформе 1861 г. в состоянии системного кризиса. Необходимость ликвидации крепостнических отношений в стране обусловил ряд важнейших факторов. Крепостничество заводило страну в тупик, обрекало ее на все большее отставание от передовых европейских государств. Изменялось соотношение сил в обществе в пользу ликвидации крепостничества, нарастало крестьянское движение. Наконец, необходимость коренных преобразований со всей очевидностью показало поражение России в Крымской войне 1853–1856 гг., ускорившее перемены в стране.

На Урале ситуация обострялась в связи с неурожаем хлебов в 1857–1860 гг., ухудшением продовольственного обеспечения населения, что вело к росту социальной напряженности в регионе. За 1851 г. – начало 1861 г. в крае произошли 62 волнения горнозаводских рабочих и крестьян, из них 40 выступлений пришлось на 1859–1861 гг. Только в Прикамье волнения охватили Уинский, Тисовской, Кыновской, Никитинский и другие заводы. Особой остротой отличались выступления подзаводских крестьян в имениях Бутеро-Родали и Голицыных. Крестьяне, привлекавшиеся к обязательным вспомогательным заводским работам, отказывались выполнять установленные барщинные повинности, жаловались на отягощение «уроками», недостаток продовольствия.

Подготовка отмены крепостного права в России началась с первых месяцев 1857 г., когда был создан и приступил к деятельности Секретный комитет по крестьянскому делу, преобразованный в феврале 1858 г. в Главный комитет. Тогда же при Министерстве финансов была создана przygotowительная комиссия, которой поручалась разработка законопроекта, касающегося перехода населения казенных горных заводов Урала на воль-

нонаемный труд. Проект, составленный комиссией, встречая разные толкования, возражения со стороны консервативных сил, неоднократно подвергался коррективам, что затягивало его подготовку. Он приобрел силу закона лишь тогда, когда был утвержден императором. Осуществление реформы в отношении населения казенных заводов Урала проводилось на основе «Положения о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов» от 8 марта 1861 г.

С 1858 г. началась также подготовка условий освобождения населения на частных горных заводах. Их владельцы, стремясь соблюсти собственные интересы, сумели добиться от правительства некоторых уступок. В частности, в ответ на прошения заводовладельцев-вотчинников во второй половине 1858 г. были созданы три комитета горнозаводчиков: Уральский, Оренбургский и Замосковский; из них наиболее интересна деятельность первого. Уральский комитет объединил владельцев горных заводов не только Пермской, но и Вятской, Самарской, Казанской и Вологодской губерний, подведомственных Уральскому горному правлению с центром в Екатеринбурге.

В состав Уральского комитета входили, помимо крупных заводовладельцев, некоторые управляющие имениями и представляющие правительство чиновники горного ведомства. Заседания комитета проходили в Петербурге, председателем этого органа был один из владельцев Пермского горнозаводского имения А. Г. Строганов. При наличии разногласий среди членов Уральского комитета в результате его деятельности были составлены не один, а два проекта: «проект меньшинства» и «проект большинства», отличавшиеся главным образом решением вопроса о наделении земель различных категорий заводского населения.

К ноябрю 1860 г. проекты всех трех комитетов горнозаводчиков поступили в подготовительную комиссию при Министерстве финансов. Затем, сведенные в один законопроект, они обсуждались в Главном комитете по крестьянскому делу. Этот документ, носивший название «Дополнительные правила о приписанных к частным горным заводам людям ведомства Министерства финансов», 19 февраля 1861 г. был подписан Александром II, получив силу закона.

Одновременно предпринимались шаги по подготовке документов об освобождении вотчинных крестьян, которые в порядке отработки барщинных повинностей выполняли вспомогательные работы на заводах Строгановых, Шуваловых, Голицыных и других горнозаводчиков-вотчинников. В самом конце января 1859 г. был открыт Пермский губернский дворянский комитет «Об устройстве и улучшении быта помещичьих крестьян», председателем которого был утвержден владелец одного из крупных пермских горнозаводских имений А. В. Всевожский. Подготовленные комитетом материалы легли в основу законодательного акта, названного «Дополнительные правила о крестьянах и работниках, отбывающих работы при Пермских частных горных заводах и соляных промыслах», который вошел в число «Положений» 19 февраля 1861 г. Что же касается собственно вотчинных (помещичьих) крестьян, то на них распространялись общее и местное для великорусских губерний «Положения» о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, а также «Положение о выкупе» без изъятий, сделанных в отношении отдельных разрядов горнозаводского населения. В дальнейшем в 1863 г., основные положения реформы 1861 г. были распространены на удельных крестьян, а в 1866 г. – на государственных.

В отношении как крестьян, так и горнозаводского населения реформирование было связано с тремя основными сторонами их жизни и быта, касалось вопросов их личного освобождения, поземельного устройства и системы управления. Так, прежде разнородное по своему происхождению и источникам формирования горнозаводское население, согласно законодательству, делилось на две группы: мастеровых и сельских работников, отличавшихся характером производственной деятельности и связью с землей. Обе эти категории с выходом из крепостного состояния получали общегражданские и личные права – те же, что и бывшие вотчинные крестьяне.

Для горнозаводского населения был установлен двухгодичный переход от обязательного труда к свободному. На частных заводах в этот срок следовало заключить уставные грамоты – основной документ, фиксировавший в данном случае от-

ношения горнозаводчиков, владельцев предприятий и земли, с горнозаводским населением. На казенных заводах прекращение обязательных отношений к заводовладельцам определялось также в два года, но в три срока. Сразу же после обнародования закона 8 марта 1861 г. от обязательных работ освобождались рабочие, проработавшие на заводе 20 и более лет, спустя год – проработавшие 15 лет, а через два года – все остальные. Поступление на заводскую работу осуществлялось на новых условиях – на основе заключения договоров найма.

Важным аспектом реформы был вопрос о поземельных отношениях. Следует заметить, что величина наделов, получаемых рабочими, зависела от того, к какой категории они отнесены – к мастеровым или сельским работникам. Мастеровым выделялись усадьбы, выгоны и покосы по одной десятине на душу. Выкуп за них не был предусмотрен. Иначе решалась проблема земельного обеспечения сельских работников, которые, как считалось, должны были трудиться на вспомогательных работах при заводах – на перевозке грузов, заготовке леса и т. д. Сельские работники на вотчинных заводах получали земельные наделы, но размерами не больше тех, которые были определены согласно существовавшим установлениям для бывших вотчинных крестьян данной местности с правом выкупа надела. Сельские работники казенных заводов получали все пашенные, покосные и другие угодья, которыми они владели до реформы, в постоянное пользование. Вопрос о выкупе ими своих наделов оставался открытым.

Таким образом, сельские работники становились обладателями земельных наделов, значительно больших, нежели мастеровые. Поэтому неудивительно, что заводчики, не желавшие передавать значительную часть своих земель горнозаводскому населению, стремились зачислить основную часть работающих в разряд мастеровых. Если ко времени реформы 75–80 % рабочих было занято на вспомогательных работах, то к разряду сельских работников на основе «Положения» и «Дополнительных правил» было отнесено всего лишь 17,2 % работающих. Следовательно, преобладающая масса, в том числе занятых на вспомогательном производстве, вопреки реальному положению дел

была зачислена в разряд мастеровых. Эта намеренная акция владельцев земель и горных предприятий позволила резко сократить пореформенное землепользование горнозаводского населения по сравнению с дореформенным. Так, в Пермской губернии население частных заводов до 1861 г. имело 518,5 тыс. десятин земли, а после реформы получило по уставным грамотам только 202,3 тысячи десятин. Отрезки составили более 316 тыс. десятин, или 63 %. В целом по Уралу на заводах всех категорий по их владельческой принадлежности отрезки в пользу владельцев равнялись 54 %, а среднедушевой надел горнозаводского населения снизился с 2,8 до 1,2 десятины, что не могло не повлиять на жизненный уровень рабочих и членов их семей.

Для того чтобы ослабить социальную напряженность, правительство пошло на некоторые уступки. В декабре 1862 г. был принят закон «О мерах к обеспечению горнозаводского населения частных горных заводов», распространенный в начале 1868 г. также на казенные заводы. В соответствии с ним изменения в землеустройстве свелись в первую очередь к передаче в безвозмездную собственность мастеровых усадеб и предоставлении во временное пользование населения покосных и пахотных земель без уплаты оброчных платежей. Безработным мастеровым предоставлялось право получать земельный надел высшего размера «по мере сил завода». Этим в известной мере стимулировалось развитие землевладения среди горнозаводского населения.

Немаловажное значение в контексте реализации реформы 1861 г. имели и перемены в системе управления вышедшим из «крепостного состояния» населением горных заводов. Если прежде население частных горнозаводских округов находилось под юрисдикцией их владельцев, а казенных – под юрисдикцией горного ведомства, то теперь оно было передано в подчинение местных государственных органов. Как низовые звенья формировались органы самоуправления, аналогичные крестьянским. Были созданы общества мастеровых и сельских работников во главе с избираемым старостой. Эти общества объединялись в более крупные подразделения – волости с волостными старшинами и волостными правлениями. Над органами самоуправ-

ления была поставлена власть мировых посредников. Мировые посредники подчинялись губернскому по крестьянским делам присутствию под управлением губернатора. Губернская власть должна была решать спорные вопросы и в отношении горнозаводского населения (например, вопросы земельного обеспечения, условий перевода на условия вольного найма), разбирать имевшие место конфликты между рабочими с одной стороны и владельцами предприятий и администрацией горных заводов с другой.

Несмотря на определенную ограниченность проведенных преобразований, значение реформы 1861 г. для Урала и Пермского края трудно переоценить. Узаконив капиталистические отношения, она открыла пути для модернизации экономики, развития просвещения, культуры, освободила общество от уничительных крепостнических пут.

§ 2. Промышленность

Ликвидация крепостного права способствовала более быстрому развитию экономики Урала. В пореформенный период ведущей отраслью хозяйства края оставалась по-прежнему горнозаводская промышленность. С проведением преобразований 60-х гг. были созданы условия для качественных перемен в ее развитии. Однако переход уральских горнозаводских предприятий на новые условия хозяйствования проходил замедленными темпами. Сохранявшаяся монополия заводчиков на земли и недра сдерживала модернизацию предприятий и затрудняла приток на Урал новых капиталов. Это негативно сказывалось на состоянии отрасли. С другой стороны, на нее влияла конкуренция дешевого английского капитала, а внутри страны – со стороны заводов южного металлургического района, построенных с помощью иностранных капиталов и использовавших передовые по тому времени технологии. Вследствие опережающих темпов развития промышленность Юга по объему выпускаемой продукции во второй половине 1890-х гг. превзошла уральские заводы. В 1860 г. на Урале было выплавлено 14,5 млн пудов чу-

гуна (70,7 % от общероссийского производства), в 1880 г. – 18,4 млн пудов (67,2 %), а в 1900 г. – 47,8 млн пудов (лишь 27,0 % от общероссийского производства). Примерно та же тенденция, если сравнить уральские и российские показатели, прослеживается в пореформенное сорокалетие в динамике производства железа.

В условиях перехода от принудительного к вольнонаемному труду, начавшейся капиталистической перестройки предприятий особенно тяжелыми для горнозаводской промышленности Урала оказались 1860-е – 1870-е гг. – время сокращения производства, а затем и его стагнации. Новый этап в развитии черной металлургии Урала пришелся на конец 1880-х гг. и особенно на 1890-е гг., когда произошел промышленный подъем, характерный для российской экономики в целом. Он был обусловлен рядом причин, среди которых немаловажное значение имели появление новых емких потребителей уральского металла в связи с железнодорожным строительством, развитием машиностроения и судостроения, рост покупательной способности населения, усиление технического перевооружения отрасли.

Увеличение спроса на уральский металл стимулировало заводское строительство, между тем как в 60-е – 70-е гг. XIX в. число горнозаводских предприятий в крае сокращалось. В 1880-е гг. на Урале было построено четыре завода: Чусовской, Сосьвинский, Теплогорский, Инзерский, а в 1890-е – 1901 гг. еще десять: Кутимский, Лукьяновский, Никольский, Надеждинский, Вижаихинский, Велсовский и др. Большинство из них было возведено в прежде не освоенных горнопромышленниками северных районах Пермской губернии и южных районах Урала (в Уфимской губернии), что свидетельствовало о расширении географии заводского строительства, процессе дальнейшего вовлечения в промышленный оборот природных ресурсов края. В 1900 г. на Урале действовали 106 металлургических заводов, 81 из них – в Пермской губернии.

Из вновь построенных предприятий самыми крупными являлись Чусовской и Надеждинский заводы. Первый из них – Чусовской – был основан в 1879–1880 гг. Франко-Русским акционерным обществом, арендовавшим горнозаводские дачи и пред-

приятия Нытвенского округа князя С. М. Голицына. Завод представлял собой новый тип производства. Заводские устройства и механизмы приводились в движение силой пара и электричества, поэтому он не имел ни традиционного пруда, ни плотины. Построенный с учетом европейского опыта, завод отличался свободой в планировке территории, наличием обширных многопролетных цехов, оснащенных передовым оборудованием. В 1890-е гг. здесь были возведены две доменные и три мартеновские печи. Генераторы мартеновских печей работали на каменном угле.

Современной по тому времени техникой был оснащен Надеждинский металлургический завод. Он был построен в 1894–1896 гг. на Северном Урале, в Богословском горном округе и сразу имел четыре доменные и четыре мартеновские печи. Производимые на заводе рельсы шли на сооружение Транссибирской железнодорожной магистрали.

В группу технически передовых предприятий, помимо ряда построенных, входили подвергшиеся в конце XIX в. серьезной реконструкции Нижнетагильский и Нижнесалдинский заводы Демидовых, Алапаевский наследников С. С. Яковлева, Белорецкий Пашковых, Лысьвенский графа П. П. Шувалова, Чермоозский и Кизеловский княгини Е. Х. Абамелек-Лазаревой и некоторые другие. Так, на Лысьвенском заводе Шувалова, специализировавшемся на производстве кровельного железа, в 1898–1899 гг. был построен большой мартеновский цех – первый в России, где все механизмы приводились в движение электрическими двигателями. Значимые перемены, связанные с процессом модернизации, произошли на заводах Е. Х. Абамелек-Лазаревой. На ведущем Чермоозском заводе на рубеже XIX–XX вв. были введены мартеновское и сварочное производства, начали действовать новые энергетические установки. Завод стал крупнейшим производителем кровельного железа не только на Урале, но и в России.

Таким образом, к концу XIX столетия темпы капиталистической перестройки горнозаводской промышленности заметно ускорились. Важнейшим моментом, обусловленным техническим перевооружением уральской металлургии, было заверше-

ние перехода основной массы предприятий этой отрасли от заводов-мануфактур к заводам-фабрикам, от ручного труда к машинному. В научной литературе применительно к этому процессу используется термин «промышленная революция».

Данные процессы были характерны как для доменного, так и для передельного производства. В доменном производстве происходили увеличение объемов и высоты доменных печей, замена холодного дутья горячим. На строившихся заводах вводились доменные печи новых конструкций и большей высоты (до 17–18 м), вместо старинных воздуходувных машин, дававших слабое и неравномерное дутье, ставились более совершенные и мощные воздуходувные агрегаты. К началу XX в. почти все доменные печи были переведены на горячее дутье. В 1900 г. из 138 домен, действовавших на Урале, на 123 применялось горячее дутье. Однако производительность заводов сдерживало использование древесно-угольной топливной базы. Минеральное топливо в горнозаводской промышленности не получило широкого распространения.

Заметные изменения в пореформенный период происходили в железоделательном производстве. Они были связаны, с одной стороны, с заменой устаревшего кричного способа получения железа пудлинговым, с другой – падением к концу столетия роли пудлингового производства. Сокращение продукции, полученной пудлинговым способом, происходило вследствие вытеснения сварочного железа мартеновской и бессемеровской сталью. Одним из первых заводов, где еще в 1857 г. были проведены опыты бессемерования, являлся Всеволодо-Вильвенский завод Всевожских в Прикамье. Внедряться же в производственный процесс новый метод стал с середины 1870-х гг., но в заводской практике он применялся мало, так как для бессемеровского способа передела требовался очень чистый чугун.

Горнозаводчики и казна предпочитали бессемерованию мартеновский способ получения литого металла. Первые мартеновские печи на Урале были построены в 1871 г. на Воткинском и в 1875 г. на Мотовилихинском заводах. Особенно активно мартенование стало вводиться в последнее десятилетие XIX в. За 1890–1900 гг. число мартеновских печей на уральских заво-

дах увеличилось с 12 до 42, в то время как цифра бессемеровских конверторов не изменилась – их было всего четыре. В 1900 г. из 38 391 тыс. пудов железа и стали, произведенных на Урале, кричным способом было получено 3 162 тыс. пудов (8,2 %), пудлинговым – 16 460 тыс. пудов (42,9 %), мартеновским и бессемеровским – 18 769 тыс. пудов (48,9 %). Эти данные свидетельствуют о падении позиций устаревших способов передела чугуна – кричного и пудлингового.

В свою очередь, внедрение на ряде уральских горных заводов сложных машин и устройств потребовало изменения энергетической базы предприятий. В пореформенное время происходил дельнейший процесс вытеснения старой гидроэнергетики – энергии водяного колеса, свойственной мануфактурной стадии развития, энергией парового двигателя. Если в 1860-е – середине 1880-х гг. переход на паровую энергетику носил сравнительно замедленный характер, то со второй половины 1880-х гг. он существенно активизировался. В 1900 г. на долю паровых двигателей приходилось до 50 % общей мощности энергетического хозяйства металлургических и металлообрабатывающих заводов Урала. За 1860–1900 гг. мощность паровых двигателей возросла с 2,6 до 30,1 тыс. л. с., то есть более чем в 11,5 раза. Более десяти заводов, такие как Мотовилихинский, Чусовской, Надеждинский и другие, имели только одни паровые двигатели, которые приводили в движение систему заводских механизмов.

Конец XIX в. ознаменовался также началом использования на наиболее передовых заводах Урала электрической энергии. Она находила применение не только в освещении заводских цехов, но и в производственном процессе, хотя здесь в этом отношении делались самые первые шаги. В последние годы столетия были построены электростанции на Лысьвенском, Мотовилихинском заводах. С Мотовилихинским заводом была связана деятельность выдающегося электротехника, изобретателя способа дуговой электросварки с применением металлических электродов Н. Г. Славянова. Он же построил в 1894 г. в Мотовилихе и первую на Урале заводскую электростанцию.

Таким образом, технические результаты индустриализации на Урале были весьма заметными. Впрочем, они касались преимущественно черной металлургии. Иная картина складывалась в медеплавильной промышленности, переживавшей с 1850-х гг. длительный упадок. Динамика производства меди напоминала ломаную линию с нижней отметкой в 1879 г. Сократившись за 1860-е – 1870-е гг. в 2,2 раза, в последующие два десятилетия выплавка меди несколько возросла. Но дореформенный уровень так и не был достигнут. В 1860 г. производство меди на Урале составляло 282,9 тыс. пудов, в 1900 г. – 241,1 тыс. В результате удельный вес Урала в общероссийской выплавке меди сократился с 89,3 % до 47,7 %. Застой отрасли обуславливался технической отсталостью уральских медеплавильных предприятий, истощением значительной части сырьевых ресурсов, неблагоприятной конъюнктурой мирового рынка, конкуренцией со стороны ввозимой на внутрироссийский рынок иностранной меди.

В особенно трудном положении после реформы оказались медеплавильные заводы Прикамья, которые действовали на базе пермских медистых песчаников, отличавшихся низким содержанием чистого металла в рудах (в среднем 2–3 %). С удорожанием стоимости рабочей силы при переходе на вольнонаемный труд, выработанности рудников производство на этих заводах стало убыточным. В 1860-е гг. прекратили действие почти все медеплавильные предприятия Пермского края, включая Ашапский, Бизярский, Бымовский, Курашимский, Уинский, Шермяитский заводы. Медеплавильное производство на Урале концентрировалось теперь в Богословском и Нижнетагильском горнозаводских округах.

Многократно увеличилась во второй половине XIX в. добыча каменного угля, открытого еще в конце предыдущего столетия. Каменноугольная промышленность развивалась в основном на территории Чермозского и Никитинского горных округов в Прикамье. Разработка месторождений Кизеловского бассейна, как он стал называться, была рассчитана на многие десятилетия. Однако вплоть до конца 1870-х гг. каменный уголь добывался в незначительных объемах (в 1875 г. – 1 млн пудов). Резкое увеличение угледобычи началось с вводом в эксплуата-

цию Уральской горнозаводской железной дороги. Кизеловский уголь стал потребляться в большом количестве как самой железной дорогой, так и рядом промышленных предприятий. В 1880 г. добыча угля в Кизеловском бассейне составила 5,3 млн пудов, в 1900 г. – 21,1 млн. По размерам угледобычи благодаря развитию отрасли в Прикамье Урал выдвинулся на третье место в России (после Донбасса и Польши).

В 1900 г. в Кизеловском бассейне было 36 действующих шахт и штолен. Среди владельцев копей самыми крупными углепромышленниками являлись Абамелек-Лазаревы, на долю которых приходилось до 72–80 % угледобычи на Урале. Кизеловские копи, принадлежавшие им, выделялись своим техническим уровнем, частичной механизацией и электрификацией работ. С 1898 г. спуск и подъем из лазаревских шахт, водоотлив стали осуществляться с помощью электричества, а в 1908 г. здесь появились первые электровозы.

Кроме Кизеловского бассейна в Прикамье добыча каменного угля в небольших объемах производилась на восточном склоне Урала. С 1872 г. здесь стало эксплуатироваться Егоршинское каменноугольное месторождение, в начале XX в. – Богословское и Миасское.

С середины XVIII в. началась разработка золотоносных месторождений – первоначально на Среднем Урале близ Екатеринбурга (жильное золото Березовского и Пышминского месторождений). Важнейшим побудительным фактором к расширению района золотопромышленности явилось открытие в 1810-е гг. эффективного способа получения золота из россыпей. В 1860 г. золотодобыча велась в казенных и частных горнозаводских округах Пермской губернии и на землях, открытых для частнокапиталистической золотопромышленности в Оренбургской губернии. Был получен 321 пуд золота, что составило 21,6 % от общероссийской золотодобычи. В частных горнозаводских округах наибольшей производительностью отличались Верхисетские, Нижнетагильские, Киштымские золотые промыслы. На Западном Урале выделялись Крестовоздвиженские промыслы в даче Бисерского завода Шуваловых. За 1825–1863 гг. на них было добыто 299,5 пудов золота.

Оживлению золотого промысла на Урале в пореформенный период содействовало утверждение в 1870 г. Устава о частной золотопромышленности, который снимал сословные ограничения и разрешал всем российским подданным и иностранцам заниматься золотопромышленностью. В прибыльную отрасль потекли дополнительные инвестиции, учреждались новые компании и товарищества, прибиравшие к рукам наиболее перспективные участки.

В 1874 г. правительство передало в аренду частному капиталу старейшие на Урале Березовские казенные золотые промыслы. Та же участь постигла Гороблагодатские, Богословские и Миасские промыслы. Это привело к полному прекращению в регионе казенной золотопромышленности и развитию отрасли за счет частного капитала.

При разработке россыпей широко использовался труд старателей. Им обычно отводились частично выработанные или бедные золотом прииски, эксплуатация которых на хозяйский счет считалась маловыгодной или убыточной. На старательских работах господствовали ручные устройства, использовалось примитивное оборудование. Прогресс в золотопромышленности был связан не столько со способами разработки золотосодержащих пород, сколько с технологией извлечения драгоценного металла из руд и песков, а также с использованием на наиболее перспективных приисках системы машин. Так, с 1886 г. на Урале стал применяться химический способ получения золота методом хлоринации, с 1892 г. появляются первые более совершенные заводы по извлечению золота путем цианирования. С 1900 г. начинаются работы по добыче золота и платины из наносов на дне рек и озер с помощью драг – плавучих комплексно механизированных горнообогатительных агрегатов.

В конце XIX в. и особенно в начале XX в. усиливается разработка жильных месторождений золота, которая требовала крупных капиталовложений, использования сложных машин для переработки руд. Здесь более интенсивно, чем при получении золота из россыпей, внедрялась фабричная техника. В 1899 г. из 641 пудов драгоценного металла, добытого на Урале, на долю рудного и химического золота пришлось 167 пудов

(26,0 %). К концу 1900-х гг. добываемое из руд и получаемое химическим путем золото уже преобладало над россыпным.

Поиски золота привели к открытию платины. Добыча платины производилась в Нижнетагильском, казенном Гороблагодатском округах, Сысертской, Заозерской, Нейвинской заводских дачах, на Крестовоздвиженских промыслах на Западном Урале. Она стала возрастать с 1870-х гг. в связи с развитием электротехники, медицины. С 1870 по 1900 г. добыча платины увеличилась с 119 до 329 пудов. На Крестовоздвиженских промыслах, где одновременно велась и добыча золота, в 1831–1900 гг. было получено более 1 300 пудов платины. Вся платина добывалась из россыпей и в основной своей массе шла на очистку за границу. До конца XIX в. платиновый рынок держал в своих руках английский торговый дом «Джонсон, Маттей и К^о». В 1898 г. была образована смешанная «Платинопромышленная компания анонимного общества», в которой ведущую роль играл французский капитал. В пореформенный период Урал, а точнее Пермская губерния, давал около 95 % мировой добычи платины.

Старой традиционной отраслью оставалась солеваренная промышленность, которая во второй половине XIX в. переживала далеко не лучшие времена. Конкуренцию ей составляли более дешевая самосадочная соль астраханских озер Эльтон и Баскунчак и донецкая каменная соль. Тем не менее, производство пермской выварочной соли увеличилось с 6,5 млн пудов в 1860 г. до 18,6 млн пудов в 1900 г. И все же ее удельный вес в общем объеме соледобычи в России был невелик, к концу столетия он не достигал и 20 %.

Основными районами добычи соли-«пермянки» являлись Новое Усолье, Ленва, Дедюхин, Соликамск. Владельцами промыслов выступали представители династий дворян-горнопромышленников: Строгановы, Голицыны, Шуваловы, Абамелек-Лазаревы, но наряду с ними в эту отрасль вложили свои капиталы и предприниматели буржуазного типа – И. И. Любимов, А. В. и И. А. Рязанцевы, Г. М. Касаткин. Обострение конкуренции и необходимость увеличения выварки соли содействовали совершенствованию производства. Морально устаревшие чер-

ные варницы заменялись белыми – «баварками», работавшими не только на дровах, но и на каменном угле. На рубеже XIX–XX вв. начало внедряться механическое бурение, для подъема рассола стали использоваться паровые машины. Паровое бурение было впервые применено в 1870 г. на Березниковском солеваренном заводе, принадлежавшем И. И. Любимову. Здесь же, в районе старых солеваренных промыслов, И. И. Любимов в компании с бельгийским инженером и предпринимателем Э. Сольвэ построил в 1881–1883 гг. первый в России содовый завод по аммиачному способу производства из поваренной соли, который стал первоосновой г. Березники.

Осуществляемая техническая реконструкция, а тем более строительство новых промышленных предприятий требовали крупных инвестиций. Эта проблема решалась путем акционерного учредительства – создания акционерных обществ, капитал которых образовывался вследствие продажи акций. Акционерные общества выступали новой формой организации производства, шедшей на смену единоличному или семейному капиталу владельцев заводов и промыслов. Акционерный процесс по степени его активности соответствовал периодам развития уральской горнозаводской промышленности. В 1860-е гг. – первой половине 1880-х гг. он характеризовался медленными темпами, а результаты деятельности были далеки от ожидаемых. На этом этапе на Урале возникли шесть акционерных компаний: Кнауфская, Суксунская, общество Всевожских, Белорецкая, Камская, Сергинско-Уфалейское товарищество. Первые три в силу неудовлетворительного финансового положения и иных причин вскоре прекратили свою деятельность.

Во второй половине 1880-х – 1890-е гг. процесс акционирования горнозаводских хозяйств усилился, общества проявили большую устойчивость и финансовую состоятельность. В данный период было учреждено семь акционерных компаний: Богословская, Урало-Волжская (Комаровская), Волжско-Вишерская, Инзерская, Уфимская, Южно-Уральская анонимная, Кыштымская. В 1900 г. из 32 горнозаводских хозяйств-округов на Урале были акционированы 10 округов. Сумма их акционерного капитала составляла 56 375 тыс. руб. Заводы, входившие в состав этих окру-

гов, производили 44 % уральского чугуна, 26 % железа и 60 % стали, что свидетельствует о значительной роли акционерных обществ в горнозаводской промышленности уральского региона.

Особенностью горнозаводской отрасли края в пореформенный период являлись также ее ранние связи с банковским капиталом. Значительное влияние на развитие хозяйства горных округов оказывал Государственный банк, кредитовавший многие предприятия под залог металла. Значительным было участие в этом процессе коммерческих банков – как русских, так и зарубежных. В итоге к 1900 г. иностранный капитал принимал участие в акционировании четырех обществ на Урале из десяти. В 1879 г. было создано Франко-Русское акционерное общество (с 1885 г. общество Камских железо- и сталелитейных заводов), которое, будучи основано на французский капитал, арендовало заводы (Нытвенский, Пашийский), земли и леса князя С. М. Голицына и построило Чусовской металлургический завод. В 1881 г. Товарищество Сергинско-Уфалейских заводов, образованное с участием французского капитала, купило заводы у обанкротившихся наследников купца Губина. С 1898 г. действовало Южно-Уральское анонимное общество с бельгийским капиталом, арендовавшее у князя К. Э. Белосельского-Белозерского Катавские заводы в Уфимской губернии.

Поучительна история Волжско-Вишерского акционерного общества, основанного представителями французских деловых кругов, которое создавалось с целью строительства и эксплуатации ряда доменных заводов на базе богатых железорудных месторождений в Северном Прикамье. После реорганизации в начале 1898 г. оно получило название «Волжско-Вишерское горнометаллургическое акционерное общество»; основной капитал общества составлял 9 375 тыс. руб. Уже через три года акционерам принадлежали четыре металлургических завода: Кутимский, Вижаихинский, Велсовский и строившийся Акчимский, 25 железорудных месторождений, более 310 тыс. десятин лесов. И все же после нескольких лет деятельности, оказавшись в тяжелом финансовом положении, Волжско-Вишерское общество в 1909 г. было ликвидировано.

Если в горнозаводской промышленности Урала в конце XIX – начале XX в. происходил процесс монополизации производства, возрастало влияние банковского и усиливалось проникновение в эту отрасль иностранного капитала, что следует связать с общими для российской экономики тенденциями, то свои особенности имело развитие обрабатывающей (негорнозаводской) промышленности – как мелкой (кустарной), так и крупной. Разнообразие природных богатств края, развитие торгового земледелия и животноводства способствовали распространению среди населения кустарных промыслов. Но главный толчок их развитию дала реформа 1861 г., оставившая за штатами горных заводов десятки тысяч человек, ранее имевших работу на них.

Наиболее распространенными кустарными производствами были гончарное, салотопенное, канатно-веревочное, тканье кулей и рогож, смолокурное, дегтярное, сапожное, экипажное, пимокатное, кузнечное, столярное, сундучное, гранильное и др. Центрами кустарной металлообработки были в Пермской губернии Нижний Тагил, Невьянский и Суксунский заводы; в Уфимской губернии – Златоуст с уездом. Сапожный промысел концентрировался в Екатеринбургском и Кунгурском уездах Пермской губернии и в г. Сарапуле. В Шадринском уезде было распространено валяние валенок, в Красноуфимском уезде – циновочно-ткацкий и кулевой промыслы, в Осинском уезде – рогожное производство, в Оренбургском уезде – вязание пуховых платков. Производство сельскохозяйственных орудий и машин (сох, сортировок, веялок, молотилок) было развито в Пермском уезде и на Благовещенском заводе. В Вятской губернии, занимавшей первой место по числу кустарей, центрами кожевенного и скорняжного промыслов являлись Вятский и Слободский уезды.

По обилию промыслов Пермская губерния занимала видное место в стране. Во время кустарной переписи 1894–1895 гг. было зарегистрировано почти 9 тыс. кустарных предприятий с 20,4 тыс. работников. Общее же число кустарных предприятий в губернии превышало 12 тыс. Рост кустарных промыслов был одним из элементов расширения внутреннего рынка. В кустарных промыслах явно проявлялась тенденция развития их

в крупные капиталистические мануфактуры. В то же время ряд старых кустарных промыслов исчезал, не выдерживал конкуренции и крупной промышленностью.

Разнообразной по своему характеру была на Урале крупная обрабатывающая промышленность. Наибольшее развитие имели следующие отрасли промышленности: машиностроительная (с уклоном судостроительным, горнозаводским и сельскохозяйственным), химическая, кожевенная, мукомольная (особенно крупчаточное производство), винокуренная, салотопенная, свечная, полиграфическая.

Крупными предприятиями являлись железнодорожные мастерские в Перми и Уфе. Значительными капиталистическими фабриками с несколькими сотнями рабочих были: судостроительные заводы английских подданных Гуллета, Тета и Гакса в Екатеринбурге, Перми и Кунгуре, Пермский судостроительный завод Каменских, фосфорный завод Тупицыных в Перми, кожевенные заводы Сартакова и Фоминского в Кунгуре, Еремеева и Алафузовых в Перми, несколько кожевенных заводов в Уктусе и Шарташе (Екатеринбургского уезда Пермской губернии) и в Стерлитамаке (Уфимской губернии). Владельцем нескольких крупных винокуренных и пивоваренных заводов, на которых работало свыше 10 тыс. человек, был А. Ф. Поклевский-Козелл, владельцами крупных салотопенных заводов – братья Ошурковы и Налетов.

Однако к концу 1890-х гг. многие предприятия обрабатывающей промышленности края закрылись или значительно сократили свое производство, не выдержав конкуренции с более сильными соперниками из Центрально-промышленного и Поволжского районов.

Таким образом, горнозаводская промышленность Урала в пореформенное сорокалетие развивалась в двух формах – капиталистической мануфактуры и фабрики. Негорнозаводская имела все три формы: мелкотоварное, или так называемое кустарное производство, капиталистическую мануфактуру и фабрику. Ведущей формой развития капитализма в промышленности Урала становилось фабричное производство.

§ 3. Сельское хозяйство

В XIX в. Урал, как и Российская империя в целом, оставался преимущественно крестьянским краем. Сельское хозяйство и крестьянство были тесно связаны с горнозаводской промышленностью. Горные заводы предоставляли работу нуждающимся крестьянам. Своего хлеба в горнозаводских уездах не хватало, и поэтому часть его завозили из других уездов. Так, по расчетам Н. С. Попова, в начале XIX в. на годовое продовольствие населения Пермской губернии было необходимо 28 881 тыс. четвертей хлеба. Свои поля давали только 800 тыс. четвертей, и часть хлеба приходилось завозить из соседних губерний.

Для Урала характерно обилие лесов. Лесная площадь преобладала в большинстве уездов. В основном леса находились в собственности казны и частных владельцев. Расчистка леса давала возможность расширить площадь обрабатываемой земли. По отношению ко всей площади губерний пашня составляла в 1859 г. в Пермской – 9,7 %, в Вятской – 24 %, в Оренбургской – 5,6 %. Оренбургская губерния в первой половине XIX в. оставалась еще малоосвоенной и сравнительно малонаселенной. Таким образом, во всех губерниях края был значительный резерв не вовлеченных в хозяйственный оборот земель. Тем не менее норма крестьянского надела на Урале по сравнению с центральными губерниями российской империи была относительно высокой. В Пермской губернии в середине XIX в. средний крестьянский надел составлял 7 десятин, в Вятской – 7,5 десятины, в Оренбургской – 9–10 десятин.

Ассортимент земледельческих культур на протяжении первой половины XIX в. был в общем стабилен. Преобладали рожь, овес, гречиха и ячмень. В небольшом количестве выращивали лен и коноплю. В Оренбургской губернии ввиду благоприятных природно-климатических условий значительное распространение получила пшеница. В середине века во всех губерниях Урала заметно увеличилось выращивание картофеля.

Господствующей системой севооборота по-прежнему оставалось трехполье. Наряду с ним в малонаселенных лесных уездах Вятской и Пермской губерний применялись подсека

и перелог, а в степных районах Оренбургской губернии встречалось переложное землепользование.

Суровые природно-климатические условия, малоплодородные почвы ряда уездов Урала, примитивные сельскохозяйственные орудия являлись причинами сравнительно невысокой урожайности хлебов. В Вятской губернии средний урожай составлял в 1800–1840-е гг. сам-2,8–3,4; а в 1850–1860-е гг. сам-3,2–3,6. В Пермской губернии в 1840–1850 гг. урожайность составляла сам-3–3,5.

Наряду с земледелием уральские крестьяне занимались животноводством. Так, средние показатели по обеспеченности лошадьми и скотом на Урале в середине XIX в. были несколько выше общероссийских. Усилиями пермских крестьян была выведена порода выносливых и крепких лошадей, так называемых обвинок. Вятские крестьяне вывели пригодную для гужевого транспорта вятскую породу лошадей.

Кроме того, в Пермской и Вятской губерниях вблизи заводских центров и городов развивалось огородничество. Важной хозяйственной статьей населения ряда уездов Оренбургской губернии являлось бахчеводство. Во всех уральских губерниях были развиты пчеловодство, охота и рыболовство.

Широкое развитие в крае получили крестьянские домашние промыслы и ремесло, это было связано в том числе и с кризисом горнозаводской промышленности. Особую известность приобрела Дымковская слобода как центр производства кустарных глиняных и деревянных изделий.

В середине века наблюдался рост товарности крестьянского хлеба, так как помещиков в крае было мало. Особенно много хлеба продавали государственные крестьяне черноземных уездов. Например, в 1843–1850 гг. государственные крестьяне Шадринского и Камышловского уездов Пермской губернии ежегодно продавали до 1,16 млн четвертей зерна, что составляло около 23 % валового сбора. В Вятской губернии в продажу поступало 1,7 млн четвертей зерна, то есть 2 % валового сбора. Оренбургская губерния также располагала значительными хлебными излишками, но удаленность от потреблявших районов и отсутствие удобных путей сообщения ограничивали хлебный вывоз.

Отмена крепостного права в 1861 г. явилась крупнейшим событием, переломным моментом в отечественной истории, который положил начало новому этапу в исторических судьбах российского, в том числе уральского крестьянства. Она способствовала модернизации страны, то есть переходу от традиционного к индустриальному обществу.

19 февраля 1861 г. бывшие помещичьи крестьяне получили личную свободу и право выкупить душевой надел. 26 июня 1863 г. было утверждено «Положение о крестьянах, водворенных на землях имений государевых, дворцовых и удельных», в котором определялся порядок наделения их землей, проведения выкупной операции и организации сельского и волостного управления (по аналогии с государственными и бывшими помещичьими крестьянами).

По сравнению с помещичьими крестьянами удельные получали некоторые преимущества. В их распоряжение передавались находившиеся у них тяглые и запасные земли, исключалось также наделение их дарственными землями. В 1866 г. была проведена реформа государственных крестьян, по которой определялись размеры их наделов и повинности.

Земельные наделы государственных крестьян значительно превосходили наделы помещичьих и удельных крестьян, выкупные платежи у них были меньше, и они получили, по сравнению с помещичьими и удельными крестьянами, гораздо большую экономическую самостоятельность.

В результате реформ 1860-х гг. все категории крестьян консолидировались в единое сословие «свободных сельских обывателей» и постепенно стали утрачивать сословные черты. Правда, правительство намеренно затягивало этот процесс, поддерживая сословные признаки крестьян и патриархальность деревни.

14 мая 1863 г. была проведена реформа, касающаяся башкир и их припущенников. Собственно башкиры подразделялись на вотчинников и припущенников. Башкиры-вотчинники – это коренные жители Урала, получившие от царского правительства при добровольном присоединении Башкирии к российскому государству вотчинное право на принадлежавшие им земли.

Припущенники – это пришлые татарские, чувашские, марийские, мордовские, удмуртские и русские крестьяне, поселившиеся на башкирских землях в разное время, а также башкиры, потерявшие вотчинное право на землю. По десятой ревизии, проведенной в 1858 г., башкир-вотчинников насчитывалось на Урале 203 659 душ мужского пола, в том числе в Уфимской губернии – 104 372 душ, Оренбургской – 86 866 душ, Пермской – 5 651 душ, Вятской – 1 650 душ мужского пола. Башкир-припущенников числилось всего 268 785 душ мужского пола, из них 226 532 – в Уфимской губернии, 20 636 – в Оренбургской, 21 617 – в Пермской, Вятской и Самарской.

Башкиро-мещерякское войско упразднилось, а башкиры и мещеряки становились податным сословием и уравнивались в гражданских правах со «свободными сельскими обывателями». Они, как и крестьяне, могли владеть землей, заниматься торговлей, промыслами, переходить в другие сословия. В 1865 г. была отменена кантонная система, и управление башкирами было передано из военного в гражданское общество. Кроме того, в башкирских селениях создавалось управление, аналогичное органам управления, установленным в крестьянской деревне.

Одновременно с реформой 19 февраля 1861 г. были утверждены «Дополнительные правила о приписных к частным горным заводам людях ведомства Министерства финансов», на основе которых отменялось крепостное право на частных (вотчинных и посессионных) горных заводах и промыслах. Позднее, 8 марта 1861 г., было издано «Положение о горнозаводском населении казенных горных заводов ведомства Министерства финансов», согласно которому отменялось крепостное право на казенных заводах. Согласно этим законам, горнозаводское население получило личную свободу и освобождалось от обязательных работ на заводах и промыслах.

Таким образом, горнозаводские крестьяне становились «свободными сельскими обывателями» и уравнивались в правах с другими категориями крестьян. Мастеровые, в отличие от сельских работников, получали льготы (освобождались от рекрутчины, если оставались на заводе, получали усадебную землю, выгоны (по 200 кв. сажень) и покосы (по 1 десятине на душу) без выкупа).

Статистика численности разрядов крестьян на Урале довольно путанная. Это объясняется наличием нескольких групп, связанных с сельским хозяйством и горнозаводской промышленностью, а также тем, что к числу крестьян некоторые статистики XIX в. причисляли и мастеровых. Основания для этого были, так как на вотчинных заводах мастеровые часто (вплоть до отмены крепостного права) формировались из крестьян.

В разряд государственных крестьян были отнесены татары, марийцы, удмурты, манси, тептяри и бобыли.

К помещичьим крестьянам принадлежали некоторые коми-пермяки (Оханского и Осинского уездов). Разряды крестьян и национальный состав населения Урала были связаны условиями исторического происхождения и вхождения нерусских народов в состав Российского государства. Так, башкиры до начала 60-х гг. XIX в. не входили ни в один из разрядов крестьян. Они составляли особую категорию – башкиро-мещерякское войско.

В пореформенный период на Урале происходила дальнейшая экономическая специализация районов, росла связь различных категорий крестьян с рынком, развивались отхожие промыслы, более интенсивно стали распахиваться земли, площади посевов стремительно увеличивались, особенно в Оренбургской и Уфимской губерниях (она выделилась из Оренбургской в 1866 г.). Хлебные валовые сборы в 60-е гг. XIX в. колебались на Урале от 20,5 до 30,6 млн пудов; в 70-е гг. – от 13,2 до 31,3 млн пудов в Оренбургской губернии и, соответственно, от 23,3 до 58,2 млн пудов в Уфимской губернии.

Так, за сорок пореформенных лет (1861–1900 гг.) площадь посева только в Пермской губернии увеличилась на 12 % (308,3 тыс. десятин). Площадь пахотной земли возрастала главным образом за счет расчистки леса и превращения лугов и целинных земель в пашни. По имеющимся данным за пятилетие (1883–1887 гг.) избыток четырех главных хлебов, за вычетом потребления, ежегодно составлял в губернии 1,5 млн пудов. Это свидетельствовало о превращении Пермской губернии в один из крупных районов товарного зернового хозяйства. В 60–90-е гг. XIX в. большое количество хлеба в зерне и муке продавалось

на ярмарках и вывозилось за пределы региона, особенно на Печору. При удовлетворительном урожае жители Пермской губернии могли прокормиться своими хлебами 1,4 года (для сравнения: соседняя Оренбургская губерния – два года, а Уфимская и Вятская губернии – 1,4 года). Однако крестьянство Урала часто постигали неурожаи. Особенно сильным был неурожай 1890–1891 гг. От голода тогда умерло более ста тысяч человек.

На Урале в пореформенный период резко возросли посевы и сборы картофеля, который практически стал для крестьян вторым хлебом. Посевы картофеля способствовали развитию винокурения и крахмалопаточных заводов. Картофель стал употребляться и для откорма мясомолочного скота.

Кроме того, отдельные уезды выделялись посевами льна и конопли. Только в Кунгуре в 70-х г. XIX в. скупили для Перми до 200 тыс. пудов льняного семени.

Одной из отраслей торгового земледелия Урала являлось пчеловодство. Особенно активно им занимались в Красноуфимском, Кунгурском, Оханском и Осинском уездах Пермской губернии. Лучшими пчеловодами считались марийцы, башкиры и тептяри. Средний сбор меда составлял в губернии от 15 до 24 тыс. пудов. Крестьяне получали дохода до 171 тыс. руб. Наибольшим спросом у покупателей пользовались продукты пчеловодства в Вятской и Уфимской губерниях. Широкое развитие получило травосеяние. Особенно много высевали клевера, тимфеевки и др. В 90-е гг. XIX в. в Шадринском и Оханском уездах стало развиваться маслоделие.

В целом в пореформенный период наблюдались: улучшение агрокультуры и агротехники крестьянских хозяйств, рост урожайности основных сельскохозяйственных культур и, как результат, улучшение питания крестьян. Об этом свидетельствовали «увеличение длины тела и уменьшение процента забракованных для военной службы новобранцев».

Почвенно-климатические условия края непосредственно влияли и на плотность населения. Как правило, чем плодородней уезд, тем выше плотность населения и наоборот. Рост плотности населения постоянно толкал крестьянство не только к колонизации, но и к интенсификации земледелия. Одновременно

вследствие роста сельского населения величина земельного надела на душу мужского пола сокращалась. В результате возникло относительное аграрное перенаселение, что явилось катализатором для развития в этих районах отхожих промыслов или интенсификации производства. Среда обитания (климат, почвы и т. д.) пусть опосредованно, но воздействует на социальные процессы, популяционную генетику человека, на социальное поведение, социальную психологию, демографические процессы. Бесспорно влияние климата на земледелие, животноводство и все экономические явления и процессы, непосредственно связанные с биосферой.

Своеобразие социально-экономического развития Урала состояло в том, что в его экономике большое место занимала горнозаводская промышленность. Горные заводы и горнозаводское население были размещены в сельской местности и приписаны к ней и сельскому населению, хотя по роду производственной деятельности это было индустриальное население, включая сельских работников горных заводов. Одной из особенностей развития сельского хозяйства и истории края была тесная связь его с горнозаводской промышленностью. Сильно развитые гужевые и сплавные (караванные) перевозки грузов определили направление земледелия (посев продовольственных, фуражных и технических культур и развитие животноводства), а также характер и степень развития ремесла и обрабатывающей промышленности, связанных большей частью с обслуживанием нужд горнозаводской промышленности, извоза и сплавных караванов.

Преобладание в крае бывших государственных крестьян, имевших в среднем большие наделы, чем удельные и бывшие помещичьи крестьяне, более свободно и тесно связанных с рынком и различного рода промыслами, положительно сказывалось на развитии производительных сил в регионе.

Уральское крестьянство проявило большое искусство в таких видах кустарных промыслов, как канатно-веревочный (связан с обслуживанием потребностей речного и извозного транспорта), сетевязальный, тканья кулей и рогож (связаны с потребностями соляного, зернового производства и перевозкой товара

на ярмарки), ткацкий – холста и полотна (удовлетворял спрос мельничного производства и горных заводов), смолокурный и дегтярный, скорняжный (изготовление кошм, шлеи, потников и прочего из шерсти домашних животных; удовлетворял потребности прежде всего извозного промысла и горнозаводской промышленности), шорно-седельный, сапожный, плетение корзинок и коробов (в них перевозился древесный уголь), выделка колес и ободьев, пимокатный (особенно в Ольховской волости Шадринского уезда), бондарный (производство кадок, ведер, лоханей, бочек, корыт, лопат, посуды, телег, саней). Многие из изделий уральских крестьян-кустарей вывозились в Сибирь, Казахстан и Среднюю Азию.

Пермские крестьяне-кустари – сохолады прославились своими курашимками, кунгурками, очерками, туринками, чегандинками.

Руками крестьянства создавалась и поддерживалась транспортная сеть края: знаменитый Сибирский тракт, железные дороги (Горнозаводская, Екатеринбург – Тюмень, Екатеринбург – Челябинск, Пермь – Котлас, Пермь – Екатеринбург через Кунгур) и подъездные пути к ним; сплавные и все грузовые работы на реках Каме, Чусовой и их притоках. Крестьяне строили баржи для сплава соли и железных караванов на Нижегородскую ярмарку. В 90-х гг. XIX в. под влиянием земских служащих Пермское крестьянство одним из первых стало создавать сельскохозяйственные производственные артели (в Шадринском, Камышловском и Екатеринбургском уездах), а также артельные маслодельни.

Однако преувеличивать роль отхожих промыслов в крае не следует, так как они охватили незначительную часть крестьян. Гораздо большее развитие в губернии получили кустарные промыслы на местах.

Крестьянство Урала на протяжении всего XIX в. в имущественном и социальном отношении оставалось довольно однородной массой. Процесс имущественного расслоения крестьянства не был доминирующим. Проследить реальные доходы отдельных крестьянских семей у различных категорий крестьян практически невозможно.

Душевые наделы всех категорий крестьян, проживающих на Урале, после реформ 1860-х гг. превышали общероссийские показатели. Кроме того, в крае (особенно в нечерноземной полосе) в пореформенный период наблюдалось даже увеличение наделов.

Согласно материалам военно-конских переписей 1899–1901 гг., процент безлошадных дворов в Пермской губернии колебался от 15 до 20 %. Причем наибольший процент безлошадных приходился на горнозаводские уезды, где население занималось главным образом промышленными работами. Следовательно, показатель безлошадности не может служить главным (а порой и единственным) критерием социальной дифференциации крестьянства.

Кроме того, в пореформенный период росла доля зажиточных хозяйств (с тремя и более лошадьми). Крестьяне дополнительно занимались извозом, работами на заводах и промыслами. Некоторые из них нанимали лошадей за деньги или за часть земли и покосов, а сами при этом занимались различными промыслами либо торговлей.

Согласно «Материалам высочайше утвержденной комиссии 16 ноября 1901 г.» в Пермской губернии в разного рода промыслах, главным образом кустарных, участвовало более четверти наличного населения крестьян.

Таким образом, крестьяне частично компенсировали недостатки от сельского хозяйства заработками в отхожих и кустарных промыслах. В Пермском крае очень мало арендовалось земли. Лишь в Красноуфимском и Екатеринбургском уездах аренда превышала 5 %. Это говорит о том, что подавляющее большинство крестьян не нуждались в аренде, так как средств для существования было достаточно. Об этом свидетельствует отсутствие недоимок в большинстве волостей края.

В конце XIX в. средний годовой заработок в Пермской губернии составлял от 50 до 75 руб., в Уфимской и Оренбургской губерниях – до 50 руб.

«Раскрестьянивание» не получило широкого размаха. Община с ее круговой порукой, коллективизмом, привязанностью к земле, месту, собственности оказывала на крестьян куда

большее влияние, нежели желание порвать с привычками, сорваться с места и двинуться в город. Об этом свидетельствует относительно незначительный процент отходников и мигрантов. Как правило, миграции носили сезонный характер и были способом получения дополнительных, так необходимых крестьянину в новых условиях, денег.

Кроме того, наличие общины способствовало также сохранению традиционного православного менталитета крестьян. Община стремилась воссоздать неизменный крестьянский строй жизни во всех отношениях – демографическом, экономическом, культурном и т. д. Отсюда настороженное отношение ко всему новому. Крестьяне оценивали свою конкретную деревню, общину, родину как лучшее на Земле место для жизни. Отсюда поговорки: «Родимая сторона – мать, а чужая – мачеха», «Крепче мирского лаптя мужику не найти», «Где у мира рука, там моя голова» и т. д.

Реформа 1861 г. далеко не сразу привела к трансформации системы ценностей крестьянства. Традиционные взгляды на деньги как некапитал вытеснялись постепенно и явно обозначились лишь после революции 1905–1907 гг., и то в первую очередь среди молодых крестьян, тесно связанных с городом.

Причинами длительного сохранения традиционного менталитета у крестьян являлись: инерция сознания, поддержка привычного уклада жизни широкими слоями русской интеллигенции, особенно народниками, а также православной церковью.

§ 4. Население

Несмотря на наличие горной промышленности на Урале, основную массу его населения, как и страны в целом, составляли не заводские рабочие, а крестьяне.

За первую половину XIX в. население Пермской, Оренбургской и Вятской губерний выросло в 2,5 раза (с 1 296 тыс. до 3 211 тыс. душ мужского пола). Это намного превышало темпы естественного прироста. Население Урала, как и раньше, увеличивалось за счет миграции (колониционных про-

цессов, которые наиболее интенсивно проходили в Оренбургской губернии).

В крае преобладали государственные крестьяне. В Вятской губернии они составляли 85 % всего крестьянского населения, в Пермской – 73,6 %, в Оренбургской – 83,5 %, тогда как помещичьи крестьяне составляли соответственно: 2 %; 23,8 % и 15 %. Численность удельных крестьян была еще меньше. В целом за указанный период численность крестьян на Урале выросла с 1,1 до 2,4 млн душ мужского пола.

Городское население Урала в это же время составляло всего 3,3 % от общего числа жителей региона (для сравнения: в Европейской России – 9,1 %). Однако численность горожан вместе с жителями горных заводов, официально не относившихся к городам, превышала 12 % всего населения Урала. Например, в Нижнем Тагиле имелись свечная и бумажная фабрики, мукомольные мельницы, многочисленные подносные и сундучные заведения. Здесь жили сотни купцов, то есть примерно столько же, сколько в губернском городе Перми. Между тем Нижний Тагил по-прежнему считался поселком при главном заводе Демидовых. Правительство не хотело признавать существования городов, «принадлежавших», по сути дела, частным лицам. Оттого из 20 крупнейших населенных пунктов Урала лишь шесть официально числились городами, остальные назывались горнозаводскими поселками.

Горнозаводское население не было однородным. Заводские крестьяне жили в деревнях, занимались сельским хозяйством и трудились на вспомогательных работах при заводах. Мастеровые же работали в цехах заводов. В начале XIX в. на Урале числилось 85,8 тыс. душ мастеровых и 252 тыс. душ приписных крестьян.

Численность живших в городах мастеровых и непременных работников выросла за первую половину XIX в. в 4,4 раза. С одной стороны, они не относились к свободным горожанам, а с другой – играли все более активную роль в хозяйственной жизни городов, конкурируя не только с мещанами, но и с купцами.

Реформа 19 февраля 1861 г. в России сняла крепостные «наручники» более чем с 20 млн крестьян и предоставила им целый ряд гражданских прав и свобод, что коренным образом изменило облик целого сословия. Бурное развитие рынка и товарно-денежных отношений, начавшееся после реформы, способствовало модернизации страны. На новом этапе усиливается социальная, профессиональная и географическая мобильность населения, происходят серьезные изменения в численности и размещении различных категорий россиян, начинается переход от традиционной к современной модели воспроизводства населения, наблюдается развитие малой семьи и демократизация внутрисемейных отношений.

Во второй половине XIX в. Российская империя переживала демографический взлет: население страны за 37 лет (с 1860 по 1897 гг.) выросло на 52 млн человек (с 74 до 126 млн), причем главным образом за счет естественного прироста. Сельское население за указанный период выросло в полтора раза, городское – почти удвоилось, тем не менее его удельный вес в общей численности населения страны не поднялся выше 13 %.

Заметное место среди губерний России занимало население четырех уральских губерний: Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской. Прирост населения за пореформенное тридцатилетие составил в них около 50 %, то есть несколько меньше, чем в целом по России (68 %). При этом показатели прироста в Оренбургской (74,6 %) и Уфимской (69,5 %) губерниях были гораздо выше, чем в Пермской (42 %) и Вятской (36,5 %). Это объясняется активной колонизацией первых. Однако в целом Урал отличался преобладанием местного населения над пришлым. По данным переписи 1897 г. из 9 821,8 тыс. человек населения Урала 8 752,6 тыс. человек (88 %) были жителями тех же уездов, в которых они родились, переехали в другие уезды своей губернии 431,1 тыс. человек (5 %), приехали на жительство из других губерний 638,1 тыс. человек (7 %).

Реализация положений 19 февраля 1861 г. и аграрных реформ 1863 и 1866 гг. вызвала подвижность крестьянского населения страны. Крестьяне переходили не только из одного сословия в другое, из одного разряда в другой, но и из уезда в уезд,

из губернии в губернию, осваивали новые районы. Втягивание крестьянства в рыночные отношения создало подвижность населения другого рода – временный отход на заработки многомиллионных масс, неудержимый рост городов и селений. После отмены крепостного права миграционная активность российского крестьянства непрерывно усиливалась.

Причинами аграрных миграций были не только пережитки традиционного общества, такие как малоземелье, низкое качество крестьянских наделов, но и втягивание крестьянства в рыночные отношения: нехватка заработков на родине, высокие выкупные платежи. Нельзя сбрасывать со счетов и временные факторы, которые либо тормозили, либо ускоряли миграционные процессы: неурожаи (особенно в 1891–1892 гг.), распространение слухов, правительственная политика, поощрявшая или сдерживавшая переселение на окраины.

Миграционная политика правительства в пореформенный период претерпела значительные изменения, особенно в отношении переселений крестьян в Сибирь. Если сразу после отмены крепостного права она носила запретительный характер, то в 1880-е гг. начинается регламентация этих процессов. Это произошло под влиянием массовых самовольных нерегулируемых переселений крестьян и общественного давления. Так, в 1881 г. правительство подготовило проект закона о переселении крестьян. Он был рассчитан на то, чтобы дать выход на окраины некоторой части крестьянства, особенно безземельным и малоземельным. Однако чтобы исключить возможность массового переселения крестьян, увольнение их из общины не должно было превышать половины наличного населения.

В 1884 г. процессы миграции начали вновь сворачиваться. Причиной тому послужил доклад министра внутренних дел Д. А. Толстого, в котором издание закона о переселении крестьян из всех губерний признавалось делом не только «вредным», но и «невозможным». Но полностью свернуть этот процесс не удалось. Были признаны законными миграции экономически состоятельного крестьянства на окраины, а с 1893 г. переселенцам выдавали путевые пособия, оказывали врачебно-продовольственную помощь и устанавливали пониженный переселен-

ческий тариф, равный трети проезда в вагонах четвертого класса. На эволюцию правительственной миграционной политики в 1890-е гг. существенное влияние оказали: сокращение земельных наделов крестьян, развитие транспортной системы (особенно железных дорог), городской инфраструктуры и промышленности.

Таким образом, с конца 1880-х гг. XIX в. вплоть до 1905 г. правительственная переселенческая политика претерпела значительные изменения. Закон 1889 г., как и впоследствии «Временные правила» 1904 г., был направлен прежде всего на содействие чиновникам в регламентации и контроле переселений, а никак не основан на соблюдении интересов самих переселяющихся. В условиях аграрного кризиса меры правительства оказались запоздалыми, носили ограниченный и локальный характер. Как правило, одной из главных причин крестьянских миграций было желание получить на новых местах землю, не обремененную податями, и укрыть свои доходы, полученные при отхожих промыслах. Этому способствовали слухи о несметных богатствах Сибири.

Переселялись преимущественно государственные крестьяне, так как они обладали гораздо большей свободой и подвижностью по сравнению с бывшими удельными и помещичьими. Последние в 60–70-е гг. XIX в. были связаны временнообязанным состоянием, а затем вплоть до 1906 г. – выкупными платежами. Переселенцы устремлялись главным образом на окраины Российской империи: Северный Кавказ, Новороссию, а с середины 80-х гг. XIX в. – в Сибирь и Казахстан. Всего за вторую половину XIX в. – начало XX в. переехало около 9 млн крестьян (в 1871–1896 гг. – 3 815 000 человек, в 1897–1913 – 5 228 000 человек).

В основном переселенцами становились среднеобеспеченные крестьянские семьи, так как этому способствовала местная администрация. Как правило, важными для переселенцев были не только экономические условия новой среды, но и культурно-бытовые. Причинами же возвращения назад являлись неблагоприятные экономические и природно-климатические условия, сложности во взаимоотношениях со старожилами и особенно с коренным инородческим населением, а также нехватка

средств. Значительные размеры переселение крестьян приобрело во второй половине 80-х гг. XIX в., во время поземельного устройства государственных крестьян. При предъявлении владенных записей можно было довольно легко оформить разрыв с прежним местом жительства, так как желающим предоставлялось право отказаться от принятия земельных наделов по заявлениям в поземельно-устроительные комиссии.

Так, из Пермской губернии преимущественно переселялись государственные крестьяне, главным образом в сибирские губернии (Енисейскую и др.). Всего за 1853–1860 гг. переселилось 4 050 человек (2 055 человек мужского пола и 1 995 женского), то есть в среднем в год 506 человек. Средний годовой перевес переселившихся из губернии над поселившимися в ней составлял 458 человек (то есть 0,02 % от всех жителей губернии в 1860 г.). Таким образом, накануне отмены крепостного права в России миграционные процессы среди крестьянского населения Пермской губернии не играли сколько-нибудь значительной роли. Это означало, что в крае к этому времени закончились активные колонизационные процессы.

Ситуация изменилась в конце XIX в. В 1897 г. в Пермской губернии насчитывалось 2 994 302 человека. «Неместных уроженцев» (иммигрантов) было зафиксировано 147 867 человек, что составляло 4,9 % от численности всего населения. Во временном отсутствии числилось 148 294 душ обоого пола (107 915 душ мужского пола и 40 379 женского), в том числе в уездах без городов 144 684 души обоого пола (105 567 душ мужского пола и 39 117 женского), что составляло 4,96 % от численности всего населения. Кроме этих показателей перепись зафиксировала так называемое «временно пребывающее на момент переписи население». К нему относились лица, проживавшие в данном месте меньше одного года. Их количество составляло 119 125 человек (3,9 %).

Основными направлениями миграции сельского населения Пермской губернии в пореформенный период были соседняя Оренбургская губерния, в которой продолжались колонизационные процессы, Сибирь (Тобольская губерния) и Дальний Восток, где было огромное количество незаселенных земель. Так,

7 апреля 1893 г. Пермское губернское по крестьянским делам присутствие разослало волостным правлениям уездов циркуляр с правилами переселения русских крестьян в Амурскую и Приморскую губернии. Основным условием для переселенцев являлось наличие денежных средств для переселения и водворения на постоянное жительство. Это подтверждает вывод о том, что официально переселялись в основном состоятельные крестьянские семьи, так как они могли рассчитывать только на себя. Для переселенцев были характерны высокая заболеваемость и смертность, значительной была и вероятность разорения.

Согласно «Материалам Комиссии 16 ноября 1901 г.» с 1889 по 1901 г. из Вятской губернии выселилось 50,3 тыс. душ обоего пола, из Пермской – 38,5 тыс., Уфимской – 6,4 тыс., Оренбургской – около 1,8 тыс. душ обоего пола. Всего из четырех уральских губерний за указанный период выселилось 97 тыс. душ обоего пола. В начале XX в. переселенческое движение за Урал более чем утроилось.

В среднем по Уралу в пореформенный период крестьянское население составляло 88,3 %, что превышало средние показатели по России (77,2 %).

В указанный период Урал по-прежнему был заселен слабо. На 1 кв. версту приходилось в среднем 14 человек, тогда как в европейской части России – 22 человека.

По количеству населения впереди уральских губерний шли Вятская и Пермская (по 1/3 всего населения края), а по численности сельского – Вятская, Уфимская и Пермская (97,4 %; 95,9 % и 85,3 % в 1867 г. и 96,8 %, 95,1 % и 94 % в 1897 г.).

Численность городского населения Урала за вторую половину XIX в. увеличилась на 108 %. Темпы прироста городского населения в уральских губерниях были различны. Вятская (прирост составил 79,7 %) и Пермская (76,1 %) губернии значительно отставали от Оренбургской (182,1 %) и Уфимской (117,6 %) по росту численности горожан.

В XIX в. среди крестьянского населения практически отсутствовало сознательное регулирование рождаемости, и она почти исключительно определялась биологическими факторами. В среднем крестьянка, обладавшая крепким здоровьем, рожала

10–11 раз. Следовательно, территориально-экономические различия в уровне рождаемости были невелики. Смертность же определялась не столько социальными факторами (уровнем благосостояния крестьянских семей, степенью их зажиточности, количеством и качеством принадлежавшей им земли), сколько экзогенными, то есть факторами среды (инфекционными болезнями, болезнями органов дыхания, несчастными случаями, отравлениями, травмами и др.). В XIX в. на Урале наблюдалась высокая смертность населения, особенно среди детей.

На высокую смертность в крае оказывали влияние: низкий уровень развития медицины, плохой уход за детьми, частые эпидемии, антисанитарные и антигигиенические условия, неурожай и голод.

Кроме того, высокий уровень смертности, особенно среди младенцев, не только являлся производным от низкой культуры, грамотности, недостатка медицинских знаний и бедности, но и был порождением русской модели демографического поведения. Высокая рождаемость как бы провоцировала высокую смертность и наоборот: если бы детей рождалось меньше, они получали бы гораздо более хороший уход, следовательно, их умирало бы меньше. Среди православного населения России (Урал не был исключением) и в пореформенный период продолжала существовать так называемая экстенсивная модель воспроизводства населения, ярко выраженная в поговорке: «Если ребенок родился на живое, то выживет, если на мертвое, так умрет». Отсюда уход за младенцами был минимальным. Жили по принципу «Как богу будет угодно». В самую опасную для грудничков пору – в летние месяцы – матери, как правило, оставляли детей на произвол судьбы. Среди русских детей в возрасте до трех лет смертность в крае была наивысшей. Исключения составляли чуваша и коми-пермяки, у которых положение было еще хуже. Несколько лучше положение было у мусульманских народов – татар и башкир. Врач С. Ершов считал, что разница в смертности между русскими и татарами обуславливалась, кроме всего прочего, «различием во времени и способах прикармливания, в различии веками сложившихся традиций и обычаев ухода за детьми, в различии условий труда русской

крестьянки и татарки». Отношение к детям в татарских семьях было более внимательное. Русские дети в сравнении с татарскими обладали наивысшей смертностью.

Так, детская смертность в Пермской губернии во второй половине XIX в. достигала 44,9 % от числа родившихся против 37,7 % в России, 27,3 % в Германии, 23,3 % в Англии и 17,8 % в Норвегии. Таким образом, в России детская смертность в полтора раза превышала смертность детей в странах Западной Европы. В Пермской же губернии умирало в полтора раза больше, чем в среднем по России, и в три-пять раз больше, чем в отдельных странах Западной Европы.

Высокая рождаемость же объяснялась тем, что в традиционном крестьянском хозяйстве благополучие семьи напрямую зависело от числа детей: чем больше детей – тем больше работников. Уже с 6–7-летнего возраста дети выполняли посильную работу: присматривали за младшими братьями и сестрами, ухаживали за скотиной, пасли гусей. Но самое главное – дети кормили своих престарелых родителей. Без детей крестьянина в старости ожидала нужда. Согласно этическим и правовым нормам сын должен был материально содержать немощных престарелых родителей, а дочь – ухаживать за ними и поддерживать их морально. Как правило, старались иметь не менее трех сыновей. Эта заповедь выразилась в поговорках: «Один сын – не сын, два сын – полсына, а три сына – сын», «Первый сын – Богу, второй – царю, третий – себе на пропитание».

Высокий уровень брачности и психологическая установка на многодетность предполагали высокую рождаемость как в целом по стране, так и на Урале.

Развитие модернизационных процессов в Пермской губернии в пореформенный период было неравномерным, и в силу этого изменение в размещении и составе крестьянского населения не было одинаковым.

Среди сельского населения губернии выделялось горнозаводское, сельскохозяйственное и смешанное (горнозаводское и сельскохозяйственное) население. Основная часть крестьянства размещалась в местах, благоприятных для ведения хозяйства, а также вблизи уездных городов и крупных заводских центров.

Социальная структура населения Урала в конце XIX в. выглядела следующим образом: крестьяне насчитывали 7 902,3 тыс. чел. (80,4 %), горнозаводское население – 1 млн чел. (10,2 %), военные – 366,0 тыс. чел. (3,7 %), дворяне – 55,4 тыс. чел. (0,6 %), духовенство – 36,6 тыс. чел. (0,4 %), купцы – 12,7 тыс. чел. (0,1 %), мещане – 412,8 тыс. чел. (4,2 %), прочие – 36,0 тыс. чел. (0,4 %). Таким образом, производительным трудом было занято большинство населения Урала (91 %). Сельское хозяйство давало средства существования 80,5 % населения, лесные промыслы (в том числе охота и рыболовство) – 1 %, от фабрично-заводской и горнозаводской промышленности имели заработки 9,5 % населения.

Урал был полиэтничным и поликонфессиональным регионом. По данным переписи 1897 г. среди населения Урала русских было 7 013 тыс. человек (71,4 %), башкир – 1 254 тыс. (12,8 %), татар – 450 тыс. (4,6 %), удмуртов – 407 тыс. (4,1 %), марийцев – 241 тыс. (2,5 %), коми-пермяков – 66 тыс. (0,7 %), украинцев – 47 тыс. (0,4 %), других национальностей – 164,8 тыс. человек.

Природные условия Пермской губернии не создавали препятствий для общения представителей разных народностей, а наоборот, содействовали установлению близких хозяйственных и культурных связей между ними. Ассимиляционные процессы, как правило, более интенсивно проходили среди близко проживающих народов, исповедовавших мусульманство, – башкир и татар Осинского и Красноуфимского уездов.

Основными религиозными конфессиями в крае были православие, ислам и язычество.

Поведение русских по отношению к другим народам всегда характеризовалось их восприимчивостью к чужому наследию. Как правило, под словом «мы» русские (в особенности крестьяне) понимали не только этнически чистых русских, но и соседей, если они подчинялись русскому царю.

Основными критериями национальности, господствовавшими в сознании русского народа, являлись принадлежность к православию и подчиненность православному русскому царю. Разумеется, отношения между народами не всегда были идил-

лическими, но в принципе они строились на основе добрососедства и партнерства. Экономическая выгода и христианское миссионерство в российской экспансии были выражены намного слабее, чем в политике стран Западной Европы. В Российской империи нерусские народы жили бок о бок с русскими, контактировали и оказывали взаимное влияние друг на друга.

§ 5. Благотворительность

Конец XIX – начало XX вв. считается золотым веком меценатства в России. Это было время экономического подъема, а технологическая революция влекла за собой изменения в стиле жизни, в культурном сознании. Общее ускорение темпов развития привело к необычайному взлету общественной активности, что нашло отражение в политической жизни (образовалось много политических партий), в культуре (возникли новые стили и направления, новые философские концепции). Рубеж XIX–XX вв. является периодом расцвета благотворительности.

Эти явления были характерны и для провинции. Во многих городах России, в том числе и Урала, на средства благотворителей возводились храмы, строились школы, гимназии, училища, открывались приюты, больницы, богадельни. В конце XIX в. активно создавались благотворительные организации.

На всю Россию гремели имена известных филантропов и меценатов С. Мамонтова, С. Дягилева, С. Третьякова, К. Солдатенкова, С. Морозова, династии Бахрушиных, Щукиных, Рябушинских, Гучковых, Третьяковых и др. На Урале были свои известные благотворители: Н. В. Мешков, П. Н. Серебренников, В. М. Насонов. Во многих купеческих семьях традиционного тратили огромные средства на благотворительность, достаточно вспомнить такие известные уральские династии, как Грибушины, Каменские, Любимовы и др.

Истоки благотворительности уходят в давние времена. Впервые о благотворительности на Руси упоминается в связи с именем Великого князя Владимира Святославича «Красное солнышко». После Крещения Руси по его указу повсеместно стали

воздвигаться христианские храмы, и на содержание духовенства была назначена десятая часть княжеских доходов. Много заботился Владимир о больных и бедных. Он созывал на княжеский двор, кормил всех пришедших, а для тех, кто был не в состоянии прийти, развозили еду по город.

Вплоть до XIII–XIV вв. о благотворительности говорится лишь при упоминании Великих князей. Появление монастырей в XIII в. (в Новгороде и его окрестностях в XIII в. было основано 17 монастырей) и резкое увеличение их числа в XIV в. привело к тому, что они стали центрами благотворительной деятельности. Знатные люди жертвовали деньги монастырям, которые уже непосредственно помогали нищим, бедным. Основанный в 1479 г. Иосифо-Волоцкой монастырь в год жестокого неурожая кормил из своих запасов сотни и тысячи крестьян. Для гибнущих от голода детей в монастыре было организовано нечто вроде приюта. Сохранились сведения о пожертвованиях, сделанных Новодевичьему монастырю Василием III в 1523 г. суммой в 3 тыс. руб. (320 кг серебра), Борисом Годуновым также в сумме 3 тыс. руб. в период с 1603 по 1604 г.

С XVIII в. все больше людей стремилось осуществлять пожертвования самостоятельно, без помощи церкви.

Большая роль в развитии благотворительности в XVIII в. принадлежит Екатерине II. 1 сентября 1763 г. она издала приказ о постройке в Москве первого воспитательного дома. Синод объявил подписку на сбор средств от частных лиц. Первый взнос сделала сама Екатерина, внесшая 1 тыс. руб. Вскоре аналогичные воспитательные дома стали появляться в провинции. В 1775 г. по приказу Екатерины II были созданы специальные приказы общественного призрения.

Благотворительность в России XIX в. продолжала активно развиваться. В первой половине XIX в. стали создаваться благотворительные организации. Наибольшую известность получили те из них, что относились к Ведомству учреждений Императрицы Марии. Так, в 1856 г. Ведомство курировало 365 учебных и благотворительных заведений.

В середине XIX в. идея активного участия в деле благотворительности распространялась сначала в столичных, а затем

в провинциальных дворянских салонах. Представители наиболее известных богатых семей стали создавать благотворительные общества. Княгиня Т. В. Голицына учредила в 1837 г. первое благотворительное общество, жена московского генерал-губернатора С. С. Щербатова основала в 1844 г. Дамское попечительство о бедных, невестка казанского генерал-губернатора А. И. Стрекалова в 1863 г. создала благотворительное Общество поощрения трудолюбия.

В конце XIX – начале XX в. необычайный взлет общественной активности, часть которой была направлена на благотворительность, и экономическое развитие России привели к созданию большого количества благотворительных организаций. С 1861 г. до конца XIX в. в России было основано 95 % всех благотворительных обществ и 82 % благотворительных заведений. Посредством этих организаций и осуществлялась помощь нуждающимся. Например, в 1886 г. «Пермский комитет по призрению и разбору нищих» предложил гражданам Перми перестать подавать милостыню, а оказывать помощь нуждающимся через комитет, который сам распределял средства. Таким образом, благотворительные организации XIX – начала XX в. выполняли функцию, схожую с функцией церкви в XIV в.

Из истории благотворительности видно, что в основе этого явления лежат чувства милосердия и сострадания. Такие чувства присущи всем людям независимо от их происхождения, социального положения. Этим объясняется то, что благотворительность была характерна для разных социальных слоев.

Как уже сказано выше, благотворительностью занималось большинство правителей России, начиная от Владимира «Красное солнышко». Этот список пополняют такие имена, как Ярослав I Владимирович «Мудрый», Изяслав I Ярославич, Всеволод I Ярославич, Владимир Мономах, Иван Грозный («Во время приступов болезни он много молился, раздавал щедрые милостыни, приказывал кормить нищих и пленных»). Благотворительность была характерна и для императорского дома Романовых. Сохранились сведения о пожертвованиях, сделанных Екатериной I, Елизаветой Петровной и др. В конце XIX – начале XX в. Романовыми содержалось большое число приютов, боль-

ниц, богаделен. Существовали специальные общества (например, Императорское человеколюбивое общество), которые покровительствовали благотворительным заведениям и были организованы по инициативе Марии Федоровны Романовой.

Высшие, средние, низшие слои общества также делали пожертвования на благотворительные цели. Следует отметить, что в конце XIX – начале XX в. к традиционным кругам благотворителей (аристократия, дворянство) добавился новый круг – купцы, предприниматели. И если благотворительность дворянского сословия стала уходить на второй план (во многом в связи с разорением дворянских семей), то благотворительная деятельность буржуазии достигла небывалого расцвета.

Часто при изучении архивных материалов в подписных листах среди крупных пожертвований главы города, почетных граждан города, купцов можно увидеть также как мелкие, так и крупные пожертвования крестьян.

Соответствие благотворительности разным социальным слоям объясняет разнообразие ее форм. Можно выделить четыре основные формы: денежная (ценные бумаги, деньги, золото), вещественная (здания, книги, одежда, церковная утварь, стройматериалы), продуктовая, услуги (оказание помощи, бесплатное лечение и пр.).

Вторая форма благотворительности особенное распространение получала во время войн, бедствий (пожаров, наводнений). Крестьяне, рабочие, мелкие чиновники, испытывая желание помочь, но не имея возможности дать деньги, жертвовали одежду, теплые вещи, предметы быта и продукты. Примерами пожертвований в Перми в виде зданий служат дом А. С. Любимовой, переданный музею, здания Н. В. Мешкова, предоставленные для университета.

Четвертая форма была более распространена в селах, деревнях. Например, избы, бани чаще всего ставились всем народом. Одному человеку это было не по силам, а денег нанять помощников не было. Но эта форма не была присуща только низшим слоям. П. Н. Серебренников, известный пермский врач, часто бесплатно лечил пациентов. Кроме того, во время Первой ми-

ровой войны императрица Александра с дочерьми были сестрами милосердия, оказывали непосредственную помощь раненым.

Важно отметить, что огромное значение имели семейные традиции и религиозное воспитание. Неслучайно многие жертвователи были из старообрядческих семей. Всеми членами семьи Любимовых традиционно на благотворительность ежегодно тратились немалые суммы. В семье известных паромщиков Каменских было принято отмечать коммерческий успех, обращая часть доходов в благотворительные пожертвования. Распространенным явлением было оставлять по своему завещанию часть своих средств на благотворительные нужды. Это было присуще многим купеческим семьям, например, Базановым, Насоновым, Губкиным и др. Следование семейным традициям можно считать одним из мотивов благотворительности.

Мотивы благотворительности – один из самых интересных и спорных вопросов. Их можно условно разделить на внешние (социально стимулируемые) и внутренние (субъективные).

К первым относятся льготы, которые давала благотворительная деятельность. Это и расширение сословных прав, в том числе личного и потомственного дворянства, присвоение почетных званий. Известный деятель Перми И. И. Любимов за благотворительную и коммерческую деятельность получил звание коммерции советника, ордена Владимира III и IV степени, Станислава II степени, Анны III степени, две золотые медали, знаки Красного Креста. В экономике при прочих равных условиях благотворители могли получать более выгодные подряды. Это было неписаное правило, но действовало оно неукоснительно.

Вторая группа мотивов более обширна и многообразна. Во-первых, как уже было сказано, огромное влияние оказывали традиции семьи и религиозное воспитание. Во-вторых, одним из мотивов можно считать желание сблизиться с культурными, творческими людьми, приобщиться к творческой богеме. Издание журналов и газет, организация выставок, финансовая поддержка театров в некоторой степени подтверждают эту мысль. Наиболее точно это подметил известный художник А. Бенуа, говоря о Николае Рябушинском: «Пусть провинциал, пусть

и примитив, пусть многое в нем напоминало персонажей Островского, все же я не мог не проникнуться симпатией и своего рода почтением к этому купчику-меценату, из всех сил пытающегося выползти из того состояния, которое ему было определено классом, средой, воспитанием, и проникнуть в некую “духовную зону”, представляющуюся ему несравненно более возвышенной и светлой».

В-третьих, сострадание к крестьянам, рабочим и к людям, которые их окружали. Об этом писала М. К. Тенишева в «Книге воспоминаний»: «Кто же, как не они, дали этим деятелям, да и мне с мужем, благосостояние? Кто от этих тяжелых трудов, пота, мозолей получал львиную долю? Конечно, мы все. И что было дано этим немым, безымянным труженикам взамен пролитого пота, утраченных сил, преждевременной старости? Да, в этом пекле и стуже жили живые люди, которым надо было помочь».

В-четвертых, благотворительность была одним из способов «сохранить себя во времени», то есть оставить свое имя в истории России, создать что-либо, носящее твое имя.

В-пятых, благотворители получали удовольствие от своей деятельности, чувство удовлетворения, возникавшее, когда все сделано. «Не могу описать, какое высокое благодатное чувство порождало во мне сознание выполненной задачи», – отмечала М. К. Тенишева.

Перечисленные мотивы благотворительности являются наиболее распространенными.

Семьи, занимавшиеся благотворительностью в Пермской губернии

Многовековая история и традиции благотворительности показывают, что издавна филантропия играла большую роль в жизни русского общества. В конце XIX – начале XX в. она приобретает все большие масштабы. Пожертвования направлялись на различные цели. Их можно условно назвать традиционными объектами благотворительности. К ним относятся:

1) культурно-просветительские объекты (музеи, школы, библиотеки);

- 2) бытовые объекты (больницы, ночлежки, приюты, богадельни, родильные дома);
- 3) культовые объекты (церкви, монастыри, храмы);
- 4) научные объекты (развитие науки, организация экспедиций, создание лабораторий);
- 5) поддержка талантов;
- 6) увеселительные мероприятия (народные гуляния, фейерверки);
- 7) развитие государственной инфраструктуры (железные дороги, вокзалы, мосты).

Названные традиционные объекты благотворительности были характерны для всей России. Пермская губерния не являлась исключением. Изучение направлений частных пожертвований позволяет оценить масштаб благотворительной деятельности в Пермской губернии.

Как правило, одни и те же благотворители направляли средства на разные цели одновременно – на строительство школ, открытие больниц и т. д. Ярким тому примером служит деятельность семей Каменских, Любимовых, Грибушиных, Губкиных, Кузнецовых.

Семья Каменских уникальна. Сама история их возвышения, обогащения таит в себе немало тайн и загадок. Как крепостным удалось создать миллионное состояние? Почему они тратили огромные суммы на благотворительность? Эти вопросы вызывают большой интерес.

Братья Федор и Григорий Козьмичи Каменские были крепостными крестьянами графа Голицына, которые своей смекалкой и умом заработали миллионное состояние. Начали они с извоза товаров, имея несколько лошадей. Первые прибыли дали возможность откупиться от крепостной зависимости и переехать в Пермь. В 1859 г. братья построили буксирный пароходик «Работник», а спустя шесть лет у них было целое пассажирское пароходство. Удивительно, что за такой короткий срок они смогли заработать столько денег. Исследователи отмечают, что Каменские обязательно делали пожертвования с каждого заработанного денег. Первая прибыль, полученная с парохода, пошла на покупку здания для Мариинской женской гимназии в Перми,

позднее на их деньги был построен дом для убежища детей бедных. «За дела их воздаст им Бог» – так говорили простые люди о богатстве Каменских. Не жалели Каменские денег для других, постоянно тратили средства на благотворительность.

На средства Каменских активно велось и культовое строительство. Известно, что они внесли 8 тыс. руб. на строительство Воскресенского храма в Перми, который был заложен в 1863 г. в память об освобождении крестьян от крепостного права. Здание было построено по проекту губернского архитектора Г. П. Летучего и поражало всех своими размерами и красотой. Стояло оно на ул. Вознесенской – перекрестке современных улиц Луначарского и 25-го Октября. Здание взорвали в 1938 г. и окончательно уничтожили в 1940 г.

Спустя десять лет, в 1873 г. на средства братьев Каменских заложена церковь во имя Святого Николая Чудотворца при Пермском пересыльном арестантском замке на ул. Сибирской. И эту церковь постигла печальная участь: ее разрушили при перестройке здания в Театр кукол в 1950-е гг.

Наконец, главное дело жизни братьев Каменских – строительство комплекса Успенского женского монастыря – начало осуществляться в 1875 г., когда было получено высочайшее соизволение на открытие в Перми женской общины. Сразу после этого на средства Каменских началось строительство жилых и служебных помещений монастыря. Каменские обеспечили монастырь первичным капиталом в 50 тыс. руб. В начале XX в. Успенский монастырь представлял из себя огромный комплекс с громадным и прекрасным Успенским храмом, с деревянной церковью во имя Святых Жен-мироносиц, с Казанской церковью, на фасаде которой были расположены уникальные фрески, выполненные Н. Рерихом, В. Васнецовым.

В монастыре проживало 200–300 монахинь. При нем были курсы по изучению разных ремесел, а также сельскохозяйственное училище, где готовили специалистов по цветоводству и сельскому хозяйству. Перед зданием училища был разбит большой цветник, и здесь всегда можно было купить букет цветов. Монахини не только искусно делали букеты, но и прекрасно шили модные платья для богатых дам города. Федор и Григорий

Козьмичи были погребены на старом кладбище. А в память о семье Каменских в 1905 г. сын Григория Козьмича Иван построил церковь Казанской Божией Матери, которая до сих пор служит напоминанием об этой удивительной семье, где каждый коммерческий успех отмечали пожертвованиями.

Славилась своей благотворительностью и *семья Любимовых*. Известно, что они особое внимание уделяли просвещению, развитию культуры. Так, Иван Иванович Любимов, пермский судостроитель, промышленник, владелец солеварни и содового завода в Березниках, пожертвовал свой каменный двухэтажный дом, расположенный на Воскресенской площади, под Алексеевское реальное училище (в настоящее время в этом здании находится Пермский авиационный колледж). Первоначальный вклад составил 15 тыс. руб., и в течение пяти лет И. И. Любимов обязался выделять на содержание училища по 2 тыс. руб. ежегодно. Многое он сделал и для пермского Богородицкого губернского приюта. А в 1874 г. И. И. Любимов организовал строительство каменного здания для театра. Благодаря его инициативе удалось собрать около 100 тыс. руб., из них 14 тыс. руб. внесла семья Любимовых. Почти ни одно крупное строительство или мероприятие не обходилось без их пожертвований. Так, брат И. И. Любимова Михаил Иванович уступил свой дом для помещения Торговой школы (сейчас гимназия № 17) за 40 тыс. руб., из которых пожертвовал школе 25 тыс. руб.

Отметим, что в династии Любимовых успешными предпринимателями были не только мужчины, но и женщины, которые также много внимания уделяли благотворительности. Например, Анна Степановна, мать И. И. Любимова, пожертвовала городу двухэтажный каменный дом по Петропавловской улице, где разместился Научно-промышленный музей, а усилиями Елизаветы, жены И. И. Любимова, был открыт вдовый дом, где вдовам предоставлялась бесплатная квартира с отоплением и освещением.

Все представители семьи Любимовых состояли попечителями учебных и богоугодных заведений Перми. Неслучайно за свою деятельность Любимовы получили столько наград. Напомним, что И. И. Любимов имел звание коммерции советника,

орден Владимира III и IV степени, Станислава II степени, Анны III степени, две золотые медали, знаки Красного Креста и др.

Многое было сделано и династией кунгурских купцов *Губкиных* и их наследниками *Кузнецовыми*. Так, в 1877 г на пожертвования известного предпринимателя, владельца фирмы, торговавшей чаем, Алексея Семеновича Губкина было сооружено Кунгурское техническое училище. Устройство этого здания, внутренняя обстановка и обеспечение капиталом на будущее стоили А. С. Губкину 1 млн руб. Благодаря его пожертвованиям в Кунгуре были благоустроены Предтеченская и Тихвинская церкви. А. С. Губкин жертвовал также большие средства на содержание кунгурских Успенской и Скорбященской церквей и женского монастыря. Алексей Григорьевич Кузнецов, внук А. С. Губкина, ежегодно выделял на содержание Елизаветинской рукодельной школы 1 тыс. руб. На его средства был построен Никольский храм.

Вышеприведенные факты подчеркивают значение семейных традиций.

Традиционные объекты благотворительности на примере Пермской губернии

Если рассматривать благотворительную деятельность в Пермской губернии по направлениям, также можно привести много примеров.

Культурно-просветительские объекты

Во второй половине XIX в. – начале XX в. резко увеличилось количество образовательных учреждений. Многие в этом направлении делали земство, но следует учитывать и значение благотворительной деятельности. Большинство пожертвований шло именно на учебные заведения (гимназии, училища, школы). Покровительство очень часто оказывалось на протяжении нескольких лет. Например, в 1901 г. в Перми появилась Торговая школа. В течение 15 лет Александр Павлович Гаврилов оказывал ей активную поддержку. На его деньги были оборудованы кабинеты химии и физики, приобретены пишущие машинки.

Кроме того, школе помогал А. П. Кропачев: известно его пожертвование в размере 1 тыс. руб.

Пермские предприниматели, понимая значение образования, охотно жертвовали на строительство гимназий, училищ.

Одним из хороших школьных зданий в Перми являлось городское четырехклассное училище, которому было присвоено название Екатерино-Петровского. Оно было построено на средства, пожертвованные пермским купцом И. И. Базановым (100 тыс. руб.), и открыто 8 сентября 1903 г. Помещалось оно на Екатерининской улице, между проспектом и Оханской улицей (ныне между Комсомольским проспектом и ул. Газеты «Звезда»). При нем находилось столярно-токарное отделение.

Некоторые культурно-просветительные объекты, построенные на пожертвованные средства, носили имя благотворителя. Например, Нассоновское училище, построенное в 1911 г., было так названо в честь В. М. Нассонова, оставившего по завещанию капитал г. Перми. Оно располагалось на углу улиц Малой Ямской и Обвинской (ныне угол улиц Малой Ямской и 25 Октября) в каменном двухэтажном здании.

Значим и тот факт, что первый на Урале университет появился благодаря активному содействию известного пермского благотворителя Н. В. Мешкова. В 1916 г. он бесплатно на десять лет предоставил здания для размещения университета и пожертвовал 500 тыс. руб. Он приобрел также в Уфимской губернии оз. Аккуль, чтобы основать на нем университетскую Южно-Уральскую рыбоводную школу.

Пермские деятели наравне с учебными заведениями уделяли большое внимание организации библиотек и музеев. Следует особо отметить известного пермского врача П. Н. Серебренникова. В 1896 г. при его участии была организована библиотека – читальня им. Д. Д. Смышляева. Для открытия библиотеки в с. Архангельском Соликамского уезда П. Н. Серебренников пожертвовал 2 780 руб., на улучшение работы библиотеки Пермского университета он пожертвовал 1 тыс. руб., а в 1916 г. передал в дар более 300 книг.

Другой известный пермский деятель, краевед Ф. А. Теплоухов стоял у истоков образовавшегося в 1890 г. Пермского

научно-промышленного музея. Став его почетным членом, Ф. А. Теплоухов передал музею значительную часть археологических коллекций, начало собраний которых положил его отец. Активную поддержку музею оказывали братья Каменские, Н. В. Мешков, И. В. Розанов, А. Е. Тупицын и др. Помощь музеям выражалась не только в пожертвованиях деньгами, но и в передаче в собственность музея коллекций, экспонатов.

Бытовые объекты

Наиболее обширная группа традиционных объектов благотворительности – бытовые объекты. Большое значение уделялось призрению детей: строились приюты, детские сады, приюты-ясли. 3 ноября 1863 г. Дамским попечительством о бедных в Перми было открыто Убежище детей бедных, которое существовало и в начале XX в.

В марте 1882 г. Ф. и Г. К. Каменские приобрели на свои средства каменный двухэтажный дом с флигелем на углу улиц Покровской и Верхотурской (ныне угол улиц Ленина и Николая Островского) и пожертвовали его для помещения убежища детей бедных. На их деньги дом был заново перестроен. В деле внутреннего благоустройства убежища много было сделано А. Г. Семеновской, супругой управляющего Пермским отделением Госбанка. Спустя пять лет, в 1887 г., убежище перешло во владение Императорского Человеколюбивого общества и находилось под покровительством императрицы Марии Федоровны. Часто в убежище выдавали пособие бедным деньгами и вещами. А позднее, в 1889 г., были открыты ремесленные классы с четырехлетним курсом обучения столярно-токарным и переплетно-фулярным специальностям.

В истории призрения детей в г. Перми большую роль сыграл Пермский губернский детский приют, который был открыт 1 мая 1850 г. Образование сиротского капитала в 1863 г., куда все желающие могли вложить свои средства, позволило расширить приют. Особенно большую материальную помощь приюту оказала Е. И. Любимова, вдова советника коммерции И. И. Любимова, которая была попечителем приюта более 25 лет. Известно, что она в 1876 г. пожертвовала в пользу приюта 5 тыс. руб. В 1887 г. Анна Любимова пожертвовала 2 тыс. руб. на покупку

земельного участка и на открытие ремесленных мастерских при приюте. Годом ранее, в 1886 г., произошло открытие двухэтажной каменной пристройки к приютскому зданию, расположенному по Кунгурской улице (ныне Комсомольский пр.). В этой пристройке размещались ремесленные классы. Воспитанницы стали заниматься рукоделием, шитьем и стиркой белья.

В 1896 г. приступили к постройке каменного двухэтажного корпуса. В нем 24 января 1899 г. были открыты кулинарные и прачечные классы. В кулинарном классе обучались и посторонние, желающие научиться кулинарному искусству. При классе существовала столовая, где ежедневно отпускались обеды.

Известны приюты, которые носили имя своих покровителей. В 1886 г. в Кунгуре был открыт «Михайло-Кирилловский сиропитательный дом» для призрения и воспитания беднейших детей-сирот города. Дом носил имена основателей: купцов Михаила Грибушина и Кирилла Хлебникова, пожертвовавших дому более 17 тыс. руб. каждый. Кроме того, для этого сиротского дома М. Грибушин построил на свои средства каменное здание с мастерскими. По завещанию, оставленному М. Грибушиным, дому передавалось еще 125 тыс. руб.

15 декабря 1891 г. в г. Камышове екатеринбургским купцом 1-й гильдии М. Ф. Рожновым был основан приют, носящий его имя. На строительство М. Ф. Рожнов пожертвовал 70 тыс. руб. Этот приют располагался в здании Камышловского уездного попечительства, и в нем находились на полном содержании 52 ребенка.

А. С. Губкин в память своей дочери Елизаветы учредил «Елизаветинский дом призрения бедных детей в Кунгуре». Для обучения в него принимались только девочки. Сначала этот приют и женская школа размещались при местном женском монастыре, но затем для них был выстроен трехэтажный каменный дом. А. С. Губкин обеспечил содержание этого учреждения на будущее взносом капитала 230 тыс. руб. и выдачей каждой девице при выходе замуж 100 руб. и приличного приданного.

Строительство приютов велось активно по всей Пермской губернии.

В 1894 г. по решению четырех волостей в с. Боярском Шадринского уезда был учрежден приют для крестьянских сирот. В нем проживали 39 сирот, которые обучались грамоте, ремеслу, огородничеству, садоводству, ведению домашнего крестьянского хозяйства.

Год спустя населением Иващенской, Кривской и Сухринской волостей был учрежден сельский приют в селе Канашском для крестьянских детей. При приюте была открыта богадельня для престарелых и увечных крестьян. Всего в приюте проживали 24 сироты, в богадельне – 11 взрослых.

1 ноября 1909 г. на седьмой версте от Перми по Сибирскому тракту была основана ремесленно-земледельческая колония и при ней земская школа. В ней призревалось до 20 детей.

Наравне с приютами создавались приюты-ясли.

В 1899 г. г-жой Ададуровой в Перми был основан приют-ясли, который разместился в конце Петропавловской улицы в собственном доме. Этот дом был построен на средства Городской думы, Губернского и Уездного земств и Е. И. Любимовой. Дети воспитывались в приюте до восьми лет, затем отдавались в Марие-Магдалинский или Рождество-Богородицкий приюты. Число находящихся там детей колебалось от шести до двадцати. Плата с приходящих взималась от 1 руб. до 1 руб. 50 коп. в месяц. В пользу приюта приносили старые вещи. При доме имелся огород, за которым ухаживали все дети. В приюте содержалось 75 % круглых сирот и 25 % полусирот; из них 60 % крестьян, 30 % мещан и 10 % детей из прочих сословий.

В 1899 г. открылись приюты-ясли в Солдатской слободке и на Слудке. А 1 октября 1908 г. был открыт приют-ясли имени Григорьева, основанный в доме Григорьева, завещавшего свой дом и капитал городу на устройство приюта.

Среди бытовых объектов пожертвования делались также на дома призрения, ночлежные дома, столовые-чайные.

В 1895 г. П. Н. Серебренникову удалось добиться открытия двух дешевых столовых для народа, где можно было получить обеды за 6–12 коп.

Для призрения вдов на средства известной благотворительницы Е. И. Любимовой был построен в 1906 г. на Слудской

площади двухэтажный каменный дом (сейчас на этом месте находится стадион «Энергия»). Здесь бедные вдовы с детьми получали бесплатно хорошую квартиру с готовым освещением и отоплением. За два года в этом доме разместились 33 вдовы.

В 1914 г. был открыт ночлежный дом в память Е. И. Мешковой. Это обширное каменное помещение со всеми новейшими улучшениями было построено на средства Н. В. Мешкова.

Культовые объекты

Глубокая религиозность русских людей проявлялась в том, что издавна на строительство храмов, церквей, монастырей жертвовались большие средства. При возведении культовых сооружений частные пожертвования играли огромную роль. Строительство церквей велось чаще, чем храмов и соборов, именно поэтому сведений о пожертвованиях на церкви сохранилось больше всего.

Множество храмов по всей России, по всему Уралу создавались на пожертвования. Яркий тому пример – строительство Белогорского Свято-Николаевского мужского монастыря в 120 км от Перми, Успенского женского монастыря в Перми, церковей Перми, Кунгура, Соликамска, Осы и других городов.

Научные объекты

На научные объекты пожертвования делались нечасто. Это объясняется прежде всего тем, что в провинции научная деятельность только начинала развиваться. С 1901 г. Н. В. Мешков финансировал первые научные экспедиции для изучения края, а также экскурсии для студентов. Сборник научных работ «Материалы по изучению Пермского края» был выпущен также на средства Н. В. Мешкова. Еще один выпуск был издан на деньги, полученные от наследников А. Г. Каменского.

Важным событием в истории Перми было открытие Научно-промышленного музея, которое стало возможным благодаря пожертвованиям.

Поддержка талантов

Данных о меценатстве в Пермской губернии сохранилось немного. Известно, что А. Г. Каменский поддерживал художника А. Н. Зеленина. В 1886 г. на свои средства А. Г. Каменский отправил его в Петербург и регулярно высылал деньги на со-

держание. Благодаря этому А. Н. Зеленин имел возможность обучаться в гимназии и в Академии художеств. А. Г. Каменский оплатил также поездку художника во Францию, где тот работал в частной академии Жюльена и посещал занятия в Академии живописи и скульптуры.

Н. В. Мешков оказывал поддержку другому художнику – А. К. Денисову-Уральскому. 26 декабря 1900 г. в особняке Н. В. Мешкова открылась персональная выставка художника «Урал в живописи». Она была организована всецело благодаря помощи мецената. Известно также, что Н. В. Мешков регулярно покупал картины уральских художников.

Любопытны и другие факты. Так, пароходчики Ржевины по просьбе Общества любителей живописи, ваяния и зодчества бесплатно возили желающих писать летние этюды. А торговец Досекин продавал членам Общества кисти и масляные краски по заниженной цене.

Развитие государственной инфраструктуры

Сведения о пожертвованиях на строительство государственных железных дорог, мостов, вокзалов встречаются крайне редко.

Известно, что на средства графа П. П. Шувалова и наследников А. Н. Демидова, князя Сан-Донато, в 1900 г. была построена Лысьвенская ветвь Пермь-Тюменской железной дороги, а в 1908 г. – Салдинская на Салдинские заводы.

На деньги А. П. Кропачева была устроена телеграфная линия в г. Осе.

Следует отметить, что подъем промышленности на рубеже XIX – XX вв. стимулировал развитие железнодорожного и водного транспорта. Появлялось все больше частных веток железных дорог, частных пароходных фирм. Процессы, характерные для всей России, находили отражение и в Пермской губернии. Среди транспортных фирм г. Перми наиболее известны были пароходства Любимовых, Каменских, Мешкова и др.

Финансовая поддержка военных кампаний

Пожертвования на поддержку военных кампаний часто велись по подписным листам. В Пермском архиве сохранились документы, содержащие сведения о пожертвованиях «на приоб-

речение судов добровольного флота, находящегося под покровительством Его Императорского Высочества Государя Наследника Цесаревича». В подписном листе 1878 г. значилось 256 человек, а общая сумма пожертвований составила 126 руб. 45 коп. Сумма отдельных пожертвований колебалась от 25 коп. до 5 руб. В мае этого же года был составлен другой подписной лист, в котором указывались уже крупные суммы частных пожертвований (от 100 руб.). Например, шадринские купцы Н. В. Протопов, М. А. Андриянов, Е. П. Чечкенов, Е. А. Шишкин внесли по 100 руб.; крестьяне д. Мальцево К. Г. Чердаков – 50 руб., А. П. Сидунов – 25 руб., П. К. Корнилов, Д. Е. Прусов – 10 руб.

Подписной лист июня 1878 г, составленный в г. Кунгуре, содержит сведения о еще более крупных пожертвованиях (от 100 руб. до 200 руб.). В этом списке было 99 человек, и общая сумма составляла 3 318 руб. Например, А. Г. Губкин внес 1 тыс. руб., Г. К. Кузнецов – 500 руб., И. И. Грибушин, Г. Т. Ковалев – 200 руб. и т. д.

Сохранились свидетельства и об отдельных пожертвованиях. В марте 1905 г. от крестьян Филатовской волости было внесено в пользу раненых и больных воинов 151 руб. 34 коп., на усиление военного флота – 200 руб.

10 апреля 1905 г. сестра милосердия К. Н. Оглобина передала Красному Кресту 4 тыс. руб. и разрешила устроить на свой дом с постройками по улице Спасской в г. Перми лотерею в 10 тыс. руб.

Все это свидетельствует о том, что пожертвования на поддержку военных кампаний делались весьма активно.

Итак, рассматривая примеры частных пожертвований, можно сделать несколько интересных выводов. Большое число примеров пожертвований свидетельствует о том, что благотворительная деятельность была распространена и занимала особое место в жизни крупных деятелей России вообще и Пермского края в частности. Пожертвования делались по различным направлениям. Но большинство средств шло на бытовые и культурно-просветительские объекты.

Процессы, происходившие в России на рубеже XIX–XX вв., по-разному проходили в провинции и в столичных городах. Интересно проследить, в чем проявлялись эти отличия.

Сравнивая благотворительную деятельность в провинции и в столицах, можно отметить, что меценатство получило наибольшее развитие именно в столичных городах. И хотя примеры меценатства существовали и в провинции, но их было намного меньше. Это объясняется тем, что талантливые люди, как правило, стремились перебраться в столицы.

Примеров направления средств на научные объекты в провинции немного. Несмотря на то, что научная деятельность велась, она была не столь активной и разнообразной, как в столице.

Однако на культовое строительство (строительство церквей) в провинции расходовалось больше средств. Возможно, это связано с тем, что в столицах не было такой необходимости, так как существовало и так много церквей и храмов, и само строительство было гораздо проблематичнее: требовалось большое количество разрешений и согласований, наблюдался недостаток земельных площадей, затраты были намного больше.

Несмотря на отдельные отличия благотворительности в провинции и в столичных городах, в целом для провинции были характерны те же процессы, что происходили по всей России, а именно – расцвет благотворительной деятельности.

Благотворительные организации и их деятельность

Благотворительная деятельность на рубеже XIX–XX вв. была характерна не только для частных лиц, но и для организаций. Начало XX в. ознаменовалось всплеском общественной активности, которая отразилась и в создании большого количества различных благотворительных организаций. Это хорошо прослеживается на местном уровне: в 1903 г. в Перми насчитывалось 48 благотворительных обществ и учреждений.

На страницах «Пермских губернских ведомостей» и других местных газет постоянно публиковались сообщения о благотворительных мероприятиях, проводимых обществами: лотереях, ярмарках, концертах, спектаклях, подписных кампаниях.

Следует отметить, что в начале XX в. в России не было единого органа, который координировал и контролировал работу общественных организаций. Благотворительные общества относились к различным ведомствам. Большинство Пермских обществ состояло в ведении Министерства внутренних дел, другие были приняты в Ведомство Императрицы Марии Федоровны, Императорского Человеколюбивого общества, Красного Креста, Домов трудолюбия или принадлежали церкви. Все эти структуры существовали независимо, но сферы их деятельности пересекались и дублировали друг друга. Чтобы яснее представить себе картину общественной благотворительности в Перми, лучше рассматривать организации по группам.

Общества, заботившиеся о детях-сиротах и нищих

Основной целью этого типа обществ было оказание помощи детям нищих, сиротам. Деятельность обществ проявлялась в открытии и содержании ночлежных домов, богаделен, приютов, бесплатных столовых, в выдаче пособий, в оказании бесплатной медицинской помощи.

10 июля 1862 г. было создано *Дамское попечительство о бедных*. Его деятельность выразилась в открытии в 1863 г. Убежища детей бедных, которое располагалось в доме Городской думы. К 1 января 1866 г. в нем находилось 95 человек.

Дамским попечительством были открыты также Дом неизлечимо больных и престарелых женщин, две церковно-приходские школы с ремесленными классами, столовая дешевых обедов, детский приют. Попечительство выдавало пособия бедным – как постоянные, так и единовременные, определяло бедных мальчиков и девочек в школы, обеспечивало нуждающихся одеждой, оказывало бесплатную медицинскую помощь, бесплатный отпуск лекарств из аптеки, помогало в поиске работы.

Попечительство существовало на пособия Городской и Земской управ, членские взносы и пожертвования частных лиц, средства от благотворительных мероприятий, проводимых обществом. Так за период с 1861 по 1887 г. доход от проведения спектаклей и концертов составил 11 353 руб., от лотерей – 30 255 руб., частные пожертвования составили 72 956 руб. При этом основу доходов общества составляли пожертвования част-

ных лиц. Активно делались пожертвования недвижимостью. За годы существования попечительства наибольшие вклады были сделаны А. Ф. Струве, Ф. и Г. К. Каменскими, П. Н. Серебренниковым, семьей Любимовых.

Осенью 1880 г. образовался *Пермский комитет по разбору и призрению нищих*. В состав этого комитета вошли владелец заводов П. Д. Демидов, управляющий пермским отделением Госбанка П. И. Семеновский, протоирей П. И. Попов, купцы А. П. Кропачев и Н. П. Вилисов. Основными задачами комитета являлись: разбор нищих, преследование попрошайничества, оказание помощи бедным, распределение сирот в приюты, стариков в богадельни. Средства комитета составляли взносы частных лиц и общественных организаций.

В 1880 г. комитетом в Перми была организована дешевая столовая, а спустя два года открыт ночлежный дом на сто человек. Естественно, что зимой количество ночующих удваивалось. За предоставленный кров и пищу здоровые люди должны были заниматься общественно полезным трудом: убирать улицы, колоть дрова и т. п.

В 1886 г. комитет обратился к гражданам с просьбой не подавать нищим милостыню на улицах, а складывать в специальные кружки, расставленные по городу. Нищим было запрещено просить подаяние, а предложено обращаться за помощью в комитет. За 1886 г. в кружки было опущено 150 руб., а уже в 1889 г. кружечный сбор составил 3 028 руб. 76 коп. Разбор нищих и заседания комитета проходили в помещении Общества Стефана Великопермского. Еженедельно комитет выдавал пособие беднейшим горожанам. Так, в 1889 г. единовременные пособия были выданы 305 нуждающимся на общую сумму 1 455 руб. 45 коп. Выдавались также ежемесячные пособия.

Пермское *Общество пособия бедным и призрения их в ремесленно-земледельческих колониях* параллельно с образованием давало своим подопечным трудовое воспитание. В 1903 г. это общество сняло дом в деревне близ Перми, где поселилось 20 беспризорников. Через несколько лет колония получила землю в 6 верстах от Перми, около с. Бахаревского. На 36 десятинах земли разместилась земледельческая колония, где основное

внимание уделялось огородничеству и молочной ферме. В 1913 г. в приюте содержались 50 детей. При колонии существовали столярная и сапожная мастерские, пасаека, скотный и птичий двор, оранжерея.

В декабре 1911 г. возникло *Городское попечительство о бедных*. Тогда Пермь была разделена на девять участков, в каждом были открыты участковые попечительства о бедных. Особенную активность их деятельность приобрела в 1912 г. Некоторые из попечительств открыли бесплатные столовые для бедных, оплачивали завтраки в начальных школах для бедных учащихся.

Общества помощи учащимся

Почти при каждом учебном заведении существовало общество вспомоществования нуждающимся учащимся, которое оказывало помощь в оплате обучения, в снабжении пищей и одеждой, способствовало оказанию медицинской помощи, назначению денежных пособий, содействовало в трудоустройстве на время учебы.

Благодаря Т. Д. Анастасьевой было основано «*Общество для доставления квартир ученицам женской гимназии*», которое приобрело в 1883 г. дом по ул. Петропавловской для общежития при Мариинской женской гимназии. Летом 1912 г. была открыта дача-колония для воспитанниц гимназии, отличающихся слабым здоровьем и не имеющих средств жить на даче.

Общество вспомоществования недостаточным воспитанникам Духовной семинарии образовалось в апреле 1884 г. Его деятельность состояла в выдаче постоянных и временных пособий нуждающимся. В 1898 г. было выдано 81 пособие на общую сумму 1 236 руб. 27 коп. Средства общества составляли членские взносы, деньги, оставленные по духовным завещаниям (например, по завещанию Георгия Некрасова – 150 руб. в 1900 г.). Для привлечения средств использовались подписные листы.

Общество вспомоществования нуждающимся учащимся Пермского Духовного училища было открыто 2 февраля 1901 г. Его деятельность заключалась в бесплатной выдаче книг и учебных пособий, предоставлении квартиры, одежды, пищи, в оказании

нии медицинской помощи, выдаче денежного пособия, оплате обучения некоторых учеников. В 1910 г. общество опубликовало отчет, в котором подводились итоги десятилетней деятельности. К этому времени в обществе состояли 16 членов. Согласно отчету, за десять лет на оказание материальной помощи учащимся было потрачено 1 641 руб. 61 коп., на взносы на содержание учеников в общежитии училища – 278 руб. 40 коп., на оплату обучения – 367 руб. 50 коп., на вспомоществование бедным ученикам – 284 руб. 19 коп.

Подобные общества были открыты и при других учебных заведениях города: 20 августа 1900 г. – при Александровской женской гимназии, 25 мая 1906 г. – при Алексеевском реальном училище.

Существовали такие общества и при частных учебных заведениях: при мужской прогимназии Э. В. Циммермана, женской гимназии Л. В. Барбатенко, учительской женской семинарии.

В 1905 г. было открыто *Общество помощи низшим народным школам*. Согласно Уставу, общество могло оказывать помощь бедным ученикам при их хорошем прилежании. Эта помощь проявлялась в плате за обучение, бесплатной выдаче учебников, снабжении одеждой, обувью, пищей, в организации приюта неимущим ученикам, оказании бесплатной медицинской помощи. Общество выдавало пособия на устройство школьных праздников, экскурсий, летних колоний.

Пять лет спустя, в 1910 г., было основано *Общество содействия начальному образованию* – создатель общедоступной библиотеки и бесплатных детских игровых площадок. Уже в 1911 г. в состав общества входили 229 членов. Среди почетных членов – Н. В. Мешков, В. М. Шулепов, П. В. Нассонов и А. Д. Нассонова, Пермское губернское земство, Уездная и Городская управы, Мещанское общество, Взаимное страховое общество. Средства общества составляли членские взносы, ассигнования общественных учреждений, частные пожертвования, доходы от беспроигрышных лотерей и проведения платных вечеров.

Общество устраивало детские праздники под девизом «Кончил дело, гуляй смело», проводило педагогические выставки во время рождественских каникул (в 1911 г. их посетили

3 тыс. человек), вело работу по созданию музыкального кабинета, кабинета наглядных пособий, занималось обеспечением бесплатных квартир для учащихся Кирилло-Мефодиевского училища, выдавало пособия на приобретение одежды и обуви бедным ученикам Кирилло-Мефодиевского училища, организовывало экскурсии, а также обеспечивало приезжающих в Пермь на экскурсии бесплатными квартирами.

Особенно большая работа велась по организации и проведению детских праздников и экскурсий. Например, в 1912 г. были следующие экскурсии: на водяную мукомольную мельницу в д. Субботино, на стекольный завод В. А. Попова на ст. Сылва, на Мотовилихинский и Добрянский заводы, а также просто выезды на природу. В этом же году для окончивших начальную школу был организован праздник на р. Данилихе.

Важнейшими мероприятиями общества были: открытие в 1912 г. бесплатной детской библиотеки и организация бесплатных смешанных вечерних классов для взрослых.

В 1912 г. возникло *Общество помощи студентам-пермякам*, выдававшее денежное пособие нуждающимся.

Благотворительное общество «Русское зерно» именно в Перми стало впервые заметным явлением. Это общество содействовало «молодым людям в приобретении сельскохозяйственных знаний и приемов путем практического обучения их у лиц, занимающихся сельским хозяйством и кустарными промыслами, как в России, так и за границей».

Общество «Светлая юность», основанное в 1912 г., содействовало умственному, нравственному и физическому воспитанию детей школьного и дошкольного возраста. Его председателем была избрана О. М. Варфоломеева.

Были определены следующие направления работы:

- культурно-просветительское (организация занятий, лекций, ученической библиотеки-читальни, ученического хора, оркестра, проведение спектаклей, концертов, организация экскурсий, собирание коллекций, образование групп по интересам);
- оздоровительное (катание на лыжах, коньках, прогулки, сооружение ледяных гор, катков, купален, создание гимнастических залов, дач-колоний).

Средства общества составляли членские взносы, общественные ассигнования, плата учащихся в детском саду, пожертвования частных лиц, сбор от гуляний, спектаклей, летней площадки. Организация гуляний приносила обществу немалый доход. Согласно отчету общества, в 1912 г. было устроено несколько гуляний и вечеров в пользу общества, на которых были показаны спектакли.

В 1912 г. в Губернском земском саду была устроена летняя площадка, в этом же году открыта библиотека-читальня учебных пособий и создан Флебелевский детский сад на 34 места, в котором уделялось внимание изучению Ветхого завета, немецкого языка, окружающей среды, заучивались стихи, рассказы, гимн, давали уроки ручного труда. В зимнее время устраивался каток.

Общества призрения инвалидов, больных

Деятельность этих обществ заключалась в открытии больниц, амбулаторий, в заботе о больных. Некоторые общества вели активную пропаганду борьбы с различными заболеваниями.

В 1887 г. П. Н. Серебренников основал *Общество помощи слепым*, которое собрало значительные средства и построило двухэтажное здание для училища. Училище слепых и приют престарелых слепцов были основаны в 1890 г. Средства общества составляли пособия от Пермского губернского земства, церковно-кружечный сбор, членские взносы, частные пожертвования, сборы от спектаклей, концертов. Среди пожертвований много было сделано вещами, продуктами.

В 1908 г. было организовано *Общество попечения о глухонемых*, открывшее школу в Перми.

После того как в городах прошли акции «Белый цветок», был открыт *Пермский отдел Всероссийской лиги борьбы с туберкулезом*. Им была открыта амбулатория для слабогрудых и предрасположенных к туберкулезу.

В 1913 г. начало свою деятельность отделение *Общества для борьбы с заразными болезнями*, которое занималось открытием и содержанием амбулаторий.

В 1893 г. П. Н. Серебренников организовал *Общество бесплатной библиотеки-читальни* и был его председателем.

С 1908 г. оно стало *Обществом Народного дома*. При обществе существовали библиотека-читальня, воскресная школа, работали драматический, лекционный кружок и др. Благодаря Народному дому была организована воскресная школа в помещении Екатерино-Петровского четырехклассного городского училища, открылись постоянные народные чтения в Первом городском четырехклассном училище, в Ольгинской начальной церковно-приходской школе на Горках. Эти чтения были приурочены к юбилеям М. В. Ломоносова, И. С. Никитина. Народный дом открыл библиотечные филиалы в Старой слободке, на Соликамской улице. Общество проводило различные благотворительные мероприятия, организовывало сбор пожертвований в пользу голодающих. Средства в фонд общества поступали от общественных организаций и от частных лиц, по подписным листам, а также от народных гуляний в пользу Народного дома.

22 марта 1897 г возникло *Пермское общество попечения о лицах, освобождаемых из мест заключения*. Задачей общества было обеспечить освобождающихся честной работой, тем самым оградить их от новых преступлений. Общество выдавало пособия арестантам, оказывало материальную и нравственную поддержку, организовывало праздники, бесплатные обеды. Был открыт Дом труда, в котором женщины шили белье, а мужчины осваивали столярные и токарные ремесла. Доходы общества состояли из частных пожертвований, членских взносов и взносов от общественных организаций, от продажи изделий Дома труда.

Подобное общество существовало при Александровской земской больнице. Его целью было обеспечить работой выздоровевших больных, оказавшихся в затруднительном материальном положении. Это общество послужило основой для создания в октябре 1904 г. *Общества трудовой помощи*. Оно взяло под свою опеку Дом трудолюбия и помогало встать на ноги работоспособному, но впадшему в безысходную нужду человеку. Дом трудолюбия предоставлял желающим несложную работу. При нем было открыто бюро по найму (биржа труда). В 1912 г. дом трудолюбия был переведен в трехэтажный каменный дом. Средства дома составляли пожертвования, членские взносы, доход от вечеров и главным образом доход от заработков работающих.

Мужское и женское отделения дома были изолированы. При доме трудолюбия находились белошвейная, переплетная, сапожная, столярная мастерские, а также черное отделение, где трепали мочало, пеньку для канатов и пакли, делали швабры и венники. Особенно много работающих было зимой. Среди рабочих встречались лица со средним и даже высшим образованием.

Существовало *Общество народной трезвости*, созданное по инициативе А. Н. Славянова. Общество организовывало и проводило народные чтения и беседы, распространяло медицинскую литературу, занималось устройством пяти чайных, народных читален, лечебных учреждений для алкоголиков.

Губернский комитет попечительства о народной трезвости, созданный в 1895 г., имел под своим покровительством различные общества борьбы с пьянством, расположенные в разных частях Пермской губернии и районах г. Перми. Одним из таких обществ было *Мотовилихинское общество борьбы с пьянством*, организованное в 1894 г. Мотовилихинское общество открывало народные читальни (в 1899 г. их посетил 1 271 человек), чайные, проводило в Театральном садике народные гуляния, на которых играл оркестр военной и приютской музыки, ставило любительские спектакли. Особенно активно велась работа по проведению народных гуляний. Считалось, что, организовывая досуг рабочих, общество тем самым отвлекает их от пьянства. В 1899 г. было 17 гуляний, их посетили 11 477 человек.

Церковно-приходские попечительства

Цель попечительств составляла забота о прихожанах. Нуждающимся выдавали пособия, для нищих организовывали бесплатные обеды (особенно во время церковных праздников), для детей устраивали бесплатные елки, праздники. При попечительствах открывались школы.

В декабре 1889 г. было открыто *Рождество-Богородицкое церковно-приходское попечительство*, которое ежегодно в первый день Святой Пасхи устраивало разговение для 500 бедных. При этом попечительстве существовали детская летняя колония, народная столовая с дешевыми обедами. В Богородицкой школе ежегодно устраивались дни благотворительности, когда ученицы раздавали в виде подарков семьям пермских бедняков свои

изделия. При школе был организован Богородицкий приют для детей восьми-десяти лет, потерявших родителей. Обучение в школе было бесплатным, так как все расходы взяло на себя попечительство.

Попечительство занималось также устройством школьных праздников, детских утренников. Нуждающимся прихожанам выдавались ежемесячные пенсии, единовременные пособия, деньги, лекарства. Средства попечительства состояли из членских взносов, доходов от церковно-кружечного сбора, частных пожертвований, пособий от Святого Синода, Пермского уездного епархиального училища, Городской управы и т. д.

В 1893 г. было учреждено *Петро-Павловское церковно-приходское попечительство*. Оно содержало бесплатную библиотеку-читальню и одноклассную школу, которая располагалась на Городских Горках, организовывало новогодние елки, загородные прогулки для учеников школы, устраивало народные чтения в здании Петропавловского училища, оказывало помощь бедным. Существовал фонд для выдачи пособий. При школе были организованы бесплатные квартиры. Был создан Фонд по благоустройству Старого кладбища. Средства попечительства составляли частные пожертвования, кружечный сбор в Петропавловском соборе и в почтово-телеграфной конторе, пособия от общественных организаций (Пермской городской управы, Правления Общества потребителей служащих Пермской железной дороги).

Общества, помогавшие представителям отдельных профессий

Общества подобного типа образовывались по профессиональному признаку. Они оказывали помощь своим членам, выдавая ссуды, пособия, помогая найти работу.

Общество взаимного вспоможения приказчиков образовалось в 1883 г. Основными направлениями деятельности общества являлись: выдача ссуд (от 25 до 100 руб.), денежных пособий; оплата обучения детей членов общества; выдача пособий на похороны, по болезни и безработице; оплата бесплатных обедов; оказание помощи в поиске места службы членам общества; оказание бесплатной медицинской помощи П. Н. Серебренниковым

членам общества. При обществе существовала бесплатная библиотека, организовывались катание на пароходе, танцевальные вечера, рождественские елки для детей. На средства общества содержалась Торговая школа. Средства складывались из членских взносов, частных пожертвований, дохода от проведения благотворительных мероприятий.

Голод в 1890-е гг. привел к образованию продовольственного комитета, который открыл две бесплатные столовые, приют для престарелых и убогих. Позднее комитет преобразовался в *Благотворительное общество Юговского завода*. Деятельность общества заключалась в содержании богадельни, открытой в январе 1896 г., выдаче материальных пособий рабочим Юговского завода и т. д. Средства общества составляли годовые пособия от В. И. Захаровского, от Пермского уездного земства, Общества народной трезвости, частные пожертвования, членские взносы, сборы от спектаклей, кружечный сбор.

Существовали в Перми также *Общество взаимного вспомоществования тружеников печатного дела*, основанное в 1901 г., и *Общество вспомоществования учащимся и учившим в низших учебных заведениях* Пермской губернии. Они выдавали пособия и ссуды нуждающимся членам Общества. Эти пособия носили целевую направленность, например, на лечение, на обучение детей, на приобретение квартиры. Фонды обществ пополнялись за счет членских взносов, пожертвований, процента с капитала и т. д.

Таким образом, в Перми в конце XIX – начале XX в. существовало большое количество разнообразных благотворительных организаций. Общества охватывали различные сферы, но главной целью являлась помощь нуждающимся.

Следует отметить, что в начале XX в. частные пожертвования постепенно уступают место деятельности благотворительных организаций.

В других районах Урала наблюдалась похожая картина.

Итак, имеющиеся данные позволяют сделать вывод, что в конце XIX – начале XX в. в Пермской губернии наблюдается расцвет благотворительности. Активно делаются пожертвования

частными лицами, появляются новые благотворительные организации, активизируется деятельность ранее созданных обществ. Благотворительные организации давали возможность приобщиться к делам милосердия самым широким слоям населения.

Процессы, происходившие в Пермской губернии на рубеже веков, были характерны для всей России.

Благотворительная деятельность преследовала единую цель на общегосударственном и местном уровне – улучшение жизни общества. Поэтому благотворительность в губерниях имела большое значение, так как она решала социальные вопросы (проблемы) на местах.

Значение благотворительности было огромным. Были сохранены многие культурные и исторические ценности. Оказывая поддержку художникам, писателям, поэтам, актерам, музыкантам, меценаты способствовали развитию культуры. Благотворители выступали за развитие науки и просвещения населения России, так как на их средства строились школы, учебные заведения, открывались библиотеки и т. д. Благодаря их деятельности улучшались условия жизни крестьян, рабочих. Благотворители регулярно направляли деньги на содержание больниц, ночлежных домов, богаделен, приютов и т. д.

Важно и то, что своей деятельностью благотворители показывали, как можно достойно тратить деньги. И довольно часто их примеру следовали всё новые и новые предприниматели. Но главное значение благотворительности в том, что она поддерживала и развивала те сферы жизни общества, которым государство не уделяло должного внимания. Благотворительность не потеряла своей актуальности и в наши дни. И сейчас существуют сферы жизни общества, которые нуждаются в поддержке.

Раздел IV

КУЛЬТУРА УРАЛА В XVII–XIX ВЕКАХ

Развитие культуры Урала на протяжении XVII–XIX вв. характеризовалось сложным взаимодействием и взаимообогащением русской национальной культуры и культур местных народов. С другой стороны, на протяжении всего этого периода, особенно в эпоху промышленной революции, происходят качественные изменения, которые были предопределены общим развитием, усложнением хозяйственной жизни и общественных отношений.

§ 1. Просвещение

До начала русской колонизации большинство народов Урала (манси, ханты, коми-пермяки, удмурты и др.) не имели собственной письменности. Башкирские и татарские муллы и часть представителей национальной верхушки были знакомы с арабской грамотой, а с XV–XVI вв. и с грамотой языка тюрки, на котором велась официальная переписка в Башкирии.

С началом русской колонизации на Урал проникает русская грамота, которая стала распространяться и среди местного населения. Еще в XIV в. миссионер Стефан Пермский создал так называемую древнепермскую азбуку для народа коми (зырян), до того не имевшего своей письменности. С помощью ее на коми язык был переведен ряд богослужебных книг, велась пропаганда христианства. Вероятно, пермская грамота имела некоторое распространение и среди коми-пермяков. Хотя древнепермская письменность не получила широкого распространения, она, несомненно, имела прогрессивное знание.

В течение XVI–XVII вв. число грамотных на Урале возрастало, главным образом среди посадских людей. Но среди крестьянского населения грамотность была ничтожной. Неграмотным оставалось и подавляющее большинство нерусского населения края.

В Башкирии в XVII в. уже существовали религиозные школы. Это мектебе (начальные школы) и медресе (школы повышенного типа). Обучение в них находилось в руках мусульманского духовенства и носило схоластический характер. Но они так или иначе способствовали распространению грамотности.

Первые русские школы в крае появились лишь в начале XVIII в. Уже в 1709 г. Петр I, направляя в Невьянск «Память Никите Демидову», наряду с прочими распоряжениями предписывал ему «устроить деткам школу». В «статьях», данных Петром I верхотурскому воеводе А. Калитину, предусматривалось создание училища «где бы градских людей отроков учить... дабы положили первое основание своего жития», чтобы «молодые ребята» обучались «кузнечным, оружейным, плотничьим, столярным делам». В 1718 г. или в 1719 г. при Далматовском монастыре было открыто училище для детей церковнослужителей и монастырских крестьян, преобразованное впоследствии в славяно-латинское. В 1723 г. в Соликамске была открыта «цифирная школа», правда, просуществовавшая очень недолго.

С возникновением на Урале горной промышленности появилась и потребность в специалистах горного дела. В. Н. Татищев, прибывший сюда в качестве начальника горных заводов, добился от Берг-коллегии разрешения на открытие горнозаводских школ. Первые из них были открыты в 1721 г. при Уктусском и Алапаевском заводах и в Кунгуре. В Уктусе и Кунгуре были открыты словесные школы, в которых обучали чтению и письму, и арифметические школы, где учили арифметике, геометрии и основам горного дела, в Алапаевске – только словесная школа. В 1723 г. Кунгурская и Уктусская арифметические школы были переведены в Екатеринбург, положив начало Екатеринбургской горной школе. Учебные заведения создавались горным начальством в прагматических целях: в них должны были обучаться дети «заводских людей», а дети крестьян, за очень редким исключением, в них не принимались.

В 1737 г. на Урале уже насчитывалось десять горнозаводских школ, в которых обучалось 654 ученика. Особое место в их ряду занимала Екатеринбургская школа, превратившаяся к кон-

цу 30-х гг. XVIII в. в крупное по тому времени профессиональное учебное заведение, в котором насчитывалось до 300 учеников. Школа выпустила немало специалистов не только для уральских заводов, но и для заводов Сибири и Алтая. Из ее стен вышли талантливый изобретатель И. И. Ползунов и др.

Таким образом, на Урале в первой половине XVIII в. была создана достаточно развитая система профессионального образования. Но во второй половине столетия в связи с передачей многих заводов в частные руки число школ горного ведомства и количество учащихся в них сократились.

Кроме горнозаводских в крае было создано еще несколько школ других типов. В их числе открытая в середине столетия первая частная школа на демидовском Нижне-Тагильском заводе, готовившая конторский и технический персонал. В 1738 г. в Уфе была создана школа «для обучения иноверцев русскому языку». Создание таких школ имело целью воспитание башкирской и татарской молодежи в духе преданности самодержавию, но объективно они играли прогрессивную роль, поскольку распространяли грамотность среди нерусских народов. Небольшое количество удмуртских детей обучалось в так называемых новокрещенских школах. В 1775 г. казанский епископ Пуцек-Григоревич составил на основе кириллической графики первую азбуку и грамматику удмуртского языка. В конце века на удмуртском языке вышло несколько книг, главным образом богослужебных. Протоиерей пермского Петропавловского собора о. Антоний (Антон Иванович Попов) в 1785 г. составил «Краткой Пермской словарь с российским переводом...». К сожалению, этот первый коми-пермяцкий словарь не был издан и распространялся в рукописях.

Потребности развития страны заставили правительство Екатерины II провести в 80-х гг. XVIII в. некоторые мероприятия в области народного просвещения. Однако власти на местах, в ведении которых по положениям губернской реформы 1775 г. находилось дело образования, часто проявляли опережающую инициативу. Так, 4 апреля 1783 г. Пермский приказ общественного призрения во исполнение «предложения» наместника Е. П. Кашкина принял решение устроить в городе Российскую

градскую Пермскую школу. Школа в Перми открылась одновременно с подобным учебным заведением в Петербурге – за шесть лет до того, как эта практика была распространена на всю страну.

В соответствии со школьным уставом в 1786 г. пермская школа была преобразована в главное народное училище. Подобные училища были открыты в Вятке, Уфе (в 1797 г. уфимское училище было переведено в Оренбург), а малые народные училища – практически во всех уездных городах. Главные училища были четырехклассными. Большинство учащихся составляли дети солдат, унтер-офицеров, купцов, мещан, заводских мастеровых и крепостных «вотчинных слугителей». Немногочисленное дворянство края предпочитало не отдавать своих детей в эти школы, а крестьянские дети попадали в них исключительно редко.

По Уставу учебных заведений, подведомственных университетам 1804 г. были созданы учебные округа, центры которых находились в университетских городах. Территория Урала вошла в состав Казанского учебного округа. Новый устав предусматривал открытие школ трех ступеней: приходских училищ, которые должны были «приготовить юношество для уездных училищ и доставить детям земледельческого и других состояний сведения, им приличные», уездных училищ и гимназий, преследовавших цель не только подготовить молодых людей для поступления в университеты, но и дать им законченное образование, «необходимое для благовоспитанного человека».

Главные народные училища были преобразованы в гимназии (в Перми гимназия была открыта в 1806 г., в Вятке – в 1811 г., в Уфе – в 1828 г.), большинство малых училищ – в уездные. В 1800 г. в Перми и Уфе были открыты духовные семинарии – средние учебные заведения, призванные готовить из детей священнослужителей кадры для церкви. Далеко не все воспитанники семинарий, особенно в 40–50-х гг., избирали духовную карьеру. Многие становились учителями, чиновниками, продолжали образование в университетах.

В первой половине XIX в. начала развиваться и сеть мусульманских духовных школ – мектебе и медресе. К середине

столетия в Башкирии их насчитывалось уже более 300. Открывались также школы других типов. В 1822 г. в Оренбурге открылось военное училище, преобразованное впоследствии в Неплюевский кадетский корпус, в котором обучались и дети башкирской, татарской и казахской знати. Открывают свои школы Министерство государственных имуществ, Удельное ведомство. Казачье войско открывает начальные гарнизонные школы и войсковые училища почти во всех крепостях и укреплениях. Некоторое количество школ создается на частных горных заводах и в помещичьих имениях Демидовых, Строгановых, Лазаревых и др. В них обучались дети крепостных слуг и мастеровых, занятия вели педагоги, бывшие в большинстве также крепостными. Перед своими школами владельцы ставили весьма ограниченные задачи обслуживания вотчин. «Образование народа необходимо для совершенства механических искусств», – так писал автор «Краткой истории Нижне-Тагильских заводов», составленной в 1837 г.

Появились и первые женские учебные заведения. В 1824 г. в Перми было открыто девичье училище для обучения питомиц воспитательного дома. В 1832 г. в Оренбурге открылось девичье училище, преобразованное впоследствии в Институт для воспитания благородных девиц, в 1840 г. в Екатеринбурге – Благородный женский пансион, в 1842 г. в Перми – частный пансион для благородных девиц М. Курвуазье. Вскоре при некоторых приходских училищах стали открываться отделения для девочек, появилось даже несколько женских приходских училищ. Конечно, они не могли решить проблему женского обучения, ибо были слишком малочисленны.

В 1860 г. в крае усилиями прогрессивной интеллигенции появились первые женские средние учебные заведения: училища Ведомства Императрицы Марии 1-го разряда в Перми и 2-го разряда в Екатеринбурге. В 1871 г. пермское шестиклассное Мариинское женское училище было переименовано в Мариинскую женскую гимназию с открытием при ней седьмого класса.

По инициативе общественности было открыто несколько школ для взрослых. Например, члены Пермского революционно-демократического кружка, которым руководил А. И. Икон-

ников, открыли в 1860 г. несколько воскресных школ в Перми. Делались попытки открыть такие школы и в других городах и на заводах. Однако воскресные школы, пользовавшиеся большой популярностью, были очень быстро закрыты властями.

В первой половине XIX в. в крае начали возникать библиотеки. Еще в 1802 г. в Екатеринбурге главной конторой Екатеринбургских заводов была открыта библиотека, обслуживавшая чиновников горного и других ведомств. В 1831 г. губернским статистическим комитетом была открыта первая библиотека в Перми, с 1835 г. ставшая общедоступной. В 1835 г. врач Чудиновский и учитель Кошкарев организовали библиотеку в Сарапуле. В 1837 г. была создана публичная библиотека в Вятке. К середине XIX в. общедоступные библиотеки появились в Ирбите, Кунгуре, Нижнем Тагиле, Кушве и др.

В конце 50-х гг. представители местной либеральной интеллигенции и революционных кругов открыли несколько частных библиотек, имевших важное культурно-просветительное значение. В феврале 1859 г. члены Пермского кружка А. И. Иконников и А. Г. Воскресенский основали библиотеку, целью которой было «доставить лицам всех состояний возможность читать лучшие из всех вновь выходящих сочинений на русском языке за самую умеренную плату». В ней имелись такие передовые журналы, как «Современник», «Отечественные записки», «Искра».

Были попытки организовать подобные библиотеки и в других местах. Летом 1859 г. пермский либерал Д. Д. Смышляев и краевед А. Н. Зырянов создали библиотеку в с. Иванищевском Шадринского уезда. Основную массу ее читателей составляли государственные крестьяне. Тогда же А. А. Красовский открыл частную библиотеку в Вятке. Возникали библиотеки и на Южном Урале.

Ретроградская политика правительства в области просвещения началась со времен министерской реформы, но особенно усилилась после 1825 г., когда вслед за восстанием декабристов правительство стало осуществлять серию мероприятий, которые должны были ограничить народное просвещение прикладными и идеологическими рамками. Еще в 1819 г. попечителем Казан-

ского учебного округа был назначен ретроград М. Л. Магницкий, который сосредоточил основное внимание на усилении религиозной стороны преподавания. «Главным основанием» при подборе учителей стало их «христианское благочестие». С конца 20-х гг. правительство начало открывать церковно-приходские училища, особенно много их было после 1848 г. К 1860 г. в Пермской губернии их насчитывалось уже 129, преподавание в них находилось лишь на уровне освоения первичной грамоты. Горнозаводские школы были низведены до уровня общеобразовательных. Только с 1848 г. под давлением требований времени система горнозаводского образования была несколько усовершенствована (заводские школы, окружные училища и школа повышенного типа – Уральское горное училище, открытое в 1863 г.).

Особенно ограничены в вопросах получения образования были нерусские народы края. Если дети феодальной верхушки и получали образование в целом ряде учебных заведений (для детей башкирской знати в первой половине XIX в. были даже открыты вакансии в Казанском университете и других высших учебных заведениях), то детям рядовых мусульман было практически невозможно пробиться даже в начальную школу.

Несмотря на все препоны, в народной среде Урала росла тяга к знаниям. В некоторых местах крестьяне открывали школы на свой счет. Крепостные работники добивались для своих детей лучших школ и лучшего преподавания. В 1856 г. 160 мастеровых Уинского завода подали прошение, в котором, указывая на плохое обучение в заводской школе, писали: «Вероятно, господа заводчики рассчитывают более на то, что из мрака невежества более могут извлечь пользы для собственных интересов, чем при свете лучшего просвещения».

Уровень начального образования в крае, бывший к моменту реформы 1861 г. чрезвычайно низким, в 60-х гг. еще больше понизился в связи с тем, что министерства финансов и государственных имуществ, так же как и частные владельцы горных заводов, не считая себя обязанными расходовать средства на обслуживание вышедшего из крепостной зависимости населения, закрыли часть принадлежавших им школ. Но, уступая неотлож-

ным требованиям жизни, правительство все же было вынуждено приступить к школьной реформе. В 1864 г. было утверждено Положение о начальных народных училищах, согласно которому целью начальной школы являлось «распространение первоначальных полезных знаний» и «утверждение в народе религиозных и нравственных понятий». Этим обуславливалась и школьная программа: закон божий, чтение церковной и гражданской печати, церковное пение и четыре действия арифметики. В 1875 г. из огромного Казанского учебного округа был выделен Оренбургский в составе Вятской, Оренбургской и Пермской губерний.

Царское правительство, проводя реформу, стремилось всяческими способами отстранить общество от участия в школьном деле, но этого в полной мере сделать не удалось. В 70-х гг. в Пермской и Уфимской губерниях земские школы становятся основной формой начального образования. В Оренбургской губернии значительное количество школ было открыто казачьим войском. Общество несло львиную долю расходов по организации народного образования. В Пермской губернии в 1871 г., несмотря на то что затраты на народное образование относились к «необязательным», они распределялись следующим образом: 64,8 % этих расходов несли земства; города – 7,8 %; сельские общества – 12,9 %; заводоуправления и частные лица – 14,2 %, а государственное казначейство выделяло лишь 0,3 %.

Земства старались сочетать общее образование с профессиональным: они открывали при народных школах ремесленные классы и даже специальные ремесленные училища. Так как народных школ было явно недостаточно, многие земства открывали школы грамотности (пункты домашнего обучения). В связи с ростом тяги к знаниям с 80-х гг. в некоторых городах, селах и заводских поселках края стали вновь открываться воскресные и повторительные школы.

Земская школа по постановке учебного дела была лучшей, чем все другие типы начальных училищ. В земских школах работало много учителей-энтузиастов, вышедших из кругов передовой интеллигенции. В эпоху контрреформ правительство обрушило на эти школы, казавшиеся ему слишком

прогрессивными, ряд репрессий, подвергло их придирчивому и мелочному контролю, а в 1884 г. издало новое положение о церковноприходской школе, в котором она стала рассматриваться как основная школа в сельской местности. Новые школы отныне разрешалось открывать только духовенству, а ряд земских школ был закрыт. Церковноприходские школы, количество которых стало заметно расти с конца 80-х гг., были самыми бедными по материальному обеспечению и убогими по уровню преподавания.

Количество школ в крае за вторую половину XIX в. значительно выросло, увеличилось и количество учащихся. В это время в Уфимской губернии было открыто 746 начальных школ (в их числе было 25 % министерских школ, 42 % земских и 33 % церковноприходских), в Оренбургской – 925 (22 % министерских, 49 % войсковых, 29 % церковноприходских), в Пермской губернии число начальных школ (русских) с 248 в 1871 г. увеличилось до 1 011 в 1901 г. Однако подавляющая масса населения, особенно сельского, оставалась неграмотной. В 1897 г. процент грамотных составлял: в Оренбургской губернии 20,4 %, в Пермской – 19,2 %, в Уфимской – 16,7 %. Эти губернии по уровню грамотности соответственно занимали 25-е, 28-е и 40-е места среди 50 губерний Европейской России.

Особенно было обездолено в смысле образования нерусское население края. Проводя политику русификации, царское правительство стремилось направить его образование по желательному для себя пути, который определяли «Правила о мерах к образованию населяющих Россию инородцев», изданные в 1870 г. В них утверждалось: «Конечной целью образования всех инородцев, живущих в пределах нашего отечества, бесспорно, должно быть обрусение и слияние их с русским народом». В марийских, мордовских, чувашских школах на Урале обучение строилось по системе, разработанной ярым реакционером профессором Казанской духовной академии Н. И. Ильминским. Согласно этой системе в основу воспитания полагались догматы церкви и проповедь православия. Но, реакционная в целом, эта система имела и некоторые положительные стороны: она способствовала распространению грамотности, приоб-

щала к русской культуре, поскольку преподавание в течение первых двух лет велось на родном языке. С конца столетия система была распространена и на коми-пермяцкие школы края. Появились первые учебники на коми-пермяцком языке (букварь Е. Е. Попова и др.). Русско-башкирские и русско-татарские школы, которые усиленно насаждались царизмом во второй половине XIX в. и преподавание в которых велось только на русском языке, тоже способствовали распространению русской грамоты, но усиленная русификаторская политика в Башкирии вызывала сопротивление введению этих школ.

Народные школы зачастую находились в тяжелом материальном положении. Большинство их размещалось «в наемных квартирах», нередко в обычных крестьянских избах. Даже в Пермской губернии, где земства уделяли особое внимание строительству школьных зданий, только 40 % их удовлетворяло предъявляемым требованиям, общая кубатура классных помещений в губернии была почти в половину меньше установленной санитарными нормами. Школы были недостаточно обеспечены учебниками, наглядными пособиями и т. п.

В связи с ростом потребности в образованных людях и квалифицированных специалистах на Урале ширилась сеть средних учебных заведений. В крае имелось пять мужских гимназий: Пермская, Оренбургская, Уфимская, Троицкая и Екатеринбургская. Число учащихся в них было незначительным и росло очень медленно: в 1876 г. обучалось 1 422 человека, в 1900 г. – 1 778 человек. Сравнительно либеральный устав гимназий 1864 г. формально разрешил принимать в классические гимназии детей всех сословий «без различия звания и вероисповедания», но фактически доступ детям неимущих слоев закрывала высокая плата за обучение, и большинство учеников составляли дети дворян и чиновников. Так, за 25 лет (с 1875 по 1900 г.) дети дворян в среднем составляли: в Пермской гимназии 60 % общего числа учащихся, в Уфимской – 63 %, в Екатеринбурге – 54 %. Введение реакционного Устава 1871 г., позорный «Циркуляр о кухаркиных детях», утвержденный министром просвещения мракобесом И. Д. Деляновым, непомерный рост платы за обучение – всё это почти совершенно закрыло для де-

тей из низов общества двери гимназий. Гимназии давали недостаточные знания в области точных наук. После введения Устава ухудшилась постановка преподавания, поскольку в нем выдвигалась в качестве основной цели обучения выработка «дисциплины ума».

Другим типом среднего учебного заведения были реальные училища, образованные по Уставу 1871 г. из так называемых реальных гимназий. Они должны были давать образование, «приспособленное к практическим потребностям и к приобретению технических познаний», и в них больше внимания уделялось точным наукам. Доступ в университеты для реалистов был закрыт, в специальные высшие учебные заведения – ограничен. В крае были открыты реальные училища в Перми, Екатеринбурге, Красноуфимске, Сарапуле. Они создавались по инициативе торгово-промышленных кругов и содержались главным образом за счет бюджетов городов, земств и частных пожертвований. Наибольший процент учащихся в реальных училищах составляли дети «городских сословий», за ними шли дети дворян и чиновников, значительным здесь было и число детей сельской верхушки.

Некоторые шаги вперед сделало во второй половине XIX в. и среднее женское образование. В Перми, Екатеринбурге и Уфе по инициативе и за счет общественности были открыты женские гимназии, в крае было несколько женских прогимназий, программа которых соответствовала программе первых четырех классов гимназии. В гимназиях были педагогические классы, готовившие учительниц для народной школы.

Потребности развития хозяйства и культуры края вызвали к жизни ряд специальных училищ и школ. В 1862 г. в Нижнем Тагиле была открыта шестилетняя горно-реальная школа, готовившая техников и лесничих для демидовских заводов. 12 сентября 1876 г. в Перми было открыто Алексеевское реальное училище. По инициативе Н. Г. Славянова в 1896 г. при нем открыто специальное горнозаводское отделение. В 1877 г. миллионер-чаоторговец А. С. Губкин открыл техническое училище в Кунгуре, готовившее техников-механиков. В Перми в 1881 г. возникло трехклассное техническое железнодорожное училище

для подготовки кадров Уральской горнозаводской дороги. В 1884 г. было основано четырехклассное горное училище на Турьинских рудниках. Существовали оружейная школа в Ижевске, Воткинское горнозаводское техническое училище, Уральское горнозаводское училище в Екатеринбурге, открытое еще до реформы. В Уфе было создано землемерное училище. В Перми земство открыло школу ветеринарных фельдшеров. Словарь Брокгауза и Ефрона отмечает высокий уровень технической подготовки уральских профессиональных училищ, указывая, что наивысший «был достигнут в Уральском горном, Пермском реальном (на горнопромышленном отделении), Нижнетагильском горнозаводском...».

На Южном Урале было открыто несколько педагогических учебных заведений: в 1873 г. – учительский институт в Оренбурге для подготовки учителей городских школ, Благовещенская учительская семинария, Бирская «инородческая» учительская школа для удмуртов, мари и чувашей, татаро-башкирская учительская школа в Уфе, переведенная впоследствии в Оренбург. Бирская инородческая семинария и татаро-башкирская учительская школа были созданы с русификаторскими целями. Все эти учебные заведения имели более демократический состав учащихся и давали детям из необеспеченных семей некоторую возможность получить специальное образование.

В Оренбурге существовали юнкерское училище и два кадетских корпуса, в которых наряду с русскими учились и небольшое количество башкир, татар и казахов. При Неплюевском кадетском корпусе существовало отделение для подготовки переводчиков с восточных языков.

Огромный Урал требовал все больше специалистов высшей квалификации. Вопрос о создании здесь высшего учебного заведения был впервые поставлен еще в 60-х гг. известным краеведом Н. К. Чупиным. Неоднократно данный вопрос поднимался и в последующие десятилетия, но в XIX в. край так и не получил высшего учебного заведения.

Сеть общедоступных библиотек в крае начала расширяться главным образом за счет библиотек, открываемых общественными организациями и частными лицами. В 1864 г. была от-

крыта публичная библиотека при Уфимском статистическом комитете. В 1869 г. здесь же возникла частная библиотека купца Н. К. Блохина. Существовавшую в Перми еще в дореформенный период библиотеку в 1863 г. преобразовали в общественную. В городе имелось еще несколько библиотек: губернского земства, железнодорожная, статистического комитета, архивной комиссии, Смышляевская и др. Ряд библиотек был открыт в Перми частными лицами. В городе появились бесплатные библиотеки-читальни, которые усердно посещались мелкими служащими, рабочими и учащимися. Ряд крупных книгохранилищ существовал в Екатеринбурге, среди них первое место по богатству занимала библиотека Уральского общества любителей естествознания. К концу века публичные библиотеки существовали и почти во всех городах края и во многих заводских поселках. В Златоусте библиотека была создана на средства, собранные рабочими.

Библиотеки и читальни стали возникать в селах. Например, 1887 г. пермским земством были открыты народные библиотеки в селах Больше-Сосновском, Карагайском и Частинском Оханского уезда. В 1897 г. в губернии насчитывалось уже 211 народных библиотек, созданных на средства земства. Много библиотек появилось в селах Южного Урала.

Возникает книготорговля. В Перми было несколько книжных магазинов, среди них первый специализированный книжный магазин Ольги и Иосифа Петровских, открытый в 1876 г. и распространявший прогрессивную литературу. К концу столетия в Уфе существовало пять частных книжных магазинов, книжные лавки были в Стерлитамаке, Бирске, Набережных Челнах.

В последней четверти XIX в. активно развиваются такие формы просветительской деятельности, как публичные лекции, вечера народного чтения и т. п., инициаторами которых были представители передовой интеллигенции. Но власти каждый раз накладывали запрет, если личность «устроителя» вызывала у них хоть малейшее сомнение в его «благонадежности».

§ 2. Фольклор. Литература и печать

Первой формой литературного творчества народов Урала было устное фольклорное (поэтическое) творчество. В нем башкиры, коми-пермяки, удмурты и другие народы, населявшие Урал, воспевали своих героев, в нем они клеймили своих угнетателей. Распространенным видом народного поэтического творчества были легенды и предания, которые отражали не только фантастические, но и реальные события, обраставшие мифическими подробностями. Так, у коми-пермяков сложился цикл оригинальных преданий о Пере-богатыре. Зарождение этого эпоса восходит еще к первобытнообщинному строю. Одним из ранних жанров фольклора башкирского народа был кубаир – былина о подвигах батыров отдельных родов и племен. Со временем некоторые из циклов таких былин вылились в героические поэмы, являющиеся важнейшими памятниками башкирского эпоса: былина об Урал-батыре, «Заяк-Туляк и Хыу-хлы», «Бабсак и Кусяк», «Кузы-курпес и Маяк-хыу» и др.

С XV в. поток русских поселенцев привнес произведения русского фольклора, оказавшие влияние на устное творчество местного населения. В последующее время укрепление межнациональных связей сблизило поэтическое творчество разных народов края. В это время сложились предания о борьбе Перы с внешними врагами, о его помощи русскому войску, отразившие дружбу коми-пермяков и русских. Наконец, позднейшие предания о борьбе Перы со Строгановыми отобразили антикрепостническое движение в Прикамье. Легенды были распространены и среди русских. Например, среди русского населения Вишерского края бытовали сказания о богатыре Полюде. Очень широко были распространены на Урале легенды о Ермаке.

Пожалуй, самое большое место в фольклоре края занимали песни. Многообразные – обрядовые, любовные, плясовые, солдатские, разбойничьи, исторические и т. д., они были летописью народов, освещали их обычаи, верования, труд, особенности быта. Песни были самой чуткой и самой распространенной формой народного творчества. В песнях оренбургских и уральских казаков и башкир нашла широкое отражение и во-

енная служба и ее тяготы. Патриотический подъем, охвативший во время Отечественной войны 1812 г. Россию, нашел свое выражение и в песнях, сложенных на Урале русскими казаками, башкирами, коми-пермяками.

Большой популярностью пользовались песни о Ермаке, который наделен чертами борца за справедливость, о Степане Разине, а с конца XVIII в. – о Пугачеве, возникшие среди казаков, горнозаводских рабочих, башкир, удмуртов и распространившиеся по всему Уралу. Свое отражение в уральском фольклоре нашла и жизнь горнозаводского населения. Тяжелейшие условия труда на рудниках и заводах, постоянная опасность, которой подвергался горнорабочий, явления, которые он не мог объяснить, создали почву для возникновения рассказов о таинственных силах: хранителе богатств подземных недр Великом полозе, «горном хозяине» или «хозяйке». Эти рассказы переплелись с рассказами о вольных людях, народных заступниках и вылились в «тайные сказы», в которых реальное сплавлялось с фантастическим.

Народ бережно хранил свои поэтические произведения. Русские и коми-пермяцкие певцы и сказители, удмуртские гуслиеры и башкирские сэсэнны передавали их из поколения в поколение, обогащали, совершенствовали.

Уже в XVI–XVII вв. в крае сложился круг читателей, из которого выходили люди, не только переписывавшие литературные памятники, но даже создавшие оригинальные произведения. Например, в конце XVII в. из Орла-городка вышел литературный памятник, известный под названием «Сатир». Еще в первой половине XVIII в. производились записи уральского фольклора. В. Н. Татищев во время пребывания на Урале составил сборник «простонародных выражений». Отдельные произведения, записанные на Урале, вошли в известный сборник «Древние российские стихотворения», составленный в XVIII в. Киршей Даниловым. Несколько народных легенд и преданий записали участники академических экспедиций. В первой половине XIX в. в связи с повышением интереса к русскому фольклору было сделано значительное количество записей и уральского фольклора. В 30–40-х гг. записи производили для свода

песен П. В. Киреевского (около 40 текстов). Башкирский и русский фольклор Южного Урала записывал В. И. Даль, предания и песни о Пугачеве – А. С. Пушкин.

Запись и публикация уральского фольклора особенно активно велись в конце 50-х – начале 60-х гг. В это время фольклорные записи публиковались на страницах неофициальной части «Губернских ведомостей», они попадали на страницы смышляевского «Пермского сборника»; сказки, записанные уральским краеведом А. Н. Зыряновым, вошли в известное собрание русских народных сказок А. Н. Афанасьева.

С первых лет XIX в. «рассадниками» литературного творчества становятся учебные заведения. В крае очень быстро распространяются передовые произведения, например, «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Следы ранних списков бессмертной комедии ведут в Пермь и другие уральские города.

В творчестве местных литераторов нередко звучали вольнолюбивые антикрепостнические мотивы. Одним из таких литераторов был И. И. Варакин (Варокин), крепостной управляющий Верхне-Муллинского имения князей Голицыных. В 1807 г. в Петербурге вышла книга его стихов «Пустынная лира забвенного сына природы». В 1812 г. в петербургском журнале «Улей» появилось стихотворение И. И. Варакина «Глас истины к гордецам». Несмотря на предложение высокого выкупа, поэт так и не был отпущен своими хозяевами и умер в крепостной неволе.

В 20–30-е гг. в Перми жил и работал поэт-разночинец В. Т. Феонов – учитель риторики в Пермской гимназии. Доведенный до отчаяния пошлостью и жестокостью окружающей жизни, сатирик смело клеймил местные власти. По свидетельствам современников, множество стихов В. Т. Феонова ходило по рукам в списках, его острого слова боялся местный чиновничий мир. В 1825 г. в журнале «Вестник Европы» было напечатано его стихотворение «К лицемеру», являвшееся острой сатирой на пермского «помпадура» губернатора К. Я. Тюфяева, а по некоторым предположениям – на самого императора Александра I, который посетил Пермь в 1823 г.

В 20-х гг. XIX в. в Оренбурге жил поэт, участник декабристского движения П. М. Кудряшов, напечатавший в столичных журналах несколько своих повестей и стихотворений. В его творчестве большое место занимала башкирская тематика, он перевел и литературно обработал ряд башкирских песен: «Песнь башкирца перед сражением», песни о Салавате Юлаеве и др.

В 40-х – начале 50-х гг. в Перми работал известный в свое время писатель и поэт Е. А. Вердеревский, на творчество которого большое влияние оказала поэзия М. Ю. Лермонтова. В 1847 г. в Петербурге вышел его стихотворный сборник «Октавы». В 1857 г. вышло в свет его произведение «От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги», представляющее немалый интерес и поныне. К заслугам Е. А. Вердеревского как поэта нужно отнести то, что он одним из первых воспел в своих стихах не только природу Урала, но и труд его людей.

В рассматриваемый период с Уралом так или иначе были связаны некоторые крупные русские писатели и поэты. В 1790 г. и 1797 г. по пути в ссылку и из ссылки здесь проезжал А. Н. Радищев, оставивший в своих путевых записках заметки об уральских городах. Осенью 1833 г. Южный Урал посетил А. С. Пушкин, собиравший материалы для «Истории Пугачевского бунта». Тогда же в Оренбург приехал писатель и ученый В. И. Даль, служивший некоторое время чиновником особых поручений при губернаторе. В 1837–1839 гг. в Пермской гимназии «исправлял должность» старшего учителя истории и статистики П. И. Мельников – будущий писатель П. И. Мельников-Печерский, высланный сюда из Казани. Результатом его поездок по Уралу явились «Дорожные записки на пути из Тамбовской губернии в Сибирь», опубликованные в «Отечественных записках». В 1841 г. в Оренбурге побывал поэт А. К. Толстой. С 1847 по 1857 г. в Оренбургском крае находился в ссылке Т. Г. Шевченко. На Урале родились и провели свои детские годы писатель С. Т. Аксаков, известный поэт и профессор литературы Московского университета А. Ф. Мерзляков, дарование которого заметили пермские просветители конца XVIII в. и отправили продолжать обучение в столицу.

Показателем роста культуры стало возникновение типографий, которые появляются на Урале в конце XVIII в. В 1776 г. появилась первая типография в Вятке. В 1792 г. усилиями сложившегося в Перми кружка просветителей, поддерживавших связи с Н. И. Новиковым и А. И. Радищевым, была открыта типография при Пермском наместническом правлении, оборудование которой было получено из новиковской «Типографической компании».

Первой уральской книгой стал отпечатанный в Перми труд губернского доктора М. Л. Гамалеи «О сибирской язве и ее народном лечении, с прибавлением о скотском падеже и об острожностях, бываемых во время падежа». А в 1796 г. в губернской типографии вышла книга П. Филиппова «Подробное описание типографских должностей с приложением о правописании объяснения, каким образом через которое время оному научиться можно» – первое в России руководство по типографскому делу. В конце XVIII в. горным ведомством была создана типография в Екатеринбурге. В 1808 г. в ней была напечатана книга И. Ф. Германа «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих». В 1801 г. открылась типография в Уфе.

Первой попыткой выпуска местного периодического издания на Урале нужно, по-видимому, считать выпуск «Оренбургских периодических записок», два номера которых вышли в 1832 г. С 1838 г. стали выходить «Губернские ведомости» (Пермские, Оренбургские, Вятские). Эти газеты были официальными органами губернской администрации и первоначально состояли только из части «официальной». Несколько позже, когда в них появилась и «неофициальная» часть, в «Ведомостях» стали печататься материалы по истории, географии, экономике края и т. п.

После 1861 г. в крае по-прежнему продолжали издаваться только «Губернские ведомости», которые выходили в Перми, Оренбурге и Уфе (с 1865 г.). Общий подъем общественного движения затронул и эти издания: они несколько оживляются, расширяют свои «неофициальные» отделы, начинают печатать все больше и больше материалов по истории и экономике края,

на их страницах появляются и литературные произведения. В этом отношении характерен пример «Пермских губернских ведомостей», которые, борясь за читателя с появившейся частной прессой, заметно изменились. Вместо двух раз в неделю с 1896 г. они начали выходить ежедневно, перешли на большой формат. В газете сотрудничал ряд талантливых журналистов, главным образом либерального и либерально-народнического направления: В. А. Кандауров («Курянин»), И. Г. Остроумов, Е. Н. Косвинцев, поэт С. А. Ильин (старший брат известного писателя М. Осоргина), фельетонисты А. И. Скугарев и В. Я. Кричевский.

Частные газеты на Урале появились со значительным запозданием по сравнению со многими провинциальными городами России. Многочисленные обращения о разрешении издания газет губернская администрация, боявшаяся малейшего намека на свободомыслие, чаще всего встречала отказом. Однако в 70-х гг. частная пресса все же пробила себе дорогу. В 1871 г. появился «Уфимский листок объявлений и извещений». В 1876 г. начала выходить общественная и литературная газета «Оренбургский листок», рассчитанная на торгово-промышленные круги. С 1879 г. – «Екатеринбургская неделя», с 1885 г. – «Деловой корреспондент» в Екатеринбурге. В 1892–1894 гг. печаталась прогрессивная газета «Оренбургский край». В крае выходил и ряд других периодических изданий: «Епархиальные ведомости» (в Перми, Оренбурге, Екатеринбурге, Уфе), «Ирбитский ярмарочный листок», выпускали свои периодические издания и губернские земства, Уральское общество любителей естествознания и другие организации, В 1898 г. начал выходить журнал Совета съездов горнопромышленников Урала «Уральское горное обозрение».

В 60-х гг. в литературу пришли писатели-разночинцы, многие из которых вышли из провинции. В те же годы развивалось творчество ряда уральских писателей: Е. А. Словцовой-Камской (1830–1864 гг.), поборницы женского равноправия, выступившей с повестями «Любовь или дружба» и «Моя судьба», которые были опубликованы в «Русском вестнике», Ф. М. Решетникова и А. А. Кирпищиковой.

Федор Михайлович Решетников (1841–1871 гг.), один из видных писателей революционно-демократического лагеря, родился в Екатеринбурге в семье почтальона. Большую часть детства будущий писатель провел в Перми. После окончания Пермского уездного училища Ф. М. Решетников на некоторое время переехал в Екатеринбург, служил в уездном суде. Здесь юноша, имевший возможность непосредственно наблюдать тяжелую жизнь народа, его бесправие, впервые взялся за перо. В 1861 г. Ф. М. Решетников вернулся в Пермь, служил в казенной палате и продолжал заниматься литературным творчеством. Его первые заметки публиковались на страницах «Пермских губернских ведомостей». Он начал работу над произведением, которое принесло ему широкую известность, – над «Подлиповцами», опубликованными в «Современнике» в 1864 г. уже после переезда писателя в Петербург. В 1865 г. Ф. М. Решетников побывал на Урале в последний раз: он приезжал для того, чтобы пополнить свои впечатления о жизни уральских рабочих, которым он посвятил ряд произведений: «Где лучше?», «Горнорабочие», «Глумовы».

Анна Александровна Кирпищикова (1838–1927 гг.) родилась в Полазнинском заводе в семье крепостного служителя, большую часть своей жизни прожила в Перми. Демократическая среда, в которой она жила, и пытливые наблюдения действительности позволили А. А. Кирпищиковой создать яркие произведения о жизни уральских работных людей. В 1865 г. в «Современнике» был напечатан ее первый рассказ «Антип Григорьевич Мережин». Вскоре в этом журнале и в «Отечественных записках» появились другие ее произведения. В 1876 г. она начала автобиографическую трилогию «Прошлое», «Недавнее», «25 лет назад», в которой с большой художественной достоверностью описала уральский завод и его мастеровых при крепостном праве. С 1879 г. А. А. Кирпищикова сотрудничала в «Екатеринбургской неделе», печатая там свои рассказы и очерки. В конце 90-х гг. литературное творчество писательницы, жившей в очень тяжелых материальных условиях, по-видимому, совершенно прекратилось.

В 70–80-х гг. XIX в. развернулось творчество самого крупного уральского писателя-демократа этой поры Дмитрия Наркизовича Мамина-Сибиряка (1852–1912 гг.). Он родился в Висимо-Шайтанском заводе. После окончания духовного училища в Екатеринбурге и Пермской семинарии юноша, тяготившийся духовной карьерой, уехал в Петербург, где поступил в Медико-хирургическую академию, а затем перешел на юридический факультет университета. Уже в студенческие годы Д. Мамин начал писать. В 1877 г., оставив из-за болезни университет, он вернулся на Урал, на Салдинский завод, а через два года перебрался в Екатеринбург. Писатель много путешествовал по Уралу, изучая край, накапливая материал для произведений. В печати один за другим появлялись его рассказы, очерки, романы («Дикое счастье», «Горное гнездо», «Три конца»). В Екатеринбургском театре и московском театре Корша шла драма «Золотопромышленники» (1887 г.). В 1891 г. Д. Мамин переехал в Петербург и, пока еще свежи уральские впечатления, продолжил плодотворно работать. Из-под его пера вышли романы «Хлеб», «Золото», повесть «Охонины брови».

На Урале в это время побывал ряд видных русских писателей. Его посетили проездом Ф. М. Достоевский, К. М. Станюкович, И. А. Гончаров, Л. Н. Толстой, Г. И. Успенский. Через Урал провезли на каторгу Н. Г. Чернышевского. В 1890 г. по пути на Сахалин в Перми и Екатеринбурге побывал А. П. Чехов. На Южном Урале некоторое время жил Н. Г. Гарин-Михайловский. В Перми около года (с сентября 1880 г. по август 1881 г.) был в ссылке молодой В. Г. Короленко, а в 1894 г. город посетил А. М. Горький.

§ 3. Искусство

Уже в XVIII в. в городах и заводах края прочно прижились театрализованные представления – народные драмы. Наиболее популярными из них были «Шайка разбойников» и «Царь Максимилиан». В начале следующего столетия появились крепостные театры в вотчинах крупнейших магнатов – Строгановых,

Всеволожских и др. В качестве организаторов этих театров, имевших любительский характер, выступали представители крепостной интеллигенции, которые получили образование в столице и познакомились там с профессиональным театром. Основной состав актеров набирался из крепостных служащих, причем долгое время женские роли исполняли мужчины.

В 1807 г. крепостные служители Очерского завода организовали драматический кружок. Ему было отдано пустующее здание склада, который стали называть «комедийным сараем». В этом театре ставили пьесу В. В. Капниста «Ябеда», оперу А. Н. Верстовского «Аскольдова могила», оперу М. А. Матинского «Санкт-Петербургский Гостиный двор». В 20-х гг. XIX в. существовал театр в административном центре строгановской вотчины с. Ильинском. В 1850 г. по инициативе крепостного художника А. И. Мельникова, впоследствии известного оперного певца, был организован театр в Усолье. Крепостные труппы выезжали на гастроли и в губернский город. 3 июля 1821 г. в Перми в доме чиновника Казенной палаты В. И. Берха состоялось театральное представление, в котором участвовали актеры Очерского крепостного театра и актеры Поповы – крепостные Всеволожских.

Своеобразным музыкальным очагом на Урале в 20–30-х гг. XIX в. стал Оренбург, где среди военных и ссыльных имелись любители музыки и одаренные музыканты и композиторы. Особенный подъем музыкальной культуры в Оренбурге относится к 1833–1835 гг., когда здесь жили ссыльный композитор А. А. Алябьев, В. М. Верстовский (брат известного композитора) и другие музыканты. В эти годы в городе устраивались музыкальные вечера, был организован большой любительский хор. А. А. Алябьев в оренбургский период жизни усиленно занимался композицией, здесь он написал много романсов: «Дружбы нежное волненье», «Разочарованье», «Сладко пел душа-соловушка», «Азиатские песни» (на мотивы башкирских и казахских мелодий) и др.

Начало профессиональному театру на Урале положил казанский антрепренер П. А. Соколов – известный российский театральный деятель, игравший вместе с великими М. С. Щепки-

ным и П. С. Мочаловым, переехавший со своей труппой на Урал в начале 40-х гг. В Екатеринбурге первый спектакль этой труппы состоялся 5 ноября 1843 г. в наскоро переделанном помещении цейхгауза при горном госпитале. В первый же театральный сезон уральская публика познакомилась с операми А. Н. Верстовского «Аскольдова могила», В. Беллини «Невеста-лунатик» («Сомнамбула»), бессмертной комедией Н. В. Гоголя «Ревизор». Но большую часть репертуара по традиции того времени составляли мелодрамы, водевили и комедии отнюдь не самого высокого качества.

В Екатеринбурге был объявлен сбор денег на постройку каменного театрального здания, проект которого был утвержден в 1845 г. Новый сезон в театре на 800 мест открыла та же труппа П. А. Соколова.

В 1849 г. было построено деревянное театральное здание в Перми, сгоревшее в 1863 г. После этого было построено новое здание, также деревянное. По крайней мере с 1850 г. в городе выступала труппа П. А. Соколова. Основой его труппы были воспитанницы крепостного театра В. П. Тургеневой в Спасском-Лутовинове. Спектакли труппы П. А. Соколова стали большим событием в культурной жизни Перми. В 1851 г. Е. А. Вердеревский поместил в «Москвитяине» большую статью о постановке «Ревизора» с А. Д. Деклером в главной роли. Кроме того, шел «Гамлет». Летом 1854 г. актеры того же П. А. Соколова в Перми ставили спектакли «Гамлет», «Вадим», «Смерть или честь», инсценировку «Графа Монте-Кристо» и «Ревизора», полюбившегося пермской публике. Разорившуюся в 1857 г. антрепризу П. А. Соколова принял премьер его труппы В. В. Головинский (Головин) – выдающийся драматический актер, талант которого ценил сам М. С. Щепкин. Театр В. В. Головинского стал работать в городе с 1861 г. В 1866 г., когда в Перми в первый раз гастролировала выдающаяся оперная певица Д. М. Леонова, труппа В. В. Головинского ставила «Гамлета» с актером Александринского театра И. И. Монаховым в главной роли. Именно спектакли В. В. Головинского пристрастили к театру Д. Н. Мамина-Сибиряка, который в то время учился в Пермской духовной семинарии. А начинающий тогда писатель Ф. М. Решетников, слу-

живший в Пермской казенной палате, увлекшись театром, переписывал тексты ролей для актеров, написал сам несколько пьес, однако их никогда не ставили.

Оренбург до 1856 г., когда здесь выступила труппа провинциального антрепренера Б. И. Соловьева, не видел профессиональных артистов.

После отмены крепостного права в России быстро развивался провинциальный театр, у которого в это время появлялся новый, демократический зритель. Но Урал по-прежнему продолжала обслуживать в основном одна театральная труппа, включавшая в орбиту своей деятельности Пермь, Екатеринбург и Ирбит. В репертуаре театра были пьесы У. Шекспира, А. Н. Островского, А. В. Сухова-Кобылина, однако подавляющую часть его составляли легковесные комедии и водевили.

До конца 70-х гг. Пермь имела лишь небольшое деревянное театральное здание. Городской думой было принято решение построить новый, каменный театр, для чего объявили сбор пожертвований. В короткий срок жители города собрали более 100 тыс. руб. В подписке участвовали и рабочие Мотовилихи. К весне 1878 г. здание построили. Оно стало одним из лучших в то время провинциальных театральных зданий. В качестве антрепренера в Пермский театр пригласили выдающегося деятеля русской провинциальной сцены Петра Михайловича Медведева, человека передовых взглядов, талантливого актера и режиссера. Он подобрал труппу с большим старанием; в нее вошли В. Н. Давыдов, З. А. Рунич, И. П. Уманец-Райская, старейшая уральская актриса Е. А. Иванова, Л. В. Михайлов, М. И. Бабилов и др.

Театральный сезон 1878/1879 г. имел большое значение для уральского зрителя, так как продемонстрировал образцы высокого театрального искусства. В следующем, 1879/1880 г. П. М. Медведев впервые привез на Урал настоящий профессиональный оперный коллектив, с которым гастролировал по городам края. К середине 90-х гг. XIX в. Пермь и Екатеринбург превратились в крупные периферийные театральные центры. С 1895 г. Пермь стала первым городом России, отказавшимся от частной антрепризы (театр стал муниципальным и содержался за счет городской думы).

Развивается театр и на Южном Урале. В Уфе вместо сгоревшего деревянного здания театра в 1876 г. был выстроен новый театр, в котором выступали и профессиональные коллективы (в том числе С. Я. Семенова-Самарского, в труппе которого в 1890 г. пел 17-летний Ф. Шаляпин). В Оренбурге систематически выступали профессиональные драматические и оперные труппы. Спектакли шли в здании манежа, переоборудованном в театр. В 80-х и начале 90-х гг. и в других уральских городах – Челябинске, Кургане, Троицке – появлялись профессиональные труппы (как правило, небольшие и далеко не первоклассные), выступавшие с опереточными и драматическими спектаклями. Большое значение для Урала имели гастроли ряда выдающихся русских артистов. Во второй половине XIX в. здесь побывали Д. М. Леонова, В. Н. Андреев-Бурлак, М. Т. Иванов-Козельский, К. А. Варламов, Г. Н. Федотова, А. П. Ленский, П. А. Стреттова.

Кроме профессионального театра в Перми, Екатеринбурге, Уфе и других городах устраивались оперные и драматические постановки силами любителей. Доступ в театр и на постановки привилегированных любительских кружков имели в основном «верхи» или, в лучшем случае, представители средних слоев. Между тем передовая часть уральских рабочих жадно тянулась к театру. В этом отношении большой интерес представляют самодельные заводские театры, которые во второй половине века существовали во многих пунктах края, причем наряду с возникшими еще до реформы появилось много новых (в Нижнем Тагиле, Березниках, Юго-Камске, на Благовещенском заводе и в других местах). Эти театры, отличавшиеся большой демократичностью, пользовались успехом не только у интеллигенции, но и у рабочего зрителя.

В Перми, Екатеринбурге и Оренбурге в первой половине XIX в. имелись гарнизонные военные оркестры; в Златоусте, Екатеринбурге и Богословске – заводские казенные оркестры. Были в городах и крупных заводских поселках и отдельные группы музыкантов-любителей, иногда устраивались музыкальные вечера.

Бурный рост революционно-демократического движения в конце 50-х – начале 60-х гг. вызвал к жизни новую форму просветительской деятельности – музыкально-литературные вечера. Члены только что возникшего в Перми кружка А. И. Иконникова организовали в городе зимой 1859/1860 г. одиннадцать таких вечеров в пользу создаваемого Мариинского женского училища, на которых исполнялись музыкальные произведения А. Е. Варламова, А. С. Даргомыжского, Д. Россини и др. Пермская инициатива получила высокую оценку в газете «Санкт-Петербургские ведомости» и журнале «Современник». В 1861–1862 гг. подобные вечера проводились в Вятке, Елабуге, Глазове.

В Перми 60-х гг. было довольно много любителей музыки из числа местной интеллигенции. В июле 1874 г. в Пермь с гостролями вторично приезжала знаменитая оперная певица, ученица М. И. Глинки и друг М. Мусоргского Д. М. Леонова. Ее первый концерт состоялся 25 июля, а всего она выступила девять раз. Прекрасное исполнение певицей арий из опер М. И. Глинки «Руслан и Людмила», «Жизнь за царя», А. Н. Серова «Рогнеда» и «Вражья сила» покорили пермскую публику. Аккомпанировали певице пермские музыканты-любители. Приезд певицы послужил толчком к возникновению в Перми 19 октября 1874 г. музыкального кружка – своеобразной общественной филармонии. Инициатором его создания стал гласный земской управы Иван Павлович Дягилев. Он и его брат полковник Павел Павлович (отец знаменитого в будущем импресарио, организатора «Русских сезонов» С. П. Дягилева) стали на многие годы «старшинами» музыкального кружка и лидерами музыкальной жизни города. В октябре этого же года состоялся первый публичный концерт. В 1889 г. кружок, насчитывавший в это время 98 членов, дал 21 концерт, на которых исполнялись произведения М. И. Глинки, А. Н. Серова, А. С. Даргомыжского, П. И. Чайковского, А. Г. Рубинштейна, Л. ван Бетховена, В. А. Моцарта, Й. Гайдна, Ф. Мендельсона, Ш. Ф. Гуно.

В Екатеринбурге в 70-х гг. также сложилась группа любителей музыки и пения, которая скоро превратилась в музыкальный кружок, официально оформившийся в 1880 г. Он быстро рос и к 1891 г. насчитывал уже 177 членов. Силами любителей

был поставлен ряд сложных оперных спектаклей. Особое место среди деятелей кружка занимал С. В. Гилев – профессиональный певец, талантливый педагог и хормейстер, который открыл в городе на свои средства музыкальные классы, организовал певческую капеллу, с успехом гастролировавшую летом 1884 г. по городам Прикамья и Поволжья. С 1887 г. в Екатеринбурге систематически проводились камерные концерты.

В 1885 г. в Уфе возникло общество любителей пения, музыки и драматического искусства, которое стало играть видную роль в музыкальной жизни города.

Некоторое оживление в музыкальную жизнь Урала вносили концерты приезжих знаменитостей, которые заметно участились в 80-х – 90-х гг.

Издавна распространенными видами прикладного искусства в крае были резьба по дереву, художественная вышивка и ткачество. В связи с возникновением горнозаводской промышленности появились новые виды прикладного искусства. Быстро развивалось и достигло высокого совершенства камнерезное искусство. В первой трети XVIII в. в Екатеринбурге была устроена фабрика по обработке камня. В 1751 г. построены новая камнерезная фабрика в Екатеринбурге и фабрика в Северске, в 1765 г. открыт Горнощитский мраморный завод. Уральские умельцы совершенствовали технику обработки камня. Первыми произведениями уральских камнерезов были мелкие изделия из твердых пород камня. Постоянно доминирующим материалом стал мрамор, из которого изготавливали огромное количество архитектурных деталей для строящихся дворцов Петербурга и Царского Села.

Первая половина XIX в. стала периодом наивысшего расцвета камнерезного искусства на Урале. Работы русских архитекторов классической школы потребовали массу декоративных изделий. По рисункам выдающихся зодчих (К. Росси, А. Брюллова, К. Тона) и местных художников Екатеринбургская фабрика в это время изготавливала много ваз. В первой половине XIX в. на ней была освоена техника русской мозаики из малахита и лазурита. Производилась здесь и резьба по камню (глиптика).

Много разнообразных изделий было изготовлено в это время на Горнощитском заводе: камины, вазы для Эрмитажа, Петергофа и др. Значительными работами завода были памятник Ермаку в Тобольске, созданный по проекту архитектора А. Брюллова (1835 г.), и памятник П. П. Аносову в Омске, изготовленный по модели А. И. Лютинина (1852 г.).

В связи с застоём уральской промышленности и общим упадком монументального декоративного искусства началось снижение уровня камнерезного искусства в крае, почти не производились крупные работы, камнерезные предприятия в условиях капиталистической конкуренции оказывались нерентабельными. Ввиду сокращения заказов в 1858 г. был остановлен Горнощитский мраморный завод. Правда, и в это время уральские мастера создавали уникальные произведения, но общий художественный уровень камнерезных изделий оставался низким.

В пореформенный период в Екатеринбурге и его окрестностях быстро развился гранильный и камнерезный кустарный промысел. К началу XX в. здесь имелось уже 226 мастерских по обработке камня. Мастерские кустарей были узкоспециализированные. Вынуждаемые конкуренцией дробить свой труд на ряд отдельных операций, кустари-камнерезы из художников всё больше превращались в ремесленников. Это сказывалось на художественном уровне их изделий. Тем не менее отдельные мастера достигли высокого искусства в производстве печатей, наборных картин, художественно подобранных коллекций минералов.

Во второй половине столетия появились и кустарные изделия из мягких пород камня (ангидрита, селенита, талька, гипсового камня), которые стали вырабатывать в Осинском и Кунгурском уездах Пермской губернии. Здесь в огромных количествах изготовляли рамочки, пепельницы и различные безделушки (туфельки, сапожки, пасхальные яйца), не всегда отличавшиеся высоким художественным вкусом.

Первые художественные отливки из чугуна на Урале относятся к началу XVIII в. Есть сведения, что уже в 1726 г. из Екатеринбурга в столицу было отправлено много чугунных решеток. Во второй половине XVIII – первой трети XIX в. почти

на каждом заводе делались попытки освоить художественное литье, но наивысших достижений добились на Верх-Исетском, Сылвенском, Билимбаевском, Висимо-Шайтанском, Сысертском, Кушвинском, Каменском и особенно на Каслинском заводах, где литье возникло во второй четверти XIX в. В это время в Каслях работали один из первых литейщиков Никита Тепляков и первый художник-профессионал по литью, кыштымский архитекторский помощник М. Блинов, по рисункам которого создавались отливки. Касли становятся центром художественного литья на Урале. В 1860 г. завод получил за художественные работы малую золотую медаль Вольного экономического общества.

Однако к середине XIX в. на большинстве уральских заводов, изготовлявших чугунное художественное литье, выпуск этой продукции прекратился. Изготавливать ее продолжали лишь на Кусинском и Каслинском заводах. Каслинский завод переживает в это время настоящий расцвет. Выдающуюся роль в развитии здесь художественного литья сыграли скульпторы – выпускники Академии художеств Д. М. Канаев и Н. Р. Бах, которые были художественными руководителями завода и создали ряд прекрасных моделей. Традиции, созданные ими, прочно вошли в художественную жизнь Каслей. На заводе отливали изделия, образцами для которых служили работы крупных русских скульпторов Э. М. Фальконе, Ф. П. Толстого, П. К. Клодта, мастеров каменной скульптуры Н. И. Либериha, Г. Г. Лансере, А. Л. Обера.

Неразрывная связь с «большим» искусством положительно сказалась на уральском чугунном литье. Некоторые из мастеров-литейщиков, несмотря на множество препятствий, сами становились скульпторами, создавали оригинальные художественные модели. В этом отношении наибольшего внимания заслуживает творчество В. Ф. Торокина, получившего художественное образование в заводской скульптурной школе. Тайком от начальства, работая по ночам, скульптор-самоучка вылепил статуэтку «Старуха с прялкой», оказавшуюся очень правдивой и художественно выразительной. История создания этой скульптуры послужила писателю П. П. Бажову сюжетом для создания

сказа «Чугунная бабушка». В. Ф. Торокин создал еще ряд скульптур, отличавшихся не только высокой техникой исполнения, но и глубоким социальным содержанием. Заводовладельцы запретили ему создавать модели, которые своей «простонародностью» претили вкусу богатых покупателей. Последние годы жизни скульптор почти не занимался творчеством.

Каслинский завод выпускал также архитектурное чугунное литье, нередко представлявшее собой подлинные произведения искусства. Так, в 1896 г. каслинские мастера по проекту архитектора А. И. Ширшова создали чугунный павильон для Всероссийской художественно-промышленной выставки в Нижнем Новгороде.

Во второй половине XVIII в. на Урале (в Нижнем Тагиле, Невьянске и Верх-Нейвинске) активно изготавливали расписные лаковые железные изделия. Быстрое развитие этого ремесла и большой спрос на продукцию объясняются не только художественной росписью, но и высоким качеством тагильского масляного лака, изобретенного живописцами Худояровыми. Уже в XVIII в. мастерство живописцев достигло высокого уровня, оно еще более совершенствуется в начале XIX в. В это время тагильские железные изделия были очень широко распространены по всей стране. Размеры производства были весьма велики: в 1837 г. в одном лишь Нижнем Тагиле было 30 семей, занимавшихся этим промыслом, изделий вывозилось на 225 тыс. руб. в год.

Во второй половине XIX в. тагильская лаковая живопись постепенно пришла в упадок. Ее изделия, потерявшие очень многое в художественном отношении, уже не находили спроса в европейской части страны, оказываясь не в состоянии конкурировать с произведениями жостовского промысла, который соединил лучшие черты (материал и художественные мотивы) тагильской живописи с техникой иконописи.

В Прикамье широко распространилась художественная роспись по дереву, которой украшались деревянная утварь, мебель, сани, элементы интерьера. Среди многочисленных местных декоративных росписей (очерской, верещагинско-путинской, березовской, кунгурской, суксунской и др.) своим стиле-

вым единством и живописной манерой выделяется обвинская роспись. Основные мотивы обвинской росписи: «обвинская роза» – цветок со спирально закрученной серединой, яблоко или цветок с расходящимися вверх веточками, восьмилепестковые цветы, грозди ягод и пр. Основные элементы располагались на оси симметрии или в центре композиции. Прикамские и вятские «маляры» в своих произведениях живописно воплощали яркий мир народной фантазии.

В 1817 г. на Златоустовском заводе была пущена фабрика холодного оружия, вскоре прославившаяся своими изделиями. Заслуга создания высокохудожественных златоустовских клинков принадлежит плеяде выдающихся русских мастеров – клинковых рисовальщиков, из которых прежде всего нужно назвать Ивана Бушуева. Он первым перешагнул барьер, воздвигавшийся иностранными мастерами на пути развития русского художественного оружия, и создал выдающиеся работы (их дошло до нас около полутора десятков). Ученик И. Бушуева И. П. Бояршинов неоднократно получал награды за художественные клинки. Работали в Златоусте и другие крупные мастера – А. И. Бушуев, П. Уткин, Ф. Тележников.

С 60-х гг. XIX в. после длительного застоя начался новый подъем замечательного искусства златоустовских художников-оружейников, продолжавшийся около трех десятилетий. За это время был создан новый художественный стиль, не уступавший по своим достоинствам стилю основоположников этого искусства. В Златоусте выросла целая плеяда талантливых художников, умельцев-мастеров: братья Агарковы, С. О. Серовиков, Я. Д. Варламов, М. П. Мешалкин и др. Из их рук вышло множество клинков, охотничьего оружия, бытовых предметов (портсигаров, подносов и т. п.), украшенных златоустовской гравюрой. Лучшие образцы их работ экспонировались на Всероссийской художественной выставке в Нижнем Новгороде в 1896 г.

Оригинальной формой изобразительного искусства на Урале является пермская деревянная скульптура, широко бытовавшая в крае, особенно в его северо-западной части, в течение нескольких столетий. Появление ее было обусловлено древнейшими дохристианскими верованиями коренного населения, пе-

режитки которых стойко удерживались и после распространения христианства. Прикамское духовенство вынуждено было пойти на компромисс и допустить в уральские храмы деревянную скульптуру религиозного содержания. С течением времени «пермские боги» значительно изменились. Если в XVI–XVII вв. изваяниям была присуща некоторая суровость и аскетизм, свойственные еще языческим «истуканам», то в XVIII–XIX вв. они приобретают более реалистичный характер. Так, в работах Д. Т. Домнина начала XIX в. прослеживается влияние классицизма, произведения Н. Кирьянова конца столетия вызывают ассоциации с русским лубком. Уникальная коллекция деревянной скульптуры хранится в Пермской художественной галерее.

Наиболее значительными памятниками живописи XVI–XVII вв. являются иконы, которые стали распространяться в крае вместе с христианством. По своим художественным достоинствам среди икон этого времени, обнаруженных на Урале, выделяются иконы так называемой строгановской школы письма (название получила по имени заказчиков), произведения которой отличаются яркостью колорита, изяществом пропорций. Мастера Прокопий Чурин, Истома, Никифор и Назарий Савины, Емельян Москвитин, Семен Хромой создали лучшие образцы религиозной живописи «нового периода» русской истории.

В начале XVIII в. на Урале складывается оригинальный художественный жанр – горнозаводская графика. Одним из наиболее талантливых местных графиков первой половины XVIII в. был Михаил Кутузов, составлявший «заводам, рудникам и местам профили и чертежи». Он совместно с другим даровитым художником А. Ушаковым подготовил иллюстрации к книге В. И. Генина. В 1827 г. златоустовские художники, в том числе И. Л. Бояршинов, исполнили серию рисунков Златоуста.

Во второй половине XVIII – начале XIX в. во многих уральских городах и на заводах появились свои живописцы. В Нижнем Тагиле жила и работала целая династия крепостных художников Худояровых. Родоначальником этой семьи был Андрей Худояров, он и последующие Худояровы были мастерами по росписи железных лаковых изделий. Наиболее видными художниками из этой семьи были Павел Федорович, предста-

вивший на академическую выставку 1849 г. свою работу «Жертвоприношение Ифигении», Исаак Федорович, перу которого принадлежит картина «Гуляние на Лисьей горе», Степан Федорович, получивший образование в Италии. Темой большинства произведений Худояровых был Урал, его суровая природа. Наиболее выдающейся работой Худояровых является серия видов цехов Нижне-Тагильского завода, исполненная в 30–40-е гг.

Большинство уральских художников конца XVIII – первой половины XIX в. были крепостными. Строгановский крепостной, житель Усолья И. С. Дощенников обладал широким творческим диапазоном: писал иконы, расписывал храмы, но самым замечательным в его творчестве было обращение к изображению бытовых сцен. Замечательные портреты оброчных крестьян, крепостных служащих принадлежат кисти ильинского живописца С. П. Юшкова. Немногие счастливицы смогли освободиться от крепостной зависимости и окончить Академию художеств: это граверы И. А. Берсенева и А. А. Пищалкин, живописцы Н. М. Кусков, П. В. Лодейщиков, В. П. Худояров.

Урал был родиной многих выдающихся российских живописцев. Уроженцем Шадринска был профессор исторической живописи Ф. А. Бронников, выставлявший свои произведения на академических выставках, выставках Товарищества передвижников, принимал участие в целом ряде международных выставок. Ф. А. Бронников расписывал храм Христа Спасителя в Москве, церкви Александра Невского в Париже и Копенгагене.

В Перми в семье потомственных иконописцев чердынского происхождения родились замечательные живописцы братья П. П. и В. П. Верещагины – представители позднего академического направления. Они учились у пермских художников И. В. Бабина и А. У. Орлова, затем продолжили образование в Академии художеств. П. П. Верещагин оставил большое количество уральских пейзажей. В 1875–1876 гг. он путешествовал по р. Чусовой и вдоль строившейся тогда Горнозаводской железной дороги, выполнил огромное количество этюдов, на основании которых в последующие годы написал около 30 полотен: «Вид реки Чусовой при пересечении мостом Уральской железной дороги», «Река Чусовая. Камень Мултык», «Речка Архипов-

ка» и др. П. П. Верещагин первым из крупных живописцев обратился к изображению природы Урала. Полотна братьев Верещагинных находятся в Государственной Третьяковской галерее, Государственном Русском музее и лучших художественных собраниях страны.

Из известной в Перми дворянской семьи происходили П. А. и А. А. Сведомские, мастера европейского академизма, окончившие Дюссельдорфскую академию. Большую часть жизни они провели в Риме, но регулярно приезжали в родовое имение – Михайловский завод в Осинском уезде Пермской губернии. Павел Сведомский, исторический живописец, участвовал в росписи Владимирского собора в Киеве наряду с В. Васнецовым, М. Нестеровым, М. Врубелем. Его брат Александр известен более как пейзажист.

Своеобразная суровая и нетронутая природа Урала привлекала к себе внимание многих пейзажистов. С Прикамьем было связано творчество одного из основоположников реалистической пейзажной живописи, выдающегося русского художника И. И. Шишкина, уроженца Елабуги на Каме. Во многих картинах и графических работах художника, таких как: «На окраине соснового бора», «Пихтовый лес на Каме», «Кама», «Корабельная роща», воспета суровая красота этого богатейшего лесного края.

Одновременно с И. И. Шишкиным к уральской теме обратились и другие художники. Передвижник Н. А. Ярошенко в 80–90-х гг. дважды побывал на Урале. Здесь им были написаны пейзаж «Ночь на Каме» и два произведения, изображающие рабочих: «Ожидание обеда» и «Золотоискатель».

С 1891 г. на передвижных выставках регулярно стали появляться пейзажи художника-реалиста А. М. Васнецова (брата выдающегося русского художника В. М. Васнецова), изображавшего природу Среднего и Южного Урала. Его кисти принадлежат «Утро в Уральских горах», «Наступление ночи на Урале», «Гора Таганай», «Дебри Урала. Уренга», «Кама» и др.

В крупных уральских городах появились профессиональные художники, получившие специальное образование. В середине XIX в. в Перми работал А. У. Орлов, две работы которого

хранятся в Третьяковской галерее. Учитель рисования в Пермской гимназии, воспитанник Академии художеств А. С. Шанин открыл первую в городе школу рисования и живописи. Другой воспитанник Академии Н. М. Плюснин долго служил учителем рисования в средних учебных заведениях Екатеринбурга.

Большую роль в художественной жизни Урала сыграла научно-промышленная выставка 1887 г., в художественном отделе которой экспонировались картины ряда выдающихся русских художников: В. Г. Перова, И. К. Айвазовского, И. И. Шишкина, А. И. Корзухина и др. Она познакомила уральскую публику с произведениями крупных мастеров. После выставки в Екатеринбурге было оставлено несколько картин, переданных затем в музей Уральского общества любителей естествознания и послуживших впоследствии ядром для образования его художественного отдела.

Во второй половине XIX в. на Урале сложилась культурная среда, представители которой не только могли ценить искусство, но и воспроизводить его в самых высоких образцах.

§ 4. Архитектура

Развитие архитектуры Урала было тесно связано с хозяйственным освоением края. Основным видом жилища русских поселенцев в XV–XVII вв. были дома северного типа: высокие, с крутой двускатной крышей, увенчанной коньком, с высоким крыльцом. Коми-пермяки вначале жили в маленьких курных избах – «керку», но с течением времени они позаимствовали у русских дом северного типа. Постепенно появились и другие типы жилых построек. В Башкирии население в качестве постоянных жилищ использовало деревянные избы и, кроме того, различные каменные и саманные дома; в качестве летнего жилища бытовала юрта. Традиционный уральский дом был трехкамерным – «изба да клеть, а промеж ними сени», однако эта простая схема варьировалась с бесконечным разнообразием.

Большинство крупных русских поселений имело оборонительные сооружения. Первый на Урале кремль был возведен

в 1535 г. в Чердыни дьяком С. Д. Курчевым. Уральские плотники при возведении крепостей применяли несколько устойчивых типов башен и фортификационных сооружений, отличавшихся отточенной веками простой и рациональной конструкцией. Свообразным «модулем» оборонительной архитектуры служило стандартное бревно длиной «по полутретье сажени, а в отрубке пять вершков». Проездные башни имели более сложное устройство; так, в Верхотурском деревянном и Кунгурском кремле приезжающих встречали впечатляющие башни, срубленные «на 12 углов».

С распространением христианства и притоком населения в крае строились многочисленные церкви. До наших дней дошло несколько храмов XVII – начала XVIII в., представляющих собой уникальные памятники деревянного зодчества: Богоявленская часовня в с. Пянтег Чердынского района (не позднее 1617 г., Богородицкая церковь из с. Тохтарево Суксунского района (1694 г.), церковь Преображения из с. Янидор Чердынского района Пермского края (1702 г.) и др.

В последней трети XVII в. во многих уральских городах началось каменное строительство. В это время были возведены: древнейшее гражданское здание Урала – воеводский дом в Соликамске (1688 г.), замечательный ансамбль Соликамских церквей (1683–1713 гг.), богато украшенных орнаментами из лекального кирпича и изразцовыми поясами. В 1698–1712 гг. был построен каменный кремль в Верхотурье с красивейшим Свято-Троицким собором. В 35 км от Чердыни в пос. Ныробе в 1705 г. в память о заточении дяди первого русского царя из династии Романовых боярина Михаила Никитича возведена Никольская церковь, благодаря своим пропорциям, декору и внутренним росписям занимающая одно из первых мест в ряду памятников уральской архитектуры. В самой Чердыни в 1718 г. на месте первого христианского храма Урала была построена в камне церковь Иоанна Богослова, возвышающаяся, как утес, на берегу р. Колвы.

С начала XVIII в. на Урале развернулось крупное промышленное строительство. Основывались десятки горных заводов, которые в основном создавались силами уральских зодчих.

Заводы имели четкую сетку кварталов, до последней трети XVIII в. они окружались укреплениями. Уральские зодчие творчески подошли к возведению промышленных сооружений: заимствуя европейские технологии, они не повторяли западную фахверковую архитектуру, а использовали более уместные в холодном климате срубные конструкции, выработанные еще в XVI–XVII вв. при постройке соляных варниц и амбаров.

В качестве примера горного завода этого времени можно привести Невьянский (1701 г.), строительством которого руководили М. Бибииков и С. Викулин. Как и все уральские заводы, он включал в себя пруд с плотиной, сам завод, поселок мастеровых, имевший прямые широкие улицы, площадь, на которой были расположены дом Демидовых, церковь и башня. Невьянский завод представлял собой стройный архитектурный ансамбль, украшением которого была семиэтажная сторожевая башня высотой в 57,5 м – замечательный образец заводской архитектуры.

Другим примером уральского градостроительства того времени может служить Екатеринбургский завод (1723 г.), планировка которого изначально велась по четкой прямоугольной системе, обусловленной течением р. Исети, плотиной и прямоугольной крепостью.

Его ровесник Егошихинский медеплавильный завод также строился с регулярной уличной сетью, но его планировка в силу особенностей ландшафта и основного вектора экономического развития имела особый характер. Дома жителей тяготели к камской пристани.

После придания этим заводам в 1781 г. городского статуса Пермь и Екатеринбург стали застраиваться по планам, разработанным в Комиссии по каменному строительству Москвы и Петербурга. В Перми крупные градостроительные работы проводились в 1796–1811 гг., когда губернатором был военный инженер К. Ф. Модерах. Часть камского берега была выложена камнем, построены здание для пермской градской школы (1797 г.), гостинный двор (1804 г.), кафедральный Спасо-Преображенский собор и архиерейский дом (1799–1832 гг.), была намечена планировка центральной части города.

Первая половина XIX в. стала периодом расцвета архитектуры на Урале. Особенное развитие наряду с гражданской получила промышленная архитектура: создавались монументальные заводские сооружения, велись большие работы в городах. В это время в крае работало значительное количество архитекторов – выпускников Академии художеств, которые являлись проводниками идей передовой русской архитектуры.

В 1822–1832 гг. в качестве архитектора Пермского горного правления работал выдающийся зодчий И. И. Связев. Сын крепостного графини В. А. Шаховской из с. Верхние Муллы под Пермью, в 1818 г. он окончил Академию художеств, которая и выкупила его на волю. Кроме работ на горных заводах (Медеплавильная фабрика Мотовилихинского завода, Большая оружейная фабрика Златоустовского завода, Монетный двор в Екатеринбурге и многие другие) И. И. Связев выполнил ряд проектов в Перми: жилые дома, ротонда в Загородном саду, обелиски Сибирской заставы, здание Благородного собрания, колокольня Спасо-Преображенского собора и др. Впоследствии он стал академиком архитектуры, руководил постройкой храма Христа Спасителя. Его можно считать основоположником российской промышленной архитектуры.

Эту честь с И. И. Связевым разделяет один из крупнейших уральских архитекторов М. П. Малахов. Служа с 1815 г. главным архитектором Екатеринбургских заводов, он в течение нескольких десятилетий спроектировал и построил много зданий для Екатеринбурга и окружающих заводов. Творения М. П. Малахова: больница Верх-Исетского завода, аптека горного правления, гранильная фабрика. В первой половине XIX в. при его участии в Екатеринбурге возник выполненный в стиле русского классицизма архитектурный комплекс бывшего Харитоновского дома, состоящий из ряда зданий, сада с прудом, беседками, лестницами.

Урал – родина знаменитого русского зодчего А. Н. Воронихина. Он родился в семье строгановских крепостных в с. Усолье и впоследствии был отправлен в Москву для обучения живописи и архитектуре. Считают, что по его проектам на Урале

были построены бывшая Ново-Никольская церковь, дом Голицыных в Усолье и другие здания.

В конце XVIII – первой половине XIX в. на Урале было создано значительное количество выдающихся по своей архитектуре гражданских и промышленных сооружений, разработаны архитектурные ансамбли городов и заводов. Но в 40-х гг. XIX в. темпы строительства снизились, построенные в это время здания свидетельствуют о начале упадка русского классицизма.

Во второй половине XIX в. с ростом населения в городах возникли новые кварталы, выделились промышленные районы, где сосредотачивались предприятия и жилое рабочее население. Эти районы не были благоустроены, отличались беспланоностью застройки. В отличие от рабочих окраин, центральные части городов начинают благоустраиваться, здесь строили каменные многоэтажные дома, улицы мостили булыжником, появились сначала керосиновое, а потом и газовое уличное освещение, водопровод.

Закономерный, но противоречивый отказ от классицистических традиций архитектуры первой половины XIX в., подчас формалистические поиски, эклектическое соединение элементов различных архитектурных стилей, потворствование индивидуальным, часто убогим вкусам заказчиков – все эти черты, присущие русской архитектуре периода завершения промышленной революции, были свойственны и уральской архитектуре. Лучшими образцами построек тех лет могут служить: дом Севостьянова в Екатеринбурге, построенный в мавритано-готическом стиле, здание пермской Мариинской женской гимназии, возведенное по проекту ирбитского уездного архитектора Ю. О. Дютеля.

Промышленное строительство этого времени оставило мало архитектурных памятников: в связи с застоем большинство заводов не перестраивалось. Правда, в это время было построено несколько новых предприятий в Мотовилихе, Чусовом, Надеждинске, Березниках, Златоусте, промышленные сооружения которых существенно отличались по своим архитектурным формам от заводских зданий предшествующих времен.

§ 5. Наука

С начала XVIII в. в России была развернута большая работа по географическому описанию и изучению страны, особенно ее восточных пространств – Сибири, Урала, Нижнего Поволжья. Значительную работу по изучению Среднего и Северного Урала провели члены Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) – Г. Ф. Миллер, И. Г. Гмелин, С. П. Крашенинников и др. В 1734 г. по инициативе выдающегося русского географа И. К. Кириллова была организована Оренбургская экспедиция, на которую кроме военных и политических возлагалась задача научного изучения края. По прибытии на Урал члены экспедиции развернули работы по географии, картографированию, ботанике, зоологии и т. д.

С Оренбургской экспедицией приехал на Урал Петр Иванович Рычков, который вырос в крупного ученого с широкими энциклопедическими интересами: он изучил Оренбургский край и написал о нем ряд работ: «Историю Оренбургскую», «Топографию Оренбургскую», которая получила высокую оценку М. В. Ломоносова и всей Академии наук. Он вел регулярную переписку с Академией наук, а в 1759 г. был избран ее первым членом-корреспондентом. В 1762 г. «Топография» вышла в Петербурге отдельной книгой. В конце жизни П. И. Рычков приступил к составлению «Лексикона Оренбургской губернии», в котором излагались разнообразные географические, экономические, исторические сведения о крае.

В 1768 г. Академия наук, организовав комплексную экспедицию, послала на Урал два отряда, которые объехали почти весь край. Во главе одного из них стоял молодой русский ученый, выдающийся исследователь Иван Иванович Лепехин, впоследствии академик. Руководителем второго отряда был ученый-натуралист Петр Симон Паллас. В трудах членов этой экспедиции И. И. Лепехина, П. С. Палласа, Н. П. Рычкова (сына П. И. Рычкова), И. И. Георги и других видное место отведено описанию заводов, их экономике, описанию и исследованию минеральных богатств Урала, содержится много сведений о географии, животном и растительном мире, населении края, его древностях и достопримечательностях.

В первой половине XIX в. Академия наук не послала на Урал ни одной экспедиции. Экспедиции отдельных ученых были организованы в это время помимо нее (это поездки великого немецкого ученого Александра Гумбольдта, геологов Р. Мурчисона и Г. П. Гельмерсена и др.).

Только что созданное Русское географическое общество послало в 1847 г. с целью исследования границы между Европой и Азией экспедицию, которая сделала много для изучения и описания Северного Урала.

Нужды горной промышленности края требовали развития здесь прикладных и точных наук. Особенно острой была потребность в обобщающих работах по истории и теории горного дела, по технологии металлургического производства и т. д. В 30-х гг. XVIII в. крупным специалистом и организатором горного дела В. И. Генниным было составлено первое «Описание уральских и сибирских заводов». Книга долгое время оставалась в рукописи, была опубликована только в 1937 г., но все же была известна широкому кругу горных специалистов, широко распространялась в списках, использовалась в качестве учебного пособия.

К концу XVIII в. – первым годам XIX в. относятся труды И. Ф. Германа по минералогии, горному делу, металлургии. В 1784 г. он издал «Минералогические исследования Урала», в 1809 г. – «Описание заводов, под ведомством Екатеринбургского горного начальства состоящих».

Особенно успешно горная наука стала развиваться на Урале с 20-х гг. XIX в. В 1826 г. в Екатеринбурге начало действовать Горное общество, основная задача которого состояла в распространении новых открытий в горном деле. По инициативе общества в 1834 г. в Екатеринбурге стал создаваться «музей» российских ископаемых, вскоре представлявший собой одно из богатейших минералогических собраний мира. В Екатеринбурге была создана магнитная и метеорологическая обсерватория.

На Урале велись работы по изучению животного и растительного мира, создавались первые естественноисторические музеи. Еще в 1831 г. в Оренбурге при Неплюевском военном училище ссыльный Т. Зан организовал музей, в котором была

хорошо представлена природа Южного Урала. В конце 30-х гг. известный русский ученый и писатель В. И. Даль организовал в Оренбурге «Музей естественных произведений Оренбургского края».

После первых ботанических и зоологических описаний края, составленных путешественниками XVIII в., во второй четверти XIX в. начали появляться новые работы: Г. И. Щуровского о Богословском округе, Вейнмана о флоре Пермской губернии, Протасьева, Стражневского, Пестерева о растительности восточного склона Северного Урала, Х. Ф. Лессинга и А. Лемана о флоре Южного Урала и др. Большую работу по изучению животного и растительного мира Урала проделал Э. А. Эверсман – известный ученый и путешественник, профессор Казанского университета, автор капитального труда «Естественная история Оренбургского края».

На Урале в связи с растущими потребностями горнозаводской промышленности в древесном топливе рано начали задумываться о рациональном использовании и восстановлении лесов. Особенно большой вклад в научное лесоводство на Урале внес А. Е. Теплоухов, главный лесничий Пермского нераздельного имения Строгановых. Он опубликовал более 50 работ, касающихся всех сторон лесного хозяйства, провел большое количество опытов по акклиматизации различных древесных пород.

В конце XVIII – начале XIX в. в Пермской губернии работал выдающийся русский врач И. В. Протасов. В 1798 г. он изучил и описал условия труда на горных заводах Красноуфимского уезда, создав первую работу по гигиене труда в России. В 1800 г. он написал статью о глазных болезнях, распространенных среди башкир. В первой половине XIX в. на Урале работал другой видный деятель медицины – Т. Ф. Успенский, автор «Медико-топографического описания Екатеринбургского горного округа и его города», изданного в 1835 г. в Москве на латинском языке.

Еще в XVII в. в крае началось свое летописание. От этого времени до нас дошли: «Повесть о взятии Сибирской земли» (Строгановская летопись) и «Летопись Сибирская, краткая, Кунгурская». Обе они посвящены походу Ермака в Сибирь. Первая

из них, по мнению исследователей, была написана в первой половине XVII в. летописцем, близким к Строгановым. Она является одним из важнейших источников по истории похода Ермака, хотя и трактует некоторые события тенденциозно. Вторая летопись, дошедшая до нас лишь в виде отдельных отрывков, возникла, очевидно, в Прикамье во второй половине столетия.

Первое упоминание о необходимости исследования памятников старины на Урале содержалось еще в «Горном уставе», написанном выдающимся русским ученым и организатором горного дела В. Н. Татищевым, который по праву считается первым русским историком XVIII в. В первой половине XIX в. на Урале начали появляться люди, главным образом из кругов местной разночинной и крепостной интеллигенции, которые деятельно занимались историей и экономикой края.

В 40-х гг. XIX в. Строгановы стали требовать присылки в столицу всех «любопытных» предметов, находимых в их имениях. С. Г. Строганов дал подробное указание своему управляющему Ф. А. Волегову о сборе археологических находок. Ф. А. Волегов и сам интересовался археологией и собирал древности. Часть находок отправлялась в столицу, другая – оставалась в Прикамье, в с. Ильинском. Ф. А. Волеговым же был составлен альбом местных находок. Его коллекция послужила началом собранию пермских древностей, которое продолжил А. Е. Теплоухов во второй половине века.

В работах путешественников XVIII в. И. И. Лепехина, П. Палласа, Н. П. Рычкова и других имеются описания отдельных городищ и прочих «древностей». В 1820 г. раскопки ряда городищ в Верхнем Прикамье производил В. Н. Берх. Начиная со второй четверти XIX в. ряд памятников края раскапывался местными археологами-любителями, собирались коллекции древних предметов. Так, в районе Нижнего Тагила в 30–50-х гг. археологические раскопки производились местными краеведами – учителем Выйского училища И. М. Рябовым и Д. П. Шориным. Раскопки курганов в Шадринском уезде вел А. Н. Зырянов.

Создается ряд монографических исследований. Директор Пермского главного народного училища Н. С. Попов по программе Вольного экономического общества составил «Хозяйст-

венное описание Пермской губернии», которое превосходит своей полнотой многие работы подобного рода. В нем даются подробные сведения об экономике губернии в целом, об отдельных городах и заводах, имеются краткие исторические справки. Эта книга выдержала два издания: в Перми в 1804 г. (в двух томах) и в Петербурге в 1811–1813 гг. (в трех томах).

В 1832 г. вышло «Краткое статистическое и географическое описание Оренбургской губернии» И. Журавского, в 1859 г. – «Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношении» В. М. Черемных и исследование В. А. Шестакова, в котором освещаются хозяйство и быт глазовских удмуртов. Две последние работы были отмечены медалями Русского географического общества.

В 1821 г. в Петербурге вышла книга В. Н. Берха «Путешествие в города Чердынь и Соликамск для изыскания исторических древностей», в которой опубликован ряд уникальных документов: грамоты и указы царей, извлечения из писцовых книг и т. п.

Упомянутый выше Ф. А. Волегов (1790–1856 гг.), крепостной, получивший вольную и долгое время работавший в главной конторе строгановского имения в с. Ильинском, имея доступ к архиву и библиотеке Строгановых, написал несколько исторических работ: «Исторические сведения о графах Строгановых», «Историко-статистические таблицы на пермские имения гг. Строгановых» и др. Несмотря на подобоострастное восхваление своих хозяев, он дал в этих работах большой и ценный фактический материал.

Протоиерей пермского Петропавловского собора Г. Ф. Сапожников (прадед художников П. и А. Сведомских) составил первую летопись г. Перми. Преподаватель Пермской гимназии Ф. А. Прядильщиков написал несколько работ историко-краеведческого характера, важнейшей из которых является «Летопись губернского города Перми», охватывающая период с 1781 по 1844 г. Ряд работ по истории Башкирии («Мысли об истории Оренбургской губернии» и др.) написал В. С. Юматов.

В первой половине XIX в. началась деятельность местного исследователя-самоучки А. Н. Зырянова. Выходец из крестьян-

ской семьи, получивший знания путем самообразования, он несколько десятков лет изучал историю, географию, этнографию, фольклор Шадринского уезда. За свои труды А. Н. Зырянов был избран в члены Вольного экономического и Русского географического обществ. Его перу принадлежат более сорока печатных работ, в том числе «Материалы для описания Шадринского уезда», «Материалы для истории заселения Зауральского края» и др.

В 1859–1860 гг. в Москве под редакцией пермского краеведа и общественного деятеля Д. Д. Смышляева вышло два тома «Пермского сборника», в котором приняли участие преподаватели Пермской гимназии Н. А. Фирсов (впоследствии профессор Казанского университета), Я. И. Предтеченский, А. Д. Крупенин, краевед А. Н. Зырянов и группа профессоров Казанского и Московского университетов (К. В. Ешевский, М. Я. Китарры, Н. П. Вагнер). Это было ценное собрание материалов по истории, географии, этнографии, статистике, библиографии, экономике края, получившее высокую оценку демократической критики.

Кириак Кондратович, учитель Екатеринбургской латинской школы, в 1735–1741 гг. составил «лексиконы» (словари) татарско-русский, вотячко-русский, чувашско-русский, вогулицко-русский, остяцко-русский.

В первой половине XIX в. учитель Вятской гимназии В. Я. Баженов составил удмуртский словарь, Н. Н. Рогов – пермяцко-русский и русско-пермяцкий, М. С. Косарев – сравнительную грамматику удмуртского, коми-зырянского и коми-пермяцкого языков.

XVIII в. – век превращения Урала в крупнейший промышленный район России – потребовал высокого по тому времени уровня технических знаний, вызвал к жизни техническое творчество. Создателями новой техники были в большинстве своем простые люди, нередко крепостные. Именно они строили уральские заводы, совершенствовали промышленную технику и иногда обгоняли своими изобретениями достижения наиболее развитых стран Европы. Большая часть выдающихся достижений уральских техников не получила практического применения, многие изобретения были забыты, не сохранились даже имена некоторых умельцев.

Талантливый изобретатель-гидротехник Козьма Дмитриевич Фролов, сын мастерового Полевского завода, работая на Змеиногорском руднике на Алтае, в 60–80-х гг. XVIII в. построил ряд уникальных гидротехнических систем.

В первой половине XIX в. на Урале работали талантливые гидротехники-изобретатели И. Е. Сафонов и К. К. Ушков. И. Е. Сафонов, плотинный мастер Алапаевских заводов, почти одновременно с французом Б. Фурнероном и совершенно независимо от него изобрел и построил гидравлическую турбину. Крепостной Демидовых К. К. Ушков осуществил на Нижне-Тагильских заводах выдающийся по своей простоте и эффективности проект увеличения гидроресурсов путем создания канала, соединяющего р. Черную с Черноисточинским прудом.

На Урале родился и прожил значительную часть своей жизни выдающийся изобретатель, первый русский теплотехник Иван Иванович Ползунов, изобретший в 1763 г. первый в мире паровой универсальный двигатель непрерывного действия.

Крупных успехов добились и другие уральские теплотехники и механики. К их числу нужно отнести Е. Г. Кузнецова, создавшего для Тагильских заводов ряд уникальных станков; талантливых пожвинских мастеров П. К. Казанцева и С. П. Истомина, которые под руководством выдающегося русского инженера П. Г. Соболевского (впоследствии члена-корреспондента Академии наук) построили в 1816–1817 гг. первые два парохода, ходивших по Каме и Волге. И не их вина в том, что пароходство по рекам Волго-Камского бассейна началось только с 1846 г., когда истек срок привилегии шведского подданного К. Берда.

Крупный вклад в дело развития русской техники внесли крепостные нижнетагильские механики Ефим Алексеевич и Мирон Ефимович Черепановы, построившие в 1834 г. первый в России паровоз и паровую железную дорогу. В 1835 г. Черепановы построили другой, более мощный паровоз. Таким образом, первая в России железная дорога была построена на Урале, в Нижнем Тагиле на три года раньше Царскосельской. Но ни хозяева, ни царское правительство не оценили выдающейся заслуги уральских механиков.

На Урале у Черепановых нашлись последователи: крепостной А. А. Черепанов создал «парового слона», перевозившего грузы с Нижне-Салдинского завода на Верхне-Салдинский. В 1839 г. на Пожевском заводе уральские механики построили паровоз для Царскосельской железной дороги.

Выдающимся металлургом был П. П. Аносов, который, окончив в 1817 г. Корпус горных инженеров, поступил на Златоустовский завод, где и проработал в течение тридцати лет. Он много сил и времени потратил на опыты по получению высококачественных сталей, и особенно булатной стали, секрет производства которой был давно утрачен. Ему удалось выплавить все известные сорта булатной стали. Талантливый металлург явился основоположником отечественной металлографии. Его перу принадлежит ряд работ в этой отрасли, в том числе знаменитая книга «О булатах» (1841 г.).

Преемником П. П. Аносова явился другой талантливый металлург – П. М. Обухов, который на Златоустовском заводе выплавил несколько сортов дешевой и высококачественной стали. С 1857 г. П. М. Обухов занялся в Златоусте опытами по получению оружейной стали и изготовил к 1860 г. первые стальные пушки. В дальнейшем он продолжал свои работы в Петербурге.

Во второй половине XIX в. в деле изучения природных богатств края значительную роль продолжали играть Академия наук и созданный Геологический комитет, силами которых здесь был проведен ряд исследований, главным образом в области геологии и минералогии. Академик Г. Н. Гельмерсен исследовал месторождения каменного угля, выдающийся геолог А. П. Карпинский производил многочисленные разведки на восточном склоне Уральских гор. Ф. Н. Чернышеву принадлежит «Описание части Восточного Урала» и ряд трудов по палеонтологии. Солидные исследования по геологии края проделали крупные русские геологи И. В. Мушкетов и Е. С. Федоров, В. И. Миллер, А. А. Штукенберг.

Большую роль в изучении Урала играли Русское географическое общество, имевшее отдел в Оренбурге, Общество естествоиспытателей при Казанском университете, многое делали

местные ученые-энтузиасты, которые в последней трети XIX в. создали несколько научных объединений, сыгравших выдающуюся роль в изучении края.

В 1870 г. в Екатеринбурге возникло Уральское общество любителей естествознания (УОЛЕ), организовавшее силы местной интеллигенции на комплексное изучение края. В числе активных членов общества были географ И. Я. Кривошеков, ботаник П. В. Сюезев, историк Н. К. Чупин, Д. Н. Мамин-Сибиряк, А. Е. Клер. По инициативе общества на Урале была создана сеть метеорологических станций, оно уделяло большое внимание некоторым вопросам сельского хозяйства и горнозаводской промышленности. Велась также работа по почвоведению, ботанике, зоологии, медицине, археологии. Общество занималось и просветительской деятельностью. Крупным событием в жизни УОЛЕ была Сибирско-Уральская промышленная выставка, открытая по его инициативе летом 1887 г. в Екатеринбурге. Общество установило обширные связи с научными учреждениями и организациями России и других стран. Этому содействовал выпуск «Записок» (с 1873 г.). УОЛЕ была создана богатейшая библиотека на многих языках и музей (1888 г.).

Пермской комиссией УОЛЕ в 1890 г. по инициативе группы интеллигенции во главе с врачом П. Н. Серебrenниковым, археологами Н. Н. Новокрещенных и Ф. А. Теплоуховым был основан музей, ставший видным научным центром Прикамья.

В 1887 г. создается Оренбургская губернская ученая архивная комиссия, в 1889 г. была официально открыта архивная комиссия в Перми. Эти комиссии объединили вокруг себя большинство местных историков, проводили значительную работу по сбору, изучению, публикации исторических документов, выпускали свои «Труды». Появлялись и другие научные общества и организации: Уральское медицинское общество в Екатеринбурге, Оренбургское физико-медицинское общество, Уфимский губернский музей и др.

Уральские исследователи вносили свою лепту в дело изучения края. Например, сельский священник И. М. Первушин, получивший образование в Пермской семинарии, упорно занимался исследовательской работой в области теории чисел и до-

бился успехов (открытие «числа Первушина» и др.), признанных мировой наукой. Крупные исследования в области климатологии Урала принадлежат пермяку Ф. Н. Панаеву. С начала 70-х гг. он систематически вел метеорологические наблюдения, составлял периодические обзоры климатических явлений, организовал «Прикамскую сельскохозяйственную метеорологическую сеть». Растительный мир Урала изучали Ф. А. Теплоухов, ботаник-самоучка П. В. Сюев.

На Урале развернулась деятельность многих выдающихся врачей, которые в труднейших условиях делали попытки применить передовые методы лечения, активно бороться с причинами болезней, заниматься научно-исследовательской работой. К их числу нужно прежде всего отнести врачей А. И. Миславского, окулиста и хирурга, крупного общественного деятеля, автора многих научных статей, и П. В. Рудановского, прослужившего почти тридцать лет на нижнетагильских заводах. Его труды в области невропатологии и физиологии доставили автору всемирную известность. Казанский университет присвоил А. И. Миславскому и П. В. Рудановскому степени докторов медицины. К этой же плеяде принадлежат «дедушка земской санитарии», один из первых русских санитарных врачей И. И. Моллесон, оставивший около 200 печатных работ, О. В. Португалов, П. В. Кузнецкий, крупный специалист по глазным болезням и прогрессивный общественный деятель Е. П. Серебренникова.

Во второй половине XIX в. на Урале, так же как и во многих других краях России, широко развернулось изучение местной истории. К числу наиболее выдающихся краеведов-историков этого времени нужно прежде всего отнести Н. К. Чупина, много лет занимавшего пост директора Уральского горного училища. Перу Н. К. Чупина принадлежит большое количество трудов по истории и географии края, в том числе обширная работа «Географический и статистический словарь Пермской губернии», не потерявшая значения до наших дней.

Историей края много занимались: Д. Д. Смышляев, выпустивший ценный библиографический справочник «Источники и пособия для изучения Пермского края» (1879 г.); И. В. Вологдин; А. Алекторов, написавший «Историю Оренбургской гу-

бернии»; В. И. Шишонко, автор многих статей, составитель большого сборника документов по истории края – «Пермской летописи»; башкирский просветитель М. С. Уметбаев; Р. Г. Игнатъев, опубликовавший несколько работ по истории Башкирии.

Самым крупным историком Урала этого времени является А. А. Дмитриев – преподаватель Пермской гимназии. Его перу принадлежат 140 работ, в том числе такое капитальное исследование, как «Пермская старина» – систематический очерк истории края с древних времен до конца XVII в. Огромный фактический материал, собранный автором, не потерял значения и по сей день.

На рассматриваемый период падает и первая половина деятельности известного уральского географа И. Я. Кривошекова, ученого-самоучки, родившегося в семье коми-пермяков – строгановских крепостных, автора многих карт и географических исследований.

Развивались в крае и археологические исследования, которые вели также в основном местные археологи-любители: А. Е. Клер; В. Я. Толмачев, составивший археологическую карту Урала; Ф. А. Теплоухов, пополнивший археологическую коллекцию своего отца А. Е. Теплоухова и написавший ряд исследований; Н. Н. Новокрещенных, открывший и раскопавший один из крупных археологических памятников – Гляденовское костыще; Р. Г. Игнатъев, проведший ряд раскопок на Южном Урале; и др. Центрами археологического изучения края служили губернские архивные комиссии и Археологическая комиссия УОЛЕ.

П. М. Вологодский составил «Программу этнографических исследований в Уральском крае» и этнографическую карту Урала. Б. М. Флоринский, Б. Юлуев, П. С. Назаров и другие написали ряд работ по этнографии башкир, Д. П. Никольский издал труд «Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование».

Во второй половине XIX в. продолжалось собирание и изучение уральского фольклора. Записи произведений устного народного творчества в это время печатались на страницах «Губернских ведомостей» и других газет, «Записок» УОЛЕ, Орен-

бургского филиала Русского географического общества и других изданий. Много места заняли народные легенды и песни в работе Д. Петухова «Горный город Дедюхин и окольные местности». В 70–80-х гг. появились специальные исследования и сборники уральского фольклора («Народные песни, собранные в Чердынском уезде Пермской губернии» В. Попова, «Отрывки народного творчества Пермской губернии» В. Шишонко). Начали свою работу такие собиратели уральского фольклора, как Д. Зеленин и Л. Воеводин. Башкирский фольклор собирали и изучали С. А. Батыршин, М. Куватов, писатель-народник Ф. Д. Нефедьев. Интерес к фольклору проявляли и уральские писатели Ф. М. Решетников, Д. Н. Мамин-Сибиряк и Г. Белорецкий, напечатавший значительное количество записей рабочих частушек и песен.

В 80-х гг. в связи с некоторым промышленным оживлением на Урале несколько активизировалось и техническое творчество. В это время здесь работал ряд выдающихся инженеров и техников, созданы несколько отделений Русского технического общества, организованы заводские музеи.

Горный инженер В. Алексеев основал паровозостроение на Урале, создав Воткинскую локомотивную фабрику. Выдающийся русский инженер Н. В. Воронцов построил на Мотовилихинском заводе самый крупным в мире 50-тонный паровой молот и мощные паровые краны.

Выдающийся металлург К. П. Поленов, проработавший около тридцати лет на Нижне-Салдинском заводе, прославился целым рядом изобретений и усовершенствований. Он ввел прокатку стальных рельсов, разработал новый метод бессемерования малокремнистых чугунов, получивший широкое распространение под названием «русского (или непрямого) метода». Сохранились сведения, говорящие о том, что изобретатель работал над проблемой электрического освещения и даже конструировал (задолго до П. Н. Яблочкова) электрический фонарь.

С Уралом связана деятельность Н. Г. Славянова, выдающегося электротехника, изобретателя электрической сварки металлов, служившего с 1883 г. на Мотовилихинском заводе. К 1890 г. он разработал основные принципы своего способа

электросварки с применением металлических электродов и сконструировал сварочный полуавтомат (электроплавильник). Изобретатель стал широко применять свой способ в производстве. В 1893 г. на Всемирной выставке в Чикаго изобретение получило всеобщее признание. Н. Г. Славянов изложил основные принципы своего метода в книге «Электрическая отливка металлов».

Уроженцем Уральского края является и выдающийся русский физик – изобретатель радио А. С. Попов, родившийся в 1859 г. в пос. Турьинские рудники и обучавшийся в Пермской семинарии.

В целом к концу XIX в. на Урале, как и по всей стране, произошли существенные изменения в области культуры, которые были обусловлены разворачивающейся промышленной революцией и становлением гражданского общества. Важнейшими сторонами этих изменений были: рост тяги к знаниям среди широких масс; появление нового типа потребителя культурных ценностей – демократического читателя, зрителя; складывание местной творческой и научной интеллигенции.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В., Миненко Н. А., Побережников И. В. Сельское и городское самоуправление на Урале в XVIII – начале XX века. М., 2003.

Андрущенко А. И. Крестьянская война 1773–1775 гг.: На Яике, в Приуралье, на Урале и в Сибири. М., 1969.

Алферов И. С. Зодчие старого Урала. Свердловск, 1960.

Бадер О. Н., Оборин В. А. На заре истории Прикамья. Пермь, 1958.

Баяндина Н. П. Пермь купеческая. Пермь, 1997.

Березники: энцикл. справ. Пермь, 2007.

Благотворительность на Урале. Екатеринбург, 2001.

Богатырева О. Н. Эволюция системы местного управления в Вятской и Пермской губерниях (1861 – февраль 1917). Екатеринбург, 2004.

Брайцева О. И. Строгановские постройки рубежа XVII–XVIII веков. М., 1977.

Васина Т. А. Камские заводы: население, культура, быт (конец XVIII – первая половина XIX в.). Ижевск, 2006.

Введенский А. А. Дом Строгановых в XVI–XVII веках. М., 1962.

Верхоланцев В. С. Город Пермь, его прошлое и настоящее. Пермь, 1994.

Гаврилов Д. В. Горнозаводский Урал XVII–XX вв.: избр. тр. Екатеринбург, 2005.

Гагарский М. Д. Население и хозяйство Пермской области и Коми-Пермяцкого округа: учеб. пособие. Пермь, 2003.

Голикова С. В., Миненко С. В., Побережников И. В. Горнозаводские центры и аграрная среда в России: взаимодействия и противоречия, XVIII – первая половина XIX в. М., 2000.

Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Древняя и средневековая история Прикамья в цикле экскурсионных программ: учеб. пособие. Пермь, 2014.

Головчанский Г. П., Мельничук А. Ф. Строгановские городки, острожки, села. Пермь, 2005.

Голохвастова Н. В. Крепостные служащие в системе управления Уральского горнозаводского имения в конце XVIII – первой половине XIX вв. (на примере Пермских вотчин Строгановых). Пермь, 2004.

Горовой Ф. С. Падение крепостного права на горных заводах Урала. Пермь, 1961.

Города-заводы. Пермь, 2014.

Дашкевич В. А. Городская школа в общественной и культурной жизни Урала (конец XVIII – первая половина XIX в.). Екатеринбург, 2006.

Дмитриев А. А. Пермская старина: сб. ист. ст. и материалов, преимущественно о Пермском крае. Пермь, 1889–1900.

Историко-архитектурное наследие Пермского края: кат.-справ. Пермь, 2011.

История Урала с древнейших времен до 1861 г. М., 1989.

История Урала в период капитализма. М., 1990.

История Урала с середины XIX в. до нашего времени: учеб. пособие. Екатеринбург, 2003.

История Урала с древнейших времен до середины XIX в.: хрестоматия. Екатеринбург, 2002.

История Урала с древнейших времен до середины XIX в.: учеб. пособие. Екатеринбург, 2002.

Калинина Т. А. Развитие народного образования на Урале в дореформенный период (80-е гг. XVIII – первая половина XIX в.): учеб. пособие. Пермь, 1992.

Калинина Т. А. Развитие образования на Урале в первой половине XIX в. (школа в Чермозе Пермской губернии). Пермь, 2002.

Кириллические издания XVI–XVII вв. в хранилищах Пермской области: каталог. Пермь, 2003.

Козлов А. Г. Творцы науки и техники на Урале. XVII – начало XX века: библиогр. справ. Свердловск, 1981.

Корчагин П. А. Губернская столица Пермь. Пермь, 2006.

Косточкин В. В. Чердынь. Соликамск. Усолье. М., 1988.

Лотарева Р. И. Города-заводы России, XVII – первая половина XIX в. Екатеринбург, 1993.

Марченко А. Летопись православных храмов на Егошихинском кладбище города Перми. Пермь, 2007. Кн. I.

Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества». Пермь, 2006.

Мангилева А. В. Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии): моногр. Екатеринбург, 1998.

Миненко Н. А., Анкаримова Е. Ю., Голикова С. В. Повседневная жизнь уральского города в XVIII – начале XX века. М., 2006.

Мосин А. Г. Род Демидовых. Екатеринбург, 2012.

Мушкалов С. М. Грибушины. Пермской губернии династия. Пермь, 2007.

Мухин В. В. История горнозаводских хозяйств Урала первой половины XIX в.: учеб. пособие по спецкурсу. Пермь, 1978.

Неклюдов Е. Г., Попова-Яцкевич Е. Г. Род Лазаревых. Екатеринбург, 2013.

Нечаева М. Ю. Монастыри и власти: управление обителями Восточного Урала в XVIII в. Екатеринбург, 1998.

Оборин В. А., Чагин Г. Н. Чудские древности Рифея. Пермский звериный стиль: альбом. Пермь, 1988.

Оборин В. А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990.

Очерки археологии Пермского Предуралья: учеб. пособие / под ред. А. М. Белавина. Пермь, 2002.

Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края / В. И. Байдин, И. Н. Белобородова, Е. М. Главацкая и др. Екатеринбург, 1998.

Павленко Н. И. История металлургии в России XVIII века: заводы и заводовладельцы. М., 1962.

Пермские губернаторы: традиции и современность / под общ. ред. И. К. Кирьянова, В. В. Мухина. Пермь, 1997.

Пермский край: прошлое и настоящее (к 200-летию образования Пермской губернии): материалы междунар. науч.-практ. конф., Пермь, 28–29 мая 1997 г. Пермь, 1997.

Пермь от основания до наших дней: ист. очерки. Пермь, 2000.

Пермь. Летопись города. 1723–2013. Пермь, 2013.

Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI – начале XVIII века. М., 1972.

Рабинович Я. Б. Пермские «декабристы»: 1800–1883. Пермь, 1966.

Рабинович Я. Б. Ревнителю прав народных. Очерки по истории рев.-демократ. движения на Урале в 60-х – нач. 80-х гг. XIX в. Пермь, 1989.

Редин Д. А. Административные структуры и бюрократия Урала в эпоху петровских реформ (западные уезды Сибирской губернии в 1711–1727 гг.). Екатеринбург, 2007.

Род Строгановых: культ.-ист. очерки. Екатеринбург, 2007.

Семенов О. В. Становление и эволюция системы местного самоуправления на Урале во второй половине XV – первой половине XVII в. Екатеринбург, 2006.

Серебренников Н. Н. Пермская деревянная скульптура. Пермь, 1967.

Скрынников Р. Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

Софьина М. В. Общественное призрение в городах Пермской губернии в 1781–1870 гг.: моногр. Пермь, 2015.

Страницы истории земли Пермской: Прикамье в XVIII–XX вв.: учеб. пособие / под ред. А. М. Белавина. Пермь, 1997.

Страницы истории земли Пермской: Прикамье с древнейших времен до начала XVIII в.: учеб. пособие / под ред. А. М. Белавина. Пермь, 1995.

Страницы истории художественной культуры Прикамья: учеб. пособие. Пермь, 2006.

Субботин Е. П. Некрополь Пермского Спасо-Преображенского кафедрального собора. Пермь, 2012.

Суслов М. Г. Уральский рабочий союз, или Как писали историю в советское время. Пермь, 2003.

Традиционная культура русского крестьянства Урала, XVIII–XIX вв. Екатеринбург, 1996.

Устюгов Н. В. Солеваренная промышленность Соли Камской в XVII веке: к вопросу о генезисе капиталистических отношений в русской промышленности. М., 1957.

Устюгова В. В. «Прекрасная эпоха» синематографа. 1896–1919. На материале русской провинции: моногр. Пермь, 2015.

Христианская культура Пермского Прикамья. Пермь, 1998.

Чагин Г. Н. Города Перми Великой Чердынь и Соликамск. Пермь, 2004.

Чагин Г. Н. Исторические знания народов Урала в XIX – начале XXI века. Екатеринбург, 2011.

Чагин Г. Н. История в памяти русских крестьян Среднего Урала в середине XIX – начале XX века: учеб. пособие. Пермь, 1999.

Чагин Г. Н. На древней пермской земле. М., 1988.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2015.

Чагин Г. Н. Народы и культуры Урала в XIX–XX вв.: ист.-этногр. атлас. Екатеринбург, 2003.

Чагин Г. Н. Пермский край на перекрестках истории и культуры: учеб. пособие. Пермь, 2010.

Чагин Г. Н. Род Шуваловых. Екатеринбург, 2013.

Чагин Г. Н. Храмы земли Чердынской. Пермь, 2015.

Чагин Г. Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века. Пермь, 1995.

Чагин Г. Н., Шилов А. В. Уездные провинции Кунгур, Оса, Оханск. Пермь, 2007.

Черкасова А. С. Мастерские и работные люди Урала в XVIII в. М., 1985.

Черноухов А. В. История медеплавильной промышленности России, XVI–XIX вв. Свердловск, 1988.

Черныш М. И. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь, 1959.

Шкерин В. А. Генерал Глинка: летопись эпохи. Екатеринбург, 1998.

Шустов С. Г. Пермское имение графов Строгановых в первой половине XIX века: учеб. пособие. Пермь, 2006.

Эйриян Т. Г. Из рода Строгановых: истории XVI–XIX веков в лицах. Екатеринбург, 2003.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. Древность и Средневековье Урала.....	3
§ 1. Ранняя история Урала (эпоха первобытности – XV век).....	3
§ 2. Начало русской колонизации Урала	20
§ 3. Строгановы на Урале	34
§ 4. Духовная культура вотчин Строгановых.....	48
§ 5. Продолжение колонизационных процессов в XVI веке	52
Раздел II. Урал в XVIII – первой половине XIX века	55
§ 1. Горнозаводская промышленность Урала в XVIII – первой половине XIX века.....	55
§ 2. Сельское хозяйство Урала в XVIII веке.....	76
Раздел III. Урал во второй половине XIX века	83
§ 1. Подготовка и проведение реформы 1861 года	83
§ 2. Промышленность	88
§ 3. Сельское хозяйство	101
§ 4. Население.....	110
§ 5. Благотворительность	120
Раздел IV. Культура Урала в XVII–XIX веках	149
§ 1. Просвещение.....	149
§ 2. Фольклор. Литература и печать.....	162
§ 3. Искусство	169
§ 4. Архитектура.....	183
§ 5. Наука	188
Библиографический список.....	201

Учебное издание

Головчанский Григорий Петрович, **Корчагин** Павел Анатольевич,
Мельничук Андрей Федорович и др.

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА УРАЛА ДО КОНЦА XIX ВЕКА

Редактор В. О. Дедова
Компьютерная верстка О. В. Чистяковой

Подписано в печать 29.04.2016. Формат 60 x 84/16.
Бумага офсетная. Печать цифровая. Усл. печ. л. 12,09.
Тираж 100 экз. Заказ № 04.

АНО ВПО «Прикамский социальный институт».
614036, Пермь, ул. Одоевского, д. 18а.

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии издательства
Пермского национального исследовательского
политехнического университета.
614990, Пермь, Комсомольский пр., 29, к. 113.